

история/география/этнография

История и география
загробного мира

Олег Ивик

История и география загробного мира

Олег Ивик

Ломоносовъ

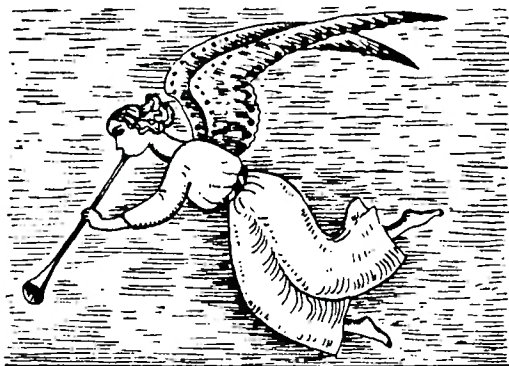
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Олег Ивик

История
и география
загробного мира

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94
ББК 63.3(0)3
И17

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-177-9

© О. Ивик, 2014

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2014

От авторов

- Я написал о Кавказе.
- А вы были на Кавказе?
- Через две недели поеду.

И. Ильф, Е. Петров.

«Двенадцать стульев»

Из беседы Персицкого с Никифором Ляписом

Под общим псевдонимом Олег Ивик работают двое авторов: Ольга Колобова и Валерий Иванов. Взявшись за создание этой книги, они в какой-то степени уподобились печально известному Никифору Ляпису... Увы, авторам не приходилось бывать в загробном мире, и извиняет их, как и Ляписа, лишь тот факт, что они рано или поздно там все-таки окажутся. Впрочем, «отец географии» Эратосфен тоже не бывал нигде, кроме Александрии и Афин. А «отец истории» Геродот, объездив всю ойкумену, в своей работе тем не менее широко приводил малодостоверные рассказы, например, об одноглазых жителях Севера аримаспах или о стерегущих золото грифах. Что же касается авторов этой книги, то они, хотя и вынуждены были работать по чужим материалам, пользовались лишь заслуживающими доверия источниками и личными свидетель-

ствами столь уважаемых людей, как Моисей, Гомер, Иоанн Богослов или Данте Алигьери...

Несмотря на то что авторы не пересекали границ загробного мира, им не раз случалось навещать пограничные территории, участвуя в археологических раскопках. И если могильную камеру кургана можно в какой-то мере рассматривать как «прихожую» и «кладовую» царства мертвых, то эти помещения авторам хорошо знакомы, равно как и многие их обитатели.

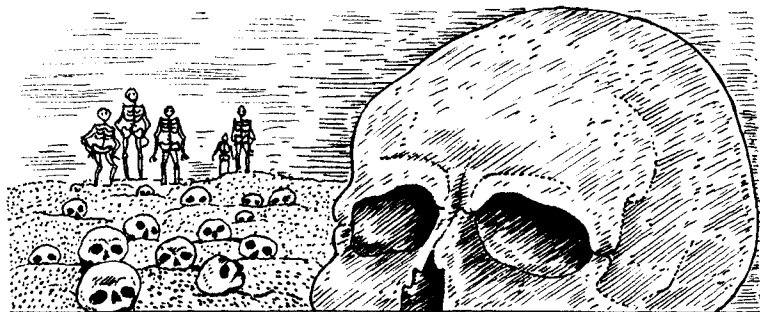
В настоящей книге рассматривается общая демографическая картина загробного мира и дается историко-географическое описание наиболее изученных его территорий. Небольшой объем и обзорный характер книги не позволяют использовать ее в качестве путеводителя, поэтому тем, кто намерен лично посетить эти места, авторы рекомендуют обратиться к списку литературы: некоторые из перечисленных там текстов, например «Бардо Тхёдол» или египетская «Книга мертвых», специально создавались как руководства для переселенцев.

В книге приводятся выдержки из путевых заметок ряда авторов, посещавших различные загробные царства в разные эпохи.

В заключение авторы выражают благодарность директору Института ноосферных разработок и исследований, академику Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности Б. Г. Режабеку, который проконсультировал их по сложным вопросам космологии и физики загробного мира, а также отговорил от попытки провести в реальных условиях мысленный эксперимент Гесиода по бросанию наковальни в Тартар, объяснив, что при этом значительная часть атмосферы может втянуться в образовавшуюся дыру, что приведет к нежелательному изменению климата.

Авторы благодарят также сотрудника Института космических исследований РАН, к.ф.-м.н. Б. Е. Мошкина, который убедил их в правомерности применения к падению бога Гефеста третьего закона Кеплера.

Общий демографический и исторический обзор

Загробный мир — величайший среди известных нам обитаемых миров. Правда, пока нам известно всего два таких мира, но, учитывая, что его население составляет по разным оценкам от шестидесяти до ста с лишним миллиардов человек (именно столько людей умерло на Земле за всю историю ее существования), у нас есть основания предположить, что такого количества разумных обитателей нет ни на одной планете.

Конечно, по количеству умерших трудно установить точную численность населения загробного мира, поскольку, возможно, не все они туда попали и, во всяком случае, далеко не все ушли в мир иной навсегда. Скажем, буддисты имеют тенденцию возвращаться в мир живых. Но даже среди буддистов «невозвращенцы» преобладают, поскольку наиболее просветленные граждане сразу уходят в нирвану, а наименее просветленные распределяются между мирами голодных духов, ревнивых богов и пр. И лишь очень немногие возвращаются в мир живых. Что касается представителей других конфессий, то количество переселенцев из загробного мира у них крайне мало. У христиан это всем известный Лазарь. У древних греков — Орфей, Семела, Асклепий, Геракл, Тесей... Все-

го лишь несколько имен, которыми в рамках статистики можно пренебречь. Пренебречь с тем большим основанием, что все названные лица, вернувшись однажды из загробного мира, в конце концов вновь туда попали.

Индуистов и буддистов, возвращающихся из загробного мира, в какой-то мере уравнивают «статуетки слуг» и «ушебти», которыми в период с третьего по первое тысячелетия до н.э. населяли свое загробное царство египтяне, причем сплошь и рядом на одного человека-переселенца приходилось по несколько ушебти (см. главу «Дуат»). Кроме того, к жителям загробного мира можно отнести незначительное коренное население: богов, духов, валькирий и пр. Поэтому можно утверждать, что население загробного мира на 2014 год составляет, во всяком случае, не менее шестидесяти миллиардов жителей.

Демографическая картина этого мира в чем-то сходна с демографической картиной земли: в двадцатом — двадцать первом веках там проявилась тенденция к заметному росту и старению населения (за счет роста населения и резкого снижения детской смертности в нашем мире). В настоящий момент прирост населения в загробном мире составляет более пятидесяти миллионов человек в год (возможно, эта цифра слегка завышена за счет покидающих его буддистов и индуистов). Причем естественный прирост населения практически отсутствует, и рост численности происходит благодаря мощной иммиграции.

Выход из загробного мира возможен в основном из районов с буддистским и индуистским населением. В других регионах считанные попытки вернуться на землю достаточно часто терпят неудачу (как в случае Орфея и Эвридики). Смертность в загробном мире невелика и не оказывает заметного влияния на численность населения. В некоторых регионах она практически нулевая. Кое-где (египетское царство мертвых) существует отличная от нуля вероятность, что после пересечения границы царства прибывший туда умрет вторично, будучи скормленным за свои грехи льву с головой крокодила. Во избежание подобных инцидентов для поступающих в загробный мир на постоянное жительство разработаны путеводители и руководства (египетская «Книга мертвых», «Бардо Тхёдол» и пр.).

В большинство регионов въезд свободный, иногда достаточно уплатить лишь небольшую пошлину на границе (например, в Аиде это был один обол, что во времена массового переселения примерно равнялось стоимости одного литра дешевого вина). Но есть и области с весьма ограниченным доступом (христианский рай). Во многие регионы вход разрешен только по национальному или конфессиональному признаку.

Политическая география загробного мира мало исследована. Известно, что он состоит из ряда государств, большинство из которых представляют собой абсолютные монархии. Царства эти, в свою очередь, делятся на области и регионы, причем членение бывает иногда достаточно сложным. В качестве примера можно назвать католические ад, чистилище и рай (наиболее хорошо исследованные территории загробного мира, известные нам по путевым заметкам Данте Алигьери). Административное деление производится иногда по самым неожиданным признакам, например по половому: так, в Вальгалле живут преимущественно мужчины (не считая некоего количества валькирий).

Хозяйственная и прочая деятельность населения загробного мира очень сильно зависит от региона. В загробном мире древних египтян она полностью повторяет земную, но для занятий ею существуют дубликаты покойников, упомянутые выше ушебти, численность которых значительно превосходит численность людей. В Вальгалле трудовая повинность заменена воинской службой. Известны территории полного ничегонеделания (Аид на ранних этапах истории). В целом можно считать, что в большинстве регионов загробного мира население ведет приятный и необременительный образ жизни. И лишь в некоторых царствах имеется нечто вроде концентрационных лагерей с принудительными работами. Так, в Аиде примерно в двенадцатом веке до н.э. возникло отделение для преступников, таких, как Сизиф и Данаиды (подробнее см. главу «Царство Аида»).

Первые жители загробного мира, о которых сохранилась вполне достоверная археологическая информация, стали переселяться в мир иной в эпоху среднего палеолита. Древнейшей известной группой переселенцев сегодня считают

три десятка человек, останки которых найдены в 15-метровом карстовом провале, неподалеку от входа в пещеру Куэва-Майор на нагорье Сьерра-Атапуэрка в Испании. Среди них было немало детей, и почти никто не перешагнул тридцатилетний рубеж. Они жили примерно 300 тысяч лет тому назад, и их считают гейдельбергскими людьми — предшественниками неандертальцев.

Конечно, ученые не раз находили и более древние останки, но нет никаких оснований думать, что их владельцы собирались отправиться в иной мир и как-то готовились к этому переселению. Что же касается жителей Сьерра-Атапуэрки, они захватили с собой в последнее путешествие великолепно обработанный пятнадцатисантиметровый бифас (заостренное с двух сторон орудие) из розового кварцита. Поскольку этот бифас не имеет следов использования, специалисты считают, что он попал в могилу не случайно, а был намеренно положен туда для посмертного употребления. Не слишком роскошное имущество для такой большой группы, но ведь это была едва ли не первая волна переселенцев, и традиции проводов в загробный мир еще не успели сложиться.

Примерно такая же по численности группа переселенцев-неандертальцев отправилась в загробный мир 130 тысяч лет тому назад с территории современной Хорватии (пос. Крапина). Считается, что с этого времени неандертальцы освоили загробный мир, сформировали о нем достаточно четкое представление и стали заботливо провожать туда своих умерших. Правда, забота эта носила иногда не вполне понятный характер: ранние неандертальцы, похоронив покойного, со временем расчленили его и изымали череп или укладывали его отдельно. По-видимому, в неандертальском загробном мире можно было часто видеть несчастных жителей, лишенных головы. Для них это было тем более печальной утратой, что их мозг имел объем в среднем $1400-1600\text{ см}^3$, что превышает объем мозга современного человека ($1300-1400\text{ см}^3$). Ученые считают, что неандертальцы не слишком отличались от нас по своим умственным способностям. Но с головой или без головы, они жили в загробном мире вполне комфортно, по крайней мере, по своим меркам. Они брали с собой каменные орудия, мясо животных и их рога, кусочки охры... Известны

могилы, в которые были положены яйца страуса, живые цветы и даже костяная пластинка с резными символами, наводящими на мысль об астрономии.

Впрочем, со временем неандертальцы, видимо, поняли, что голова в загробном мире лишней не будет. Так, знаменитый девятилетний ребенок из пещеры Тешик-Таш был похоронен без расчленения. Объем его мозга составлял 1500 см^3 — огромная цифра, тем более для ребенка. Могила защищена ограда из рогов горного козла, рядом был устроен очаг.

Сохранил голову и неандертальский юноша из Ле-Мустье, давший название неандертальской культуре (мустьерская). 45 тысяч лет назад он был похоронен на территории нынешней Франции. Молодой человек взял в дорогу куски кремня, каменные орудия и большой запас жареного мяса.

Справедливости ради надо отметить, что некоторые исследователи, изучавшие могилы неандертальцев, сомневаются в том, что найденные там предметы были заупокойными дарами, — они допускают, что эти, очень немногочисленные, вещи и тем более кости животных могли попасть туда случайно. Но даже если неандертальцы отбывали в мир иной без какого бы то ни было имущества, соплеменники заботливо провожали их, укладывая в могилу на бок в скорченной позе, — именно так похоронено большинство из них.

По-видимому, в загробном мире неандертальцев обитало немало медведей. Во всяком случае, люди принимали все меры по их переселению туда. Известно большое количество медвежьих могил. Так, в пещере Регуду во Франции был похоронен целый бурый медведь. Его сопровождал ритуальный камень с отверстиями и части туш других медведей. Тело было накрыто плитой, весящей 850 килограммов.

В Нерубайских катакомбах под Одессой найдены останки четырехсот медведей. А неподалеку, возле села Ильинка, — кости еще пятисот зверей, в основном медвежат. Это не отходы «перерабатывающей промышленности» неандертальцев, а именно захоронения; некоторые из них совершены в специальных каменных ящиках.

Судя по костным останкам, медведей в загробном мире неандертальцев было заметно больше, чем людей. Среди ученых существует мнение, что далеко не все неандертальцы

удостоились посмертного существования. Во всяком случае, отнюдь не каждого из них специально снаряжали и провожали в мир иной. Подсчитано (хотя и очень приблизительно), что на сегодняшний день археологи раскопали лишь одного погребенного неандертальца на миллион живших. Эта цифра очень мала, если учесть достаточно многочисленные найденные стоянки. К тому же погребения, как правило, носили единичный характер, не больше двух-трех человек в одном месте (а чаще всего — единственный погребенный). Родовые могильники появляются гораздо позднее, через много тысячелетий после полного переселения неандертальцев в мир мертвых. Возможно, погребения в специально отведенных местах удостаивались только особо выдающиеся члены племени; останки же всех прочих могли быть брошены на растерзание зверям, птицам или рыбам и не сохранились до наших дней. Посмертная судьба этих людей (или ее отсутствие) остается под вопросом.

В течение десятков тысячелетий неандертальцы сосуществовали бок о бок с людьми современного антропологического облика, но примерно 35 тысяч лет тому назад *Homo sapiens sapiens* почти полностью вытеснил неандертальцев из мира живых. С этого времени, в эпоху верхнего палеолита, заселение загробного мира пошло быстрее, а хозяйственная и культурная жизнь в нем стала гораздо богаче. Покойные прихватывали с собой кремневые ножи, скребки и проколки, костяные ложила и иглы, собираясь продолжать ту же работу, что и на земле. Охотники брали копья и дротики. Но главной ценностью в загробном мире в этот период, как ни странно, считались украшения.

Переселенцы отправлялись в мир иной в одежде, украшенной бусами, просверленными морскими раковинами и клыками животных. В моде были подвески, ожерелья, диадемы, браслеты из бивня мамонта. Хорошо известный археологам мужчина из могилы на стоянке Сунгирь, на окраине современного Владимира взял с собой в загробный мир лишь несколько немудреных даже по тем временам каменных инструментов. Зато одних только бусин, которыми была расшита его одежда, археологи насчитали больше трех с половиной ты-

сяч. Специалисты утверждают, что изготовление одной такой бусины из бивня мамонта занимает в среднем 45 минут. Таким образом, работа над полным комплектом бус, украшавших одежду сунгирьца, требовала более двух с половиной тысяч человеко-часов; иначе говоря, один человек, работая по восемь часов в день, должен был истратить на это около года. Кроме того, на мужчине были найдены двадцать браслетов, тоже из бивня мамонта, а шапка его была расшита двадцатью клыками песца.

К концу палеолита по очень приблизительной (и спорной) оценке на земле ежегодно умирало около ста тысяч человек. Сколько из них отправлялось в загробный мир, а сколько — в небытие, сегодня судить очень трудно. Во всяком случае, проводов и сборов в загробный мир удостаивались далеко не все. Но начиная с мезолита (обычно не ранее двенадцатого тысячелетия до н.э.) и особенно с наступлением неолита (обычно не ранее восьмого тысячелетия до н.э.) загробный мир широко распахивает свои двери не только для избранных (как это, по-видимому, было до тех пор), но и для большинства желающих. Появляются родовые могильники, в которых с надлежащими церемониями погребают даже самых захудалых членов рода. В эпоху бронзы в степях Южной Европы вырастают гигантские курганные гряды. За три тысячи лет до новой эры их начали воздвигать для своих умерших племена, о жизни которых сегодня не известно почти ничего, но зато о смерти — очень многое. Мы не знаем, как они называли себя, и археологи зовут их по конструкциям могил, вырытых под курганной насыпью: ямники, катакомбники, срубники...

В конце второго тысячелетия до новой эры, во времена срубников, в загробном мире кочевников Европы отмечен резкий демографический взрыв. Археологи находят невероятное количество могил этого времени. Большинство из них очень бедны: срубники отправлялись в загробный мир, прихватив с собой, как правило, грубый лепной горшок и немного мяса. Непонятно, на что они рассчитывали, — быть может, на то, что их приютят и дадут им средства к существованию ранее умершие племена и народы. По крайней мере, чужие курганы срубники использовали, нимало не смущаясь тем, что у них уже есть владельцы. Тысячи курганов, возведенных

ямниками и катакомбниками для себя, были захвачены новыми хозяевами степей, которые могли подселить в один большой курган до полусотни обитателей. И, судя по всему, ни о каком порядке, ни о какой зарождающейся государственности в загробном мире степняков Европы речь еще не шла.

Тем временем в загробных мирах Востока — Египта, Междуречья, Китая — давно уже наступила историческая эпоха: существовали первые государства, создавался чиновничий аппарат, действовали суды, вводились законы. Древняя Греция еще была разделена на крохотные полисы, а в объединенном греческом Аиде уже существовала мощная система единовластия.

Молодые мировые религии, подчиняя себе государства и континенты, перекраивали карту загробного мира. Религиозные войны бушевали по ту и по эту сторону гроба. В мире мертвых возникали и рушились империи, сменялись власти, происходили переселения народов. Целые области, такие, как, например, Элизий, исчезли с лица земли. Аид попал в сферу экспансии христиан и стал всего лишь одной из областей их загробного царства наряду с чистилищем и раем. Рай был перенесен с территории Эдема в Азии в небесные сферы. Ад, в свою очередь, претерпел заметные изменения в 2006 году: специальным постановлением Папы Римского Бенедикта XVI там было ликвидировано детское отделение Лимба и все его население было благополучно переселено в рай.

Умершие осваивали космическое пространство, и уже в четырнадцатом веке Данте, совершивший в обществе Беатриче межпланетное путешествие, подробно описывает колонизацию планет Солнечной системы душами праведных христиан.

История загробного мира столь же ярка и полна событиями, как и история мира живых. К сожалению, знакомство с ней в нашем мире носит несколько односторонний характер, что прежде всего вызвано ограниченностью источников. Существует значительное количество письменных памятников, в которых дается географический, политический и этнографический обзор потусторонних царств, но большинство из них созданы людьми, которые на момент их написания не являлись жителями загробного мира. Образцы материаль-

ной культуры и предметы искусства, имеющиеся в распоряжении исследователей, как правило, были созданы в мире живых и попали в потусторонний мир вместе со своими владельцами. Предметы, непосредственно произведенные в мире мертвых, по-видимому, весьма редко попадают в руки живых ученых и коллекционеров — по крайней мере, авторам не известен ни один достоверный случай.

Все это значительно затрудняет исследования. Тем не менее авторы настоящей книги предприняли скромную попытку обрисовать вкратце историю и географию основных, наиболее изученных государств загробного мира. В силу явного недостатка информации им пришлось пренебречь доисторическим периодом, ограничившись лишь кратким его обзором. Авторы вынуждены были пренебречь и многими отдаленными и малоисследованными областями загробного мира, даже если они существуют по сей день. Более или менее подробно рассматривается история крупнейших государственных образований мира мертвых, оказавших наибольшее влияние на развитие обоих миров.

Дуат (Древний Египет)

Загробный мир Древнего Египта, Дуат (или Херет-Нечер), имел очень сложную историю и топологию и был тесно переплетен с миром живых, точнее, с четырьмя другими мирами, из которых состояла вселенная: небом, землей, водой и горами. Как возник Дуат, доподлинно не известно. Впрочем, происхождение всей египетской вселенной — дело достаточно темное и, возможно, очень давнее. В «Туринском царском каноне», созданном в эпоху Нового царства, перечислены боги, правившие Египтом до того, как власть во второй половине четвертого тысячелетия до н.э. перешла к первым фараонам. Если сложить сроки царствования, получаем тринадцать тысяч лет только для тех богов, для которых эти сроки обозначены (а они в меньшинстве). Таким образом, есть основания думать, что египетская вселенная была создана значительно раньше, чем, например, вселенная христиан и иудеев.

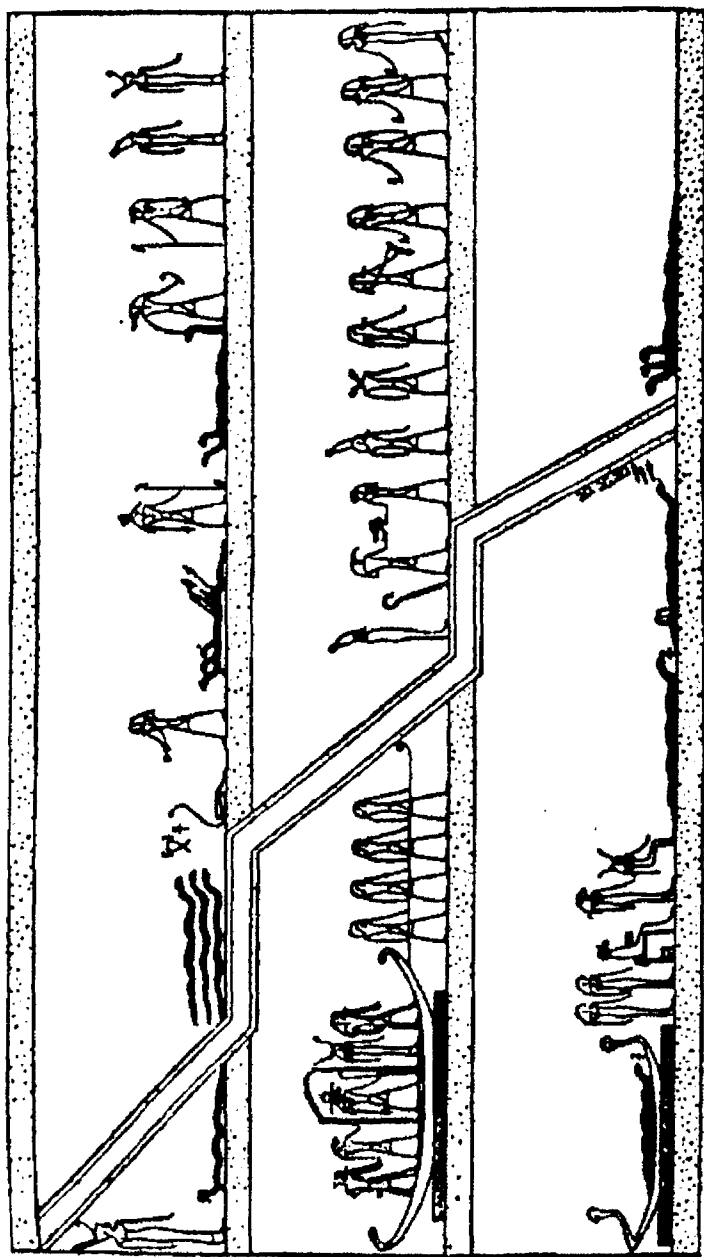
О том, как именно она была создана, разные источники рассказывают по-разному. Во всяком случае, она возникла из хаоса, называвшегося Нун. Достаточно скоро из него выделился первоначальный холм (на котором позднее возник город Иуну, больше известный под греческим названием Ге-

лиополь — город Солнца). Кроме того, по одной из версий, родившийся из хаоса бог солнца Атум (Ра) оплодотворил сам себя и родил бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут, а те, в свою очередь, родили бога земли Геба и богиню неба Нут, которые нас интересуют в первую очередь, поскольку загробный мир египтян в основном был сосредоточен на земле, под землей и на небе. Богиня Нут иногда отождествлялась с женщиной, изогнувшейся от горизонта до горизонта. Существовало и представление о Небесной Короле, богине Хатор, усыпанной звездами. Но будь небо женщиной или королевой, по животу у нее протекала одна из важнейших рек мира, небесный Нил, по которому позднее стал плавать в своей ладье бог солнца Ра. А пока что Ра правил на земле, совмещая бремя государя с заботами по освещению и отоплению: он жил на священном Холме Бен-Бен в Гелиополе, ночью спал в цветке лотоса, а по утрам взмывал в небеса и в облике сокола летал над своим царством. Иногда он опускался слишком низко, и тогда начиналась засуха. Так было изо дня в день, из года в год.

Ра правил долго, и в конце концов он устал от власти. Отметим, что это весьма редкий случай: бог сам уступает верховную власть своему преемнику. Сначала Ра хотел передать бразды правления богу Тоту, но Тот не согласился царствовать один, и некоторое время они правили вместе. По-видимому, это сильно облегчило жизнь Ра, во всяком случае, он прекратил бессистемное блуждание по небу и упорядочил свою деятельность. Возможно, в этом сказалось влияние Тота, который был богом мудрости, счета и письма и считался вдохновителем интеллектуальной жизни Египта. Теперь днем Ра путешествовал на своей ладье по небесному Нилу, совершая путь от востока до запада, ночью он спускался к горизонту и плыл по Нилу подземному, а Тот, ставший по совместительству богом Луны, восходил над землей в отсутствие Ра. Существуют сведения, что к установлению этой системы приложила руку и жена Тота, богиня порядка Маат.

Однако в конце концов Ра все-таки отрекся от престола (хотя и не отказался от выполнения обязанностей бога солнца). И, уже покинув трон, а заодно и землю, создал первую обитель мертвых — Поля Покоя. По поводу того, находятся

Четвертая долина подземного Нила. «Книга Амдуат», XVI в. до н.э.

они на небе или под землей, существуют разногласия, возможно, имеются две области Полей. Весьма вероятно, что Ра создавал эти места не столько ради усопших, сколько ради себя самого. Что же касается покойных переселенцев, они стали направляться туда значительно позднее, не исключено, что к удивлению и вопреки намерениям самого Ра.

«И будут для меня тростники и травы там!» — воскликнул солнечный бог, и произошли Тростниковые поля, сказано в так называемой «Книге Коровы», высеченной на стенах гробниц фараонов Девятнадцатой династии. Тростниковые поля, или Поля Иалу, — это, возможно, часть Полей Покоя и, во всяком случае, одна из областей Дуата.

После отречения Ра мудрый Тот не стал претендовать на власть, и корона досталась богу Шу. Позднее его сменил Геб, царствование которого продолжалось (согласно тексту так называемого «Наоса из Сафт-эль Генна») 1773 года.

Итак, каждую ночь Ра спускался на своей ладье под землю, чтобы освещать подземное царство. Но по поводу того, были ли это царство в те времена населено мертвыми, существуют большие сомнения. По-видимому, уже в глубокой древности в долине подземного Нила обитали некоторые боги и многочисленные демоны; к населению можно отнести и живущих у входных врат павианов (они разумны и владеют членораздельной речью). Но что касается душ умерших, в ту далекую эпоху (до начала Додинастического периода, то есть примерно до рубежа V–IV тысячелетий до н.э.) их судьба была весьма неоднозначна.

Если опираться на «Туринский царский канон», то правление бога Ра завершилось более чем за шестнадцать тысячелетий до наступления новой эры. Никаких письменных памятников с того времени, конечно, не сохранилось (да их и не было). И очень маловероятно, что люди уже тогда имели четкое представление о боге Ра, путешествующем для их блага по небесному и подземному Нилу, и тем более о созданных им Тростниковых полях.

Не так давно в пятистах пятидесяти километрах к югу от Каира бельгийские археологи обнаружили древнейшее захоронение, совершенное в Нильской долине около тридца-

ти тысяч лет назад. Покойный был похоронен сидя, и сам факт, что какой-то ритуал был соблюден, наводит на мысли, что умершему предстояло отправиться не в небытие, а в мир иной. Но эта находка уникальна, и есть основания думать, что примерно до пятого тысячелетия до нашей эры Тростниковые поля пустовали либо туда попадали случайные и никак не снаряженные для загробной жизни души. Кто-то, возможно, добирался до неба и вселялся в звезды — отголоски этой информации сохранились в более поздних источниках. Там, на Небесном Дереве, семь молодых богинь по имени Хатхор, с коровьими рогами и солнечными дисками на головах, кормили умерших и играли для них на бубнах и систрах.

Тем временем правление Геба сменилось правлением бога Осириса. Он обучил людей копать каналы, возделывать землю и обрабатывать медь и золото. Если верить «Туринскому канону», произойти это могло не позже двенадцатого тысячелетия до нашей эры. Это наводит на мысль, что либо «Канон» ошибается на тысячи лет, либо божественная наука не пошла людям впрок и они вспомнили о ней позже на пять тысячелетий (исходя из археологических датировок появления оросительного земледелия) или даже на восемь (начало медного века). Но как бы то ни было, Осирис после недолгого правления был убит своим братом Сетом. Жена (и одновременно сестра) Осириса Исида не сумела воскресить мужа, но впоследствии это сделал сын Осириса Гор, которого Исида умудрилась зачать от умершего. Воскресший Осирис тем не менее не захотел (или не смог) оставаться на земле и отправился царствовать в подземный мир, который, возможно, еще не стал в полной мере загробным. Позднее Осирис станет судьей над душами умерших. Но есть основания думать, что в первое время своего пребывания в Дуате он никого не судил, ибо покойных там попросту не было. Когда же они там появились, то никакому загробному суду не подлежали по крайней мере до воцарения на земле Шестой династии Древнего царства (XXIV–XXII века до н.э.). Но от начала подземного правления Осириса до первых фараонов-людей было еще далеко. Пока что их функции на земле последовательно исполняли боги — Гор, Тот, Маат и Птах.

Первые переселенцы, целенаправленно отправляющиеся в загробный мир и снаряженные для жизни в нем, стали более или менее массово покидать Египет в конце пятого — четвертом тысячелетии до н.э. Археологические данные говорят о том, что они брали с собой мотыги, кремневое оружие, гарпуны с костяными наконечниками и сосуды с пищей. Очень большое внимание в потустороннем мире, по-видимому, уделялось косметике, потому что множество египтян захватывало с собой сланцевые пластинки для растирания косметических средств и мешочки с малахитом, который применялся при их изготовлении. Глиняные дома должны были обеспечить их кровом над головой. А судя по глиняным моделям лодок, которые постоянно встречаются в могилах, египтяне собирались по дороге в царство мертвых переправляться через подземный (или небесный) Нил.

К середине четвертого тысячелетия до нашей эры малые государства Египта начинают укрупняться (как водится, за счет соседей). Возникают Южное и Северное царства, которые на рубеже третьего тысячелетия объединяются под властью одного правителя-фараона. К этому времени боги окончательно удаляются на небеса и под землю, и наступает Раннединастический период. Первые фараоны строят первые гробницы-мастабы. Под каменными «зданиями» без окон и дверей вырываются колодцы, ведущие в подземные камеры-гробницы. Мумифицировать египтяне еще не умеют, но уже производятся первые попытки. Конечности покойников пеленают, кожу обрабатывают содой, иногда трупы пытаются препарировать.

В усыпальницы кладут все, что может понадобится знатному человеку. Не забывают и слуг: одного только визиря Хемака, ушедшего в иной мир в годы Первой династии, сопровождали девятнадцать человек. Царям полагалась более пышная свита, например, вместе с Джером, похороненным в Абидосе, отправились в вечность 338 человек, в основном женщины. Они не были безродными рабынями — каждая была убита и похоронена с соответствующими случаю церемониями, имеет отдельную могилу и каменную стелу с именем. Очень часто слуг пред смертью (или сразу после нее) калечили — есть версия, что это делали для того, чтобы они в загроб-

ном царстве не удрали от своего господина. Так что в египетском мире мертвых обитало, по-видимому, немало инвалидов.

Многие фараоны того времени не желали удовлетвориться одной гробницей и строили для себя сразу две загробные резиденции, одну на севере страны, другую — на юге. Так, царица Мерьет-нейт после смерти могла обитать, по выбору, либо в Абидосе, где вокруг ее гробницы был похоронен изрядный штат прислуги (41 человек), либо в Саккаре, где царица соорудила еще одну гробницу, а рядом устроила нечто вроде потусторонних мастерских. Здесь были захоронены специалисты: кораблестроитель, художник, мастер по изготовлению ваз, — а с ними и оборудование, необходимое для того, чтобы в загробном мире работы шли не хуже, чем в земном. Кроме того, в Абидосе отдельно от высочайшей гробницы был создан небольшой «рабочий поселок», в котором похоронили еще 77 человек, назначенных в загробный штат Мерьет-нейт. В которой из двух основных резиденций было захоронено тело самой царицы, неизвестно: оно не сохранилось. Но это было не очень принципиально, поскольку для посмертного существования вполне хватало статуи умершего.

Кто не мог или не хотел брать с собой в загробный мир настоящих людей, ограничивался их изображениями, нарисованными на стенах гробниц или скульптурными, которые умножали население мира мертвых. Верность этих слуг господину тоже ставилась под сомнение, поэтому рисунки и скульптуры времен Раннединастического периода часто имеют физические недостатки. Иногда в гробницах встречаются глиняные женские тела, не имеющие конечностей. По-видимому, это наложницы усопшего, которым не требовалось ни рук, ни ног для выполнения своих главных обязанностей.

Вторая четверть третьего тысячелетия знаменуется расцветом Древнего царства и строительством великих пирамид. Повелители Египта отправляются в загробный мир, прихватив с собой все, что может понадобиться для безбедной жизни. Поскольку на посмертное существование в виде мумии особые надежды еще не возлагались (было очевидно, что при всем старании похоронных дел мастеров мумия долго не продержится), усыпальницы дополнительно снабжались статуя-

ми покойного, в которые должна была вселиться душа, если мумификация окажется неудачной. А ближе к концу Древнего царства на стенах погребальных камер царей появились так называемые «Тексты пирамид», посвященные прижизненным деяниям и посмертному существованию усопших владык.

Все это время для въезда в загробный мир египтян существовал очень высокий социальный ценз. Туда могли попасть только по личному разрешению фараона: гробницы вельможам возводились лишь централизованно и за государственный счет. Несанкционированное строительство гробниц не позволялось, поэтому все те, кто не удостоивался этой чести, никаких шансов на загробное существование не имели. Из «простых смертных» жизнь вечную обретали только слуги, которых погребали вместе с повелителем (впрочем, этот обычай прекратился уже в Раннединастическую эпоху), или те, чьи изображения были нарисованы на стенах гробницы. Портретное сходство не имело значения, достаточно было подписать изображение. Известны случаи, когда египтяне, которым вечная жизнь по статусу не полагалась, прокрадывались в загодя заготовленную чужую гробницу и подписывали под изображениями слуг свои имена, чтобы пробраться в загробный мир нелегально. Лишь к концу Древнего царства, преимущественно в провинции, вельможи присвоили себе право сооружать гробницы за свой счет, не испрашивая высочайшего дозволения — благо царская власть ослабла. Вновь подчинив весь Египет, цари вернули и право распоряжаться не только жизнью и смертью, но и посмертным существованием подданных. И только к концу Среднего царства любой состоятельный египтянин вновь получит возможность заказывать гробницу по собственной воле. А те, у кого не будет средств на гробницу и на оплату заупокойных служб и жертвоприношений, начнут организовывать собственные похороны поближе к богатому погребению в надежде, что и им перепадут крохи с «чужого стола».

В Додинастический и Раннединастический периоды и по крайней мере при первых двух династиях Древнего царства загробный мир египтян представлял собой не централизованное государство, а отдельные, совершенно автономные

«усадьбы», о местонахождении которых было известно только, что они расположены где-то на западе. В мире живых они, кстати, тоже в основном располагались на западном берегу Нила. Каждая из них снабжалась полным комплектом всего, что только может понадобиться в хозяйстве. Торговые и меновые связи между усадьбами явно не предусматривались. Не было и никаких упоминаний о богах на стенах гробниц (хотя они пестрят подробнейшими изображениями потустороннего быта, неотличимого от земного). Хозяин гробницы-усадьбы попадал вместе с ней в изолированный мир, не подлежа загробному суду и не оказываясь под юрисдикцией какого-либо бога. И если при жизни любой, даже самый знатный и высокопоставленный, вельможа был, по сути, рабом фараона, жестко встроенным в социальную иерархию, то в загробном мире он мог насладиться полной и абсолютной свободой не только от фараона, но и от каких бы то ни было богов.

Несколько иной была в те времена (как, впрочем, и позднее) посмертная судьба фараонов. Они, конечно, тоже имели свои изолированные загробные владения, но, в отличие от простых смертных, фараон, будучи богом на земле, оставался им и в потустороннем мире. После смерти он присоединялся к свите бога Ра и вместе с ним начинал совершать ежедневные странствия по небесному и подземному Нилу. Фараонам полагались места в божественной ладье, но многие из них, по-видимому, предпочитали плавать на собственных кораблях, тем более что их сопровождала в этих плаваниях многочисленная свита. Самая древняя из известных нам потусторонних эскадр насчитывает двенадцать кораблей и относится к началу третьего тысячелетия. Она была обнаружена археологами в специальных кирпичных «ангарах» в тринадцати километрах от Нила. Это однозначно говорит о том, что для плаваний в мире живых корабли не предназначались. Длина кораблей — от пятнадцати до двадцати двух метров. Возможно, на них плавают по небесному Нилу уже упоминавшийся нами фараон Джер. Царица Мерьет-нейт сопровождает бога Ра на корабле длиной около восемнадцати метров. Несколько позднее, во времена Древнего царства, на эскадре из пяти кораблей отправился в потусторонний мир знаменитый Ху-

фу (Хеопс). Одна из его ладей длиною в сорок два метра сохранилась до наших дней; ее и сегодня можно видеть рядом со знаменитой пирамидой в Гизе. Как ни странно, строитель самой большой пирамиды не потрудились взять с собой самый большой корабль: по летописи «Палермского камня» известны и 50-метровые суда того времени.

Несмотря на то что царем подземного мира был Осирис, покойными до конца эпохи Древнего царства ведал его сын Анубис, имевший вид шакала (или человека с головой шакала). В то время как Осирис властвовал над подземным царством вообще, Анубис занимался именно умершими. Впрочем, его функции в те времена были минимальны — как мы уже говорили, все покойные, кроме фараонов, достаточно автономно жили в своих гробницах. А фараоны, поступавшие после смерти в свиту солнца, становились богами, отождествляли себя с Осирисом, вступали в ритуальный брак с его женой Исидой и ни о каком подчинении Анубису или кому бы то ни было не желали даже слышать. Тем более что к подземному царству они прямого отношения не имели. Они ежедневно проплывали по нему на своих кораблях, но жили преимущественно в обители богов на небе.

Так, в текстах, высеченных в пирамиде Пепи II (Неферкара), фараона Шестой династии Древнего царства, мы читаем:

«Разлилось озеро... Да перевезут отца Неферкару, да перевезут тебя на ту восточную сторону неба, где рождаются боги. Придет этот час завтра, придет этот час послезавтра, когда родится отец Неферкара там. Придет этот час завтра, придет этот час послезавтра, когда отец Неферкара зайдет и восстанет, как звезда на теле неба... Не умер отец Неферкара смертью! Стал духом отец этот, духом... Уведи Неферкару с тобою, Гор! Перевези его, Тот, на крыле твоём!.. О Неферкара, не упадешь ты на землю, ибо схватил для себя Неферкара две сикоморы, которые на той стороне неба, которые перевозят Неферкару и ставят его на этой восточной стороне неба».

В текстах описывается лестница, которая уведет царя на небо, а специальные заклинания, обращенные к богиням, должны обеспечить ему помощниц на этом пути. Потом царь, окончательно отождествленный с Осирисом, возрождается при помощи богинь к новой жизни:

«Говорят они тебе, о Осирис-Неферкара, ты уходишь и приходишь, ты спишь и просыпаешься, ты умираешь и оживаешь! Встань! Посмотри, что сделал для тебя сын твой! Пробудись! Услышь, что Гор сотворил тебе! Поразил он тебе поразившего тебя в образе быка, убил он для тебя убившего тебя в образе дикого быка, связал он тебе связавшего тебя... Как прекрасно видеть, как упокоительно смотреть — видеть Гора, когда дает он жизнь отцу своему, когда дает он радость Осирису пред богами западными. Исида обмывает тебя, Нефтида чистит тебя, великие сестры твои очищают плоть твою, соединяют члены твои, дают появиться очам твоим на челе твоём... Пробуждается бог, встает бог... Осирис Неферкара выходит из Геба!»

Примерно до конца Древнего царства египтянин, сумевший испросить у фараона персональную гробницу и обустроивший ее надлежащим образом, мог быть уверен в своем посмертном благополучии. Но тем временем в загробном мире назревали революционные перемены. Еще несколько столетий назад Осирис, ставший царем подземного мира, правил преимущественно богами — смертные в его владения почти не поступали. Но постепенно его царство заселялось людьми. Множились «усадьбы» вельмож; при всей их обособленности между ними существовали определенные связи, и близился момент, когда они могли слиться в «конфедерацию», причем без всякого участия Осириса. Тем временем Ра, в свое время отказавшийся от верховной власти над миром, стал снова усиливать свои позиции, в том числе и на берегах подземного Нила. Его имя все чаще повторяется в именах фараонов, а форма пирамид повторяет форму священного обелиска бога солнца. Сыновья и наследники фараона Хуфу (Хеопс, Четвертая династия) впервые приняли официальный титул «сын Ра». А первые фараоны Пятой династии уже были сыновьями Ра в буквальном смысле слова (по крайней мере, так утверждает папирус «Весткар», правда записанный лет на пятьсот позднее). Фараоны один за другим приводят в загробный мир толпы челядинцев и воинов; их корабли, сопровождавшие ладью Ра, составляли к тому времени могучую армаду, которая ежедневно, беспрепятственно и беспошлинно, спускалась

из небесного Нила в Нил подземный, угрожая суверенитету царства Осириса. Напряженность усугублялась тем, что Осирис находился с Ра в определенной конфронтации еще с тех пор, когда Ра поддерживал Сета, убийцу Осириса, в его тяжбе с Гором. С тех пор Сет ежедневно пересекал владения убитого им Осириса в составе свиты Ра, в его ладе.

Долгие века Осирис царствовал, но не правил: он не имел ни законодательства, ни действенных механизмов судебной и исполнительной власти. В сложившейся ситуации бог начинает принимать первые меры по укреплению если не реальной власти, то по крайней мере своего авторитета в ширившихся массах покойных египтян. Начиная примерно с середины Шестой династии в гробницах появляются надписи в честь Осириса. Однако пропагандистская кампания не дала ожидаемых результатов, авторитет владыки загробного мира продолжал падать, и фараоны, собиравшиеся пересечь границу его царства, декларативно оставляли на стенах коридоров и камер пирамид и гробниц надписи, в которых подробно описывали свои будущие бесчинства в потустороннем мире, включавшие в числе прочего убийства богов с последующим каннибализмом и изнасилование богинь.

Первым украсил стены своей гробницы описаниями будущих безобразных сцен в долине подземного Нила последний фараон Пятой династии Унас.

«Унас — тот, кто съедает их (богов. — *О. И.*) магию и проглатывает их духовную мощь. Их Великие — ему на завтрак, их Средние — ему на обед, их Малые — ему на ужин. Их старики и старухи служат ему топливом... Он пожирает их внутренности, так как их чрева переполнены магией Огненного острова (резиденция Осириса. — *О. И.*)».

Неизвестно, ограничивались ли Унас и его последователи декларациями о намерениях или действительно совершали во владениях Осириса все то, что было заявлено на стенах. Во всяком случае, Осирис не имел возможности ни покарать нечестивцев, ни воспрепятствовать их проникновению в свое царство.

Как известно, лучший вид обороны — это наступление. Каков бы ни был ответный удар Осириса, он достиг цели: вскоре трон Египта занимают фараоны, лояльные Осирису и даже

пытавшиеся распространить его власть на небесные владения Ра. Преемник Унаса, Тети, провозглашал на стенах своей гробницы: «Тети плывет по небу по направлению к Тростниковым полям, Тети желает отдыхать в Тростниковых полях среди Вечных [звезд], в окружении свиты Осириса». В пирамиде Пепи I впервые появляются намеки на знаменитый впоследствии суд Осириса...

Тем временем власть фараонов на земле от царствования к царствованию слабела. Последним владыкой единого Египта эпохи Древнего царства был Пепи II, за свое почти столетнее правление приведший страну к полному развалу. Вскоре после его смерти Египет раскололся на несколько независимых враждовавших друг с другом государств.

Участь царей, покушавшихся на власть Осириса, оказалась плачевной. Во время наступившей смуты Первого Переходного периода их пирамиды (как, впрочем, и гробницы их предшественников и преемников) были разграблены, а мумии уничтожены. Объединившие страну через век с небольшим цари Одиннадцатой династии уже безоговорочно признавали власть Осириса в загробном мире...

Сам Осирис для упрочения своей власти еще в конце Древнего царства учредил в своих владениях пограничный контроль, совмещенный с судебной процедурой. Теперь любой переселенец, прежде чем получить вид на жительство, должен был явиться на Огненный остров и пройти взвешивание сердца на специальных весах. (Возможно, первоначально обязанности судьи выполнял бог Ха, но впоследствии Осирис судил новоприбывших сам.) Впрочем, поначалу Осирис не мог обеспечить порядок даже на Огненном острове, где размещался суд. Известен документ, согласно которому некий покойник, «вышедший с Огненного острова недовольным», ищет справедливости у Хентииметиу, одного из древних богов Дуата, который, очевидно, еще не подчинился Осирису. Суть дела состояла в том, что пострадавший подвергся насилию со стороны своего личного врага чуть ли не в зале суда...

С падением на земле Древнего царства в подземном мире устанавливается единоличное правление Осириса, подкрепленное сформированной системой исполнительной власти.

Царь сместил Анубиса и самолично взял на себя функции управления умершими, которые к этому времени составляли уже значительную (если не подавляющую) часть населения долины подземного Нила. Впрочем, Анубис продолжает играть при отце определенную роль: он участвует в процедуре суда, ведает погребальным ритуалом, бальзамированием, охраной каноп — сосудов с внутренностями умершего. Но с двоевластием покончено навсегда. И даже Ра, продолжая оставаться важнейшим богом египетского пантеона, сливаясь с Амоном и Атоном, в подземном царстве вынужден признать главенство Осириса. Умершие фараоны продолжают пополнять свиту солнечного бога, но и они, стремясь к загробному возрождению, прежде всего отождествляют себя с Осирисом. Сам Осирис принял на себя дополнительную роль бога подземных глубин, и теперь вся вселенная оперлась на его плечи, а истоком Нила стал пот, струившийся из рук Осириса.

Забегая вперед, скажем, что к концу Нового царства (в конце второго тысячелетия до н.э.) Осирис окончательно победил Ра и присвоил себе его главный атрибут — солнечный диск. С этого времени его — бога подземного царства и владыку мертвых — стали изображать с сияющим диском на голове, что можно расценить двояко: как окончательную победу загробного мира над миром живых — но и как победу жизни и света над мраком смерти. Но это случится на тысячу лет позже. А пока что в загробном царстве египтян надолго установился определенный порядок, не нарушаемый никакими революционными потрясениями.

Впрочем, назвать систему, установившуюся в подземном царстве, порядком в нашем понимании этого слова, пожалуй, трудно. Здесь, помимо прибывающих сюда на жительство переселенцев, издревле существовало местное население, состоящее из разного рода зверей и демонов, ведущих свою жизнь и не вступающих с администрацией Осириса ни в какие отношения. Поэтому умерший египтянин, даже отмеченный при жизни всяческой праведностью и не без оснований рассчитывавший на счастливую посмертную участь, подвергался на пути к Огненному острову многочисленным опасностям и мог безвинно погибнуть до начала судебной процедуры. Осирис не принимал никаких мер по обеспече-

нию безопасного передвижения на вверенных ему территориях, и, чтобы как-то это компенсировать, египетские жрецы стали создавать многочисленные руководства для новопривывших.

Уже упоминавшиеся нами «Тексты пирамид» такому назначению не вполне соответствовали. Это были магические заклинания, гимны богам, обращенные к ним просьбы о содействии усопшему и восславление самого усопшего, его земных подвигов и его грядущей посмертной судьбы. Но что должен был делать покойный для того, чтобы этой судьбы достигнуть, или хотя бы просто не быть съеденным «Пожирателем ослов», или не свалиться в «озеро пламени», — об этом «Тексты пирамид» говорили скупно. И хотя «Пожиратель ослов», судя по своему имени, питался преимущественно ослами, считалось, что он представляет для покойного немалую опасность. А ведь в загробном мире обитали еще и некий «Поглотитель миллионов», и убийца Осириса Сет, «живущий падалью», не говоря уж о страшном Апопе, с которым ежедневно сражались, причем не всегда успешно, сам Ра и его дружина. Кроме того, на берегах подземного Нила обитало множество бегемотов, которые были крайне опасны и для людей, и для богов. А в самой реке водились многочисленные крокодилы... Некоторые египтяне для защиты в пути брали с собой целые военные отряды — так, номарх Месетхи, живший в конце Первого Переходного периода (при Десятой династии), отправился в Дуат во главе восьмидесяти статуэток-воинов: сорока копейщиков-щитоносцев и сорока лучников. Интересно, что лучники были не египтянами, а нубийцами.

Но солдаты, естественно, не могли помочь найти правильную дорогу или противостоять могущественным демонам. И в годы Среднего царства на стенках саркофагов стали появляться тексты, назначенные служить для покойных чем-то вроде путеводителей, — так называемые «Тексты саркофагов». Самый знаменитый из них — «Книга двух путей» — содержит шестнадцать «глав», в которых не только подробно рассказывается, как можно двумя путями, водным и сухопутным, достигнуть «Чертога Двух Истин», где вершит свой суд Осирис, не только говорится о возможных опасностях, подстерегающих путешественника, но и впервые дается карта-схе-

ма маршрута. На ней красной полосой изображено «огненное озеро» с пометкой «не иди к нему». Для души, выбравшей сухопутную дорогу, отмечены плотины и даются инструкции, как миновать стражей (следует прочесть «изречение прохождения» или выдать себя за бога). Можно использовать и водный маршрут, оба пути сходятся.

Но шли годы, и египтяне, по-видимому, осознали все неудобство карт и инструкций, размещенных на стенках саркофагов. Саркофаг — вещь весьма громоздкая. И даже если допустить, что покойный тащил его на себе (или транспортировал каким-то иным способом) до самого суда, момент, когда на тебя накидывается «Поглотитель ослов», — не самый подходящий для того, чтобы читать надписи, расположенные в том числе внутри саркофага, на его днище и крышке, тем более что саркофагов, как правило, было несколько и они вкладывались один в другой, как матрешки.

Неудобства практического пользования «Текстами саркофагов» привели к тому, что инструкции в конце концов стали выпускать в бумажном, точнее, папирусном виде. Это помимо всего прочего позволило увеличить и объем предлагаемой информации. Так возникла египетская «Книга мертвых» — последняя форма руководства для покойных на их пути к загробному судилищу, снабженная многочисленными картами, схемами и рисунками. Впрочем, словом «книга» эти тексты стали называть уже современные ученые. А в те времена, когда покойный египтянин пробирался по опасным дорогам царства мертвых, сжимая в руке заветный папирус, никакой книги, никакого утвержденного канона не было. Каждый жрец сам писал для покойников инструкции, опираясь на свое мнение и на сложившуюся традицию. Тот, кто мог хорошо оплатить услуги по составлению путеводителя, получал более подробный и хорошо иллюстрированный текст с полным картографическим описанием долины подземного Нила. Кто-то ограничивался краткими инструкциями. Свиток папируса вкладывали в саркофаг, и покойный мог без труда пользоваться им по ходу дела.

Сегодня основной свод «Книги мертвых» содержит и описание похоронной процессии, и гимны богам, и тексты, предназначенные для чтения во время заупокойных служб. Но

главной целью книги было проинструктировать умершего на его первых шагах в загробном мире: рассказать, как договориться со стражами, охраняющими врата Дуата, как избежать чудовищ, живущих на берегах «огненного озера», как войти в пристанище «ариту», где можно отдохнуть и набраться сил... Прикладывался и текст приветствия, которое следовало произнести, переступив порог судилища, и шпаргалки ответов, которые должен был давать покойный на вопросы судей.

«Слава тебе, великий бог, Владыка Двух Истин! Я пришел к тебе, о господин мой! Меня привели, дабы я мог узреть твое совершенство. Я знаю тебя, знаю имя твое, знаю имена сорока двух богов, которые находятся с тобой в Чертоге Двух Истин, которые живут как стражи грешников, которые пьют кровь в этот день испытания...» — так должен был обратиться покойный к председателю суда. Потом перед лицом суда — «Великой Эннеады» — ему должно было произнести «Исповедь отрицания»:

Я не совершал несправедливости против людей.
 Я не притеснял ближних. <...>
 Я не грабил бедных.
 Я не делал того, что не угодно богам.
 Я не подстрекал слугу против его хозяина.
 Я не отравлял...

Затем подсудимый предстал перед «Малой Эннеадой» и вновь перечислял все преступления, которых он не совершал, при этом к каждому из сорока двух членов суда следовало обратиться по имени. Тут поневоле требовалась шпаргалка, особенно если учесть, что покойный видел их впервые. Тем временем сердце подсудимого лежало на «Весех Истины», другая чаша которых уравнивалась пером богини Маат. Сердцу и перу надлежало пребывать в равновесии, причем весы одновременно исполняли роль детектора лжи и стрелка их отклонялась, стоило подсудимому солгать.

Судебный процесс мог длиться очень долго, в одном из текстов «Книги мертвых» есть упоминание о многих месяцах, в течение которых продолжались испытания. Если покойный был признан достойным загробного существования, он объ-

являлся «правогласным» — «маа херу». Присвоение этого титула не только позволяло ему в полном здравии пребывать в царстве мертвых, но давало немалые привилегии. Теперь по его зову любой из богов обязан был прийти ему на помощь, любые двери Дуата распахивались по его приказу, а богини, ответственные за пропитание умерших, должны были снабжать его небесной пищей.

Ну а в случае обвинительного приговора грешника отдавали на съедение богине Амт — «Пожирательнице» с телом гиппопотама, лапами и гривой льва и пастью крокодила. Интересно отметить, что никаких изысканных наказаний для грешников (или для тех, кто не сумел правильно произнести нужные формулы и грамотно ответить на вопросы) суд Осириса очень долгое время не предусматривал: их попросту съедали. Лишь во времена Нового царства на берегах подземного Нила появилась какая-никакая пенитенциарная система: грешников лишают тепла, света и возможности общаться с богами. В «Книге Пещер» описывается, как виновных варят в котлах (туда кидают их головы, сердца, души и тени). А в «Книге Врат» бог Гор объявляет приговоренным: «Вы связаны сзади, злодеи, чтобы быть обезглавленными и перестать существовать».

Еще одним изменением законодательства, введенным ко времени Нового царства, было изменение статуса фараонов: теперь они представляли перед судом Осириса так же, как простые смертные. Более того, процессы демократизации в загробном мире привели к тому, что право обрести вечную жизнь появилось даже у самого последнего бедняка, лишь бы он мог заказать простой гроб, на стенках которого написаны имена богов, а на крышке — обращение к Осирису: «О Уннефер, дай этому человеку в твоём Царстве тысячу хлебов, тысячу быков, тысячу сосудов пива». А если денег не было и на это, то изготавливали маленький гробик, в который вкладывали деревянную фигурку умершего и закапывали поблизости от богатого погребения.

Несмотря на все преимущества и радости загробной жизни, в долине подземного Нила, как и в долине Нила земного, любого из подданных могли в любой момент оторвать от его лич-

ных дел и привлечь к общественным работам. В правомочности такой системы египтяне настолько не сомневались, что даже на Полях Иалу не рискнули ее ликвидировать. Но обходить ее они научились, и уклонение от трудовых повинностей во времена Нового царства приняло массовый характер. Для этого использовалась специальная разновидность слуг — так называемые «ушебти». Собственно, слуг — иногда в виде статуэток, но чаще всего нарисованных на стенах гробницы — египтяне захватывали в загробный мир и раньше. Есть основания думать, что обычно это были реально существовавшие люди. Причем тот факт, что они еще живы, нисколько не мешал им выполнять свои обязанности в загробном мире, если хозяин умирал первым; самим же слугам было гарантировано посмертное существование. Но с середины второго тысячелетия до н.э. загробный мир заполняется буквально толпами маленьких фигурок ушебти, назначенных не столько обслуживать своего хозяина, сколько заменять его, если он будет призван богами на общественные работы. Они должны были откликаться на имя покойного словами «Я здесь». В «Книге мертвых» приводится наставление для ушебти:

«О этот ушебти! Если Осирис- (имярек) будет призван выполнять любую работу, какую выполняют там, в Херет-Нечер, и будут тяготы ему там, как человеку, несущему свои обязанности, ты должен взять на себя все эти работы, которые делаются там: возделывать поля, обустраивать берега, перевозить через реку песок с запада на восток. “Я сделаю это. Я здесь!” — скажешь ты».

Впрочем, судьба ушебти в загробном мире была не слишком тягостной. Они были дешевы, покойные египтяне десятками, а то и сотнями укладывали их в свои гробницы, возможно, чтобы распределить по дням года; известна, в частности, фигурка ушебти с надписью «1-й день 3-го месяца зимы». В остальные 364 дня года ушебти мог отдыхать и наслаждаться всеми (или по крайней мере многими) радостями Полей Иалу.

Все вышесказанное наводит на мысль, что к концу Среднего царства и тем более в эпоху Нового царства в Дуате произошел мощнейший демографический взрыв. Сюда толпами ринулись бедняки, которым раньше загробная жизнь не по-

лагалась. Кроме того, Дуат был наводнен тысячами, если не миллионами ушебти. Ситуация осложнялась тем, что каждый покойник (к ушебти это, по-видимому, не относилось) приводил в загробный мир сразу несколько своих сущностей, ведших достаточно самостоятельную жизнь. Сколько именно их приходилось на одного человека, сегодня сказать трудно: египтологи называют цифры до шести и даже до восьми. И о сути каждой из них информация тоже имеется самая противоречивая.

Во-первых, у египтянина было имя — «рен», и оно являло собой вполне полноценную и почти самостоятельную сущность, наподобие души (некоторые египтологи называют его одной из душ). Достаточно было стесать высеченное на статуе имя и надписать новое, как статуя начинала являть собой уже другого человека. Достаточно было в тексте, воспевающем свершения прежнего фараона, заменить его имя на другое, как все его деяния переходили к новому владельцу: это было не обманом читателя, а сакральным актом. Мы уже писали о том, что именно «рен», надписанный возле изображения в гробнице, давал возможность его носителю попасть в царство мертвых.

Кроме того, у человека имелась тень — «шуит». Какое отношение она имела к человеку, кроме того, что он ее отбрасывал в солнечную погоду, сегодня сказать невозможно. Тем не менее эта тень шла, в числе прочих душ, в загробный мир. Известно, что тени грешников, осужденных судом Осириса, варились в котлах вместе с прочими их органами.

О том, что такое душа «ах», почти ничего не известно; возможно, она возникала лишь после смерти, после проведения жрецами соответствующего ритуала.

Главные компоненты комплекса душ египтянина — «ба» и «ка» — чаще всего упоминаются в древних текстах, посвященных загробной жизни. Причем «ба» при жизни настолько тесно был связан с телом, что говорить о «ба» живого человека бессмысленно. Покинув тело после смерти, он возвращается в мумию и, хотя может ее покидать (например, известны изображения «ба», сидящего на дереве или пьющего из садового пруда), обитает в основном в гробнице и никогда не оставляет надолго мумию или на худой конец статую. Но при этом есть

данные о том, что именно «ба» может подниматься в небеса и там наслаждаться вечным и безбедным существованием.

Из всех душ наиболее независим «ка», «двойник», который тем не менее больше всех прочих связан с самим египтянином, с его личностью. Родившись вместе с человеком, он идет с ним по жизни, но может существовать и отдельно — особенно если хозяин позаботится заранее сделать свою заупокойную статую.

Назначение статуи — служить вместилищем «ка» после смерти владельца. Но иногда предусмотрительные египтяне заранее заботились о том, чтобы жрецы провели со статуей необходимый для ее загробного существования обряд «отверзания уст и очей». После этого «ка» вселялся в статую и начал еще при жизни «хозяина» исправно исполнять свои грядущие, загробные обязанности. И часто будущий покойник сам осуществлял свой «посмертный» культ, навещая уже готовую гробницу и улаживая поселившегося в его статуе «ка». Например, номарх Джехutihотеп, живший при Двенадцатой династии (начало II тысячелетия до н.э.), соорудил изваяние в 13 локтей (примерно 6,5 метра), лично проследил за его установкой при гробнице и сам отправлял обряды культа собственного «ка». После смерти улаживание продолжали наследники покойного; впрочем, часто покойный еще при жизни выделял средства на поддержание культа своего «ка». По-видимому, именно «ка» в большей степени, чем другие души, пребывал в Дуате — хотя при этом и не терял связи с гробницей. Именно его снабжали пищей, питьем, благовониями и прочими «телесными» радостями родственники покойного.

О том, что такое «ка», египтологи ведут долгие и бесплодные споры. Как и о том, что же такое «ба» и какая между ними разница. И зачастую они, говоря об умершем, не вдаются в подробности, о которой из его душ идет речь, а пишут «покойный имярек». Точно так же нередко поступали и сами египтяне, составляя для усопшего путеводитель по загробному миру. Авторы данной книги предлагают последовать этому мудрому примеру, потому что если сами египтяне и могли разобраться в различиях между своими многочисленными душами (что не факт, поскольку египетские тексты, особенно

поздние, на этот счет весьма противоречивы), то современному европейцу это абсолютно не под силу.

Но кроме сложного комплекса душ египтянин обладал еще и телом, которое, в отличие от тел представителей многих других наций и конфессий, тоже отправлялось в загробный мир, причем не в далеком будущем, не после конца света или Страшного суда, а сразу после мумификации и похорон. В «Книге Амдуат» («О том, что в Дуате»), написанной в эпоху Нового царства (но восходящей к Среднему), рассказывается о том, как бог Ра плывет по подземному Нилу в своей ладье и посылает мумиям животворящий свет, а умершие (вполне телесно) выходят из своих гробниц, приветствуя солнце. При этом они поют:

Слава тебе, Ра! <...>
Поклоняются тебе обитатели Дуата.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире <...>
Ликут сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на Западе.
Их очи открываются, ибо они видят тебя.
Полны радости их сердца,
Когда они смотрят на тебя,
Ибо ты слышишь молитвы лежащих в гробах,
Ты уничтожаешь их печали
И отгоняешь зло от них прочь.
Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб.

Тело обитало в загробном мире наряду с душами. Но при этом от его сохранности зависела посмертная судьба всех душ покойного. Известно, что грабители, промышлявшие в гробницах, старались уничтожить (например, сжечь) ограбленную мумию и саркофаг, имевший форму тела, — иначе им грозила месть со стороны умершего. Сохранился протокол допроса некоего Амонпанефера — главаря шайки, промышлявшей во времена Девятнадцатой династии (вторая половина второго тысячелетия до н.э.).

«Четыре года назад, в тринадцатом году царствования фараона — да живет он, да здравствует и да благоденствует! — я по своему обыкновению отправился грабить могилы вместе с моими сообщниками. Это: каменотес Хапиур, земледелец Амонемхеб, плотник Сетинахт, плотник начальника охотников Иеренамон, камнерез Хапио и водонос Каэмуас — всего семь человек. Мы проломали гробницы на Западе и вынесли гробы. Мы сорвали золото и серебро с гробов и поделили его между собой. Затем мы проникли в гробницу Чанефера, третьего жреца Амона. Мы открыли ее, и вынесли наружу гробы, и вытащили мумию, и положили ее в один из углов усыпальницы. Гробы и мумию мы перевезли на остров и под покровом ночи сожгли...».

Грабители опасались мести покойных значительно больше, чем преследования со стороны земных правоохранительных органов. Они не побоялись путешествовать с прямыми и тяжеловесными уликами только для того, чтобы уничтожить «потерпевших». И это несмотря на то, что в случае задержания им грозили пытки, смертная казнь и уничтожение тела.

Уничтожение тела — самое страшное, что могло случиться с египтянином, особенно если это сопровождалось уничтожением его изображений. Это давало фараонам возможность преследовать своих врагов после их смерти, и крамольный саркофаг, даже умерев и благополучно пройдя через суд Осириса, не мог чувствовать себя в полной безопасности.

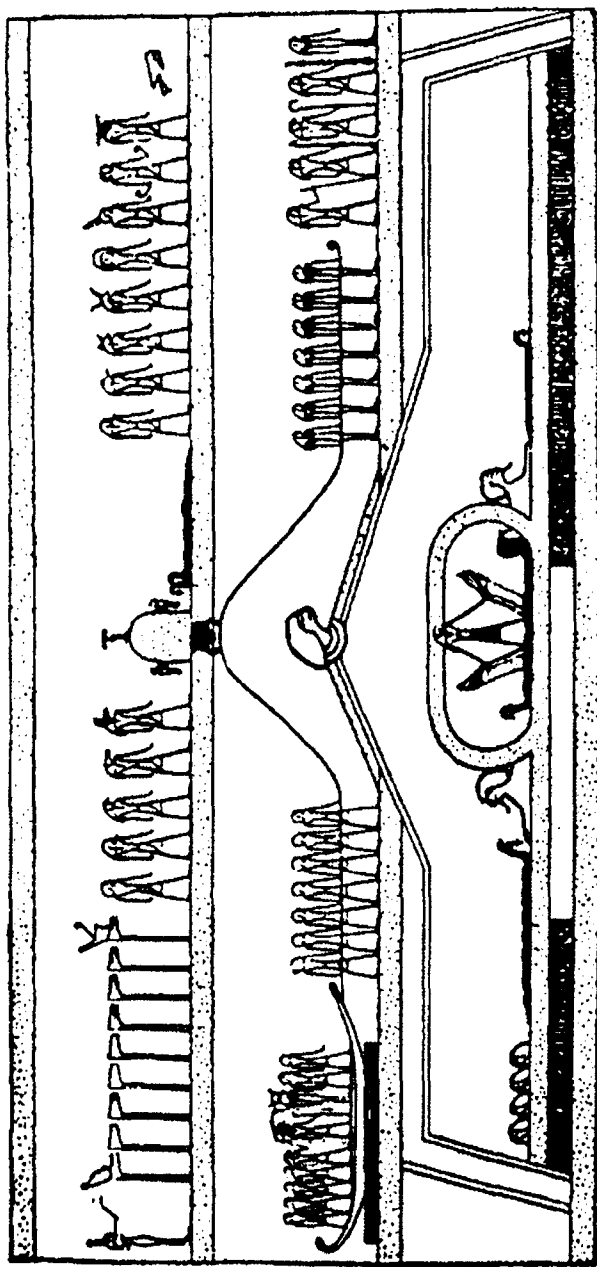
Топография загробного мира египтян весьма сложна и неоднозначна. Мы уже говорили, что не только под землей, но и на небе существовали загробные обитатели, причем тело и разные души одного и того же египтянина могли находиться в разных местах. Ситуация крайне осложнялась тем, что сами гробницы, располагаясь на земле, одновременно являлись частью территории загробного мира. Кроме того, каждая гробница, где бы она ни находилась, имела отдельный выход непосредственно в долину подземного Нила. Для этого на стенах гробниц рисовались двери, их старались ориентировать в сторону запада. Через эти двери души выходили в Дуат и возвращались обратно в гробницу. Душа — будь то «ка», «ба» или любая другая — может как сущность нематериальная

пройти через нарисованную дверь, это сомнений не вызывает. Но известно, что в Дуат, навстречу ладье Ра, выходили прежде всего мумии во плоти, — как они умудрялись это проделывать через нарисованные двери, не вполне ясно. Кроме того, своего рода «дверью» являлось и изображение человека на стене гробницы. Именно через свои изображения туда попадали слуги или жрецы, предназначенные для различных работ в загробном царстве, порой — еще при жизни.

В одной из гробниц в Саккаре сохранилось изображение «заупокойного жреца», который должен был осуществлять культ хозяина гробницы. Известный египтолог А. О. Большаков трактует это изображение как «дверь», о которой идет речь в находящемся тут же тексте, и считает, что через это изображение живой жрец, получивший обозначенную в той же надписи плату за свои услуги, навещал царство мертвых для выполнения там своих обязанностей. Через свои изображения на стенах гробницы покойного могли посещать и его родственники, сначала при жизни (видимо, это, минуя тело, делала какая-то из их душ), а потом и после смерти, когда они обретали собственные гробницы. Вероятно, такой способ сообщения был предпочтительнее, чем долгий путь друг к другу через Поля Иалу. Кроме того, покойный мог иметь переписку с живыми родственниками — по крайней мере, получать их письма. Письма, адресованные умершим, сохранились. Случалось, что живые были недовольны загробным поведением покойного, возлагали на него ответственность за свои земные неприятности и грозились пожаловаться на него богам загробного мира.

Кроме гробниц имелись и другие проходы в загробный мир, в частности в скалах на западном берегу Нила, в районе Абидоса. И конечно же, существовали «парадные» вход и выход, через которые попадал в долину подземного Нила сам бог Ра. Вход для него открывался на западе, там существовали тщательно охраняемые врата. А на востоке флотилия бога покидала подземный мир, проплывая сквозь тело гигантского змея и выходя из его пасти прямо на небо.

Подземный Нил протекает, в отличие от Нила надземного, в широтном направлении, с запада на восток; он пересекает двенадцать долин, разделенных вратами. В «Книге Амдуат»

Пятая долина подземного Нила. «Книга Амдуат». XVI в. до н.э.

приведена протяженность трех первых долин: 120, 309 и 309 итеру, что равно 180, 463,5 и 463,5 км соответственно. Таким образом, суммарная протяженность первых трех долин примерно равна 1107 км, и можно условно принять порядок длины всего подземного Нила около четырех — пяти тысяч километров. Это примерно соответствует ширине Африки от юга Атласских гор до Красного моря или Синайского полуострова. Что касается ширины самих долин, то она известна для двух из них — второй и третьей — и равна в обоих случаях 120 итеру, или 180 км. Интересно отметить, что это во много раз больше ширины долины наземного Нила, которая составляет в среднем от пяти до десяти километров.

Известно, что три Нила — наземный, небесный и подземный — образуют единую гидрологическую систему. Наземный Нил впадает в море, а начало свое берет в Дуате, очевидно являясь продолжением Нила подземного. А тот, в свою очередь, питается водами Нила небесного, протекающего через все небо с востока на запад. Об истоках небесного Нила однозначной информации нет, можно предположить, что он протекает через обители богов на востоке неба. Место перехода небесного Нила в подземный несудоходно, поскольку известно, что Ра, закончив свой дневной путь, пересаживается с дневной ладьи на ночную в районе гор (предположительно Атласских) на западе Африки.

Знаменитый Огненный остров, где в Чертоге Двух Истин вершилось правосудие Осириса, находился у пятых врат подземного Нила, видимо, на границе четвертой и пятой долин. В связи с этим можно назвать и еще одно основное членение подземного мира: кишашее чудовищами пространство, которое покойный должен был преодолеть по дороге к Огненному острову, и собственно Поля Иалу, хотя их взаимное расположение неизвестно.

Поля Иалу были территориями, тщательно возделанными. Росписи на стенах гробниц знакомят нас с проводимыми здесь земледельческими работами и сбором урожая. Именно здесь, по-видимому, покойные или их слуги (а позднее — ушебти) должны были, как сказано в уже упомянутом обращении к ушебти, «возделывать поля, обустраивать берега, перевозить через реку песок...». В «Книге мертвых» гово-

рится: «Я знаю Поля Иалу, принадлежащие Ра. Стены их из металла. Высота ячменя там 5 локтей: колосья его в два локтя, а стебель — в три. Их пшеница в 7 локтей: колосья ее в три локтя, а стебель — в четыре».

Кому достались эти плодородные, оснащенные прекрасной ирригационной системой земли после того, как в Египте в первых веках нашей эры воцарилось христианство, сказать трудно. Возможно, какие-то души древних египтян пребывают там и поныне. По крайней мере, христиане их заселять не стали. Они, как это ни странно, прельстились той частью Дуата, где обитали чудовища и где в эпоху Нового царства стали истязать грешников. Христианская коптская церковь назвала свой ад «Аменти» (буквально — «Запад», древнейшее название египетского царства мертвых), причем населяющие его чудовища во многом схожи с теми, которые обитали на берегах подземного Нила еще во времена правления Осириса.

Судьба самого Осириса неизвестна. Но поскольку его давний соперник, Ра, несмотря на смену земных религий, как и тысячи лет назад, мирно путешествует по небесному (а значит, и подземному) Нилу, есть основания думать, что Осирис со своей свитой столь же мирно пребывает в Полях Иалу. Но судить ему теперь некого: переселение в Дуат прекратилось, число жителей стабилизировалось (и даже уменьшилось за счет разрушения гробниц и мумий), и Осирис может наконец полностью отдаться другому главному делу своей жизни: ежегодному обновлению растительного мира.

Курнуги — «Страна без возврата»
(Древняя Месопотамия)

Судьба первых жителей Шумера и Аккада была во многом схожа с судьбой первых иудеев и христиан. Как и Адам, первые шумеры и аккадцы были слеплены из глины. Они тоже пострадали во время Всемирного потопа, а мудрый Зиусудра, подобно Ною, был предупрежден свыше, построил ковчег и спасся. Шумерам и аккадцам тоже был известен земной рай, который, по их сведениям, располагался в стране Дильмун — на территории нынешнего островного государства Бахрейн. Но, в отличие от Адама и Евы, первых жителей Месопотамии в рай не впускали — блаженный остров Дильмун (или Тильмун) предназначался исключительно для богов. И хотя здесь не водились ни змеи, ни скорпионы, ни волки, ни дикие собаки, зато и пресной воды тоже не было. Воду в шумерский рай уже в те далекие времена приходилось доставлять с материка, этим занимался бог солнца Уту. Интересно, что сегодня питьевую воду на острова Бахрейна тоже в основном доставляют с «большой земли» и она дороже бензина.

Дильмун не был единственным жилищем шумерских богов — это было нечто вроде Эдемского сада, где богиня-мать

Нинхурсаг выращивала чудесные растения с помощью искусственного орошения. Впрочем, два человека все же удостоились обрести в этом саду вечную жизнь. Счастливыми стали строитель ковчега Зиусудра (шумер Гильгамеш в намного более позднем, уже аккадском тексте зовет его Утнапишти) и его супруга.

Зиусудра, царь,
 Простерся пред Аном и Энлилем.
 Ан и Энлиль обласкали Зиусудру,
 Дали ему жизнь, подобно богу,
 Вечное дыхание, подобно богу, принесли для него свыше.
 Потом Зиусудру, царя,
 Спасителя имени всех растений и семени рода человеческого,
 В страну перехода, в страну Дильмун, где восходит солнце,
 они поместили.

Остальные жители Междуречья, окончив земные труды, отправлялись независимо от своих заслуг в преисподнюю. Впрочем, поначалу она тоже была предназначена исключительно для богов и возникла задолго до сотворения первых людей. Позднее в нее стали переселяться древние шумеры; примерно в середине третьего тысячелетия Шумер был покорен соседним Аккадом, после чего завоеватели не только переняли культуру побежденных, но и начали осваивать их загробный мир.

У шумеро-аккадской преисподней было множество имен: Кур, Кигаль (Великая Земля), Эден, Иригаль, Арали... или же Курнуги — «Страна без возврата».

Одним из первых переселенцев в «Страну без возврата» едва не стал весьма значимый бог — «владыка-ветер» Энлиль. Попал он туда, в отличие от самих шумеров, за грехи, и даже высокое положение в пантеоне его не спасло. Людей в те времена на земле еще не было, но боги жили примерно так же, как и люди. Энлиль собрался жениться, и его избранницей стала прекрасная Нинлиль. Мать девушки одобрила предстоящий брак, но сама Нинлиль жениха отвергла. Тогда Энлиль силой овладел несговорчивой невестой. За такое безобразие он был осужден богами:

Энлиль прогуливается в Киуре,
 Когда Энлиль прогуливается в Киуре,
 Великие боги, их пятьдесят,
 Боги судеб, семеро их,
 Хватают Энлиля в Киуре, (говоря):
 «Энлиль, грешник, из города изыди...»

Любострастного Энлиля не только изгнали из собственного города, но и отправили в преисподнюю на бессрочное поселение. Возможно, там бы он и остался, но на его счастье Нинлиль, которая к этому времени поняла, что беременна, не захотела рожать ребенка без отца и отправилась под землю вслед за мужем. Ее сыну предстояло стать богом луны, и Энлиль, озабоченный не только собственным изгнанием, но и тем, что небесному светилу предстоит сиять под землей, придумал хитрый план освобождения. По дороге к месту заключения божественная пара встретила трех низших богов: «стража ворот», «человека подземной реки» и «перевозчика», исполнявшего те же обязанности, что и Харон в Аиде. Энлиль по очереди принимал облик каждого из этих богов и каждый раз зачинал со своей супругой очередного ребенка. Дети эти стали тремя богами подземного царства и оказались выкупом, который, согласно законодательству шумерского загробного мира, должен внести за себя желающий его покинуть. Обеспечив «Страну без возврата» соответствующим количеством служителей, Энлиль добился возвращения своего первенца, жены и себя самого на небо.

Еще одна величайшая шумерская богиня, Инанна (у аккадцев она получила имя Иштар), тоже чуть не осталась в загробном мире против своей воли. Ей, как и Энлилю, пришлось отослать в преисподнюю своего заместителя — это было обязательным условием выхода из «Страны без возврата». Впрочем, сначала Инанна отправилась в Кигаль по своей воле: у нее были там какие-то ритуальные дела, связанные с переходом в подземный мир ее зятя, мужа сестры. Сестра Инанны, Эрешкигаль, была правительницей преисподней, именно ее мужа и собиралась почтить преисполненная родственных чувств Инанна. Однако Инанна отнюдь не была уверена, что

сестра разделяет ее родственный пыл, и опасалась, что Эрешкигаль может предать ее смерти. Опасения богини оказались не напрасны: у входа в «Страну без возврата» ее встретил привратник Нети, который провел ее через семь ворот, каждый раз насильственно снимая с несчастной гостьи часть ее одежд и украшений. Пройдя седьмые ворота, незадачливая богиня оказывается абсолютно голой, что, кроме морального унижения, имело еще и магические последствия: ее божественная сила ушла вместе с одеждой. После чего Эрешкигаль направляет на сестру «взгляд смерти» и убивает ее (одного схождения в преисподнюю для смерти, видимо, было недостаточно).

Труп несчастной богини вешают на крюк, вбитый в стену. Там бы она и пребывала по сей день, но на земле визирь богини, выждав трое суток и не дождавшись возвращения своей госпожи, бросился за помощью к верховным богам шумерского пантеона. Энлил и его сын, лунный бог Нанна, безучастно отнеслись к смерти своей коллеги, но бог мудрости Энки сожалел над умершей. По-видимому, Энки, полностью отдавшись духовным подвигам, пренебрегал гигиеной, и это спасло несчастную Инанну. Энки почистил ногти, под которыми скопилось изрядное количество грязи, слепил из этой грязи двух магических уродцев, снабдил их «водой жизни» и «травой жизни» и отправил на выручку потерпевшей.

Труп богини сняли с крюка и оживили, но для того, чтобы выйти из «Страны без возврата», Инанна должна была прислать вместо себя заместителя. В сопровождении демонов, которые следили за исполнением закона, богиня отправляется на землю и застает своего мужа, бога-пастуха Думузи, сидящего в парадных одеждах на высоком троне. Инанна, которая, по-видимому, считала, что муж льет слезы и носит по ней траур, сразу решила вопрос о том, кто же будет ее заместителем. Перепуганный Думузи долго прятался, но в конце концов был настигнут галлу — демонами преисподней, которые

Не едят пищи, не знают питья,
Муки, что посыпана, не вкушают,
Не пьют возлиянной воды...
...Супруг не обнимают с лаской,
Детей любезных не целуют...

Но самым печальным для Думузи было то, что они «не принимают даров приятных», то есть взятки ни в какой форме не берут... Неподкупные галлу разорвали бедного Думузи на части, и он отправился напрямик в преисподнюю, являя собой назидательный пример для недостаточно почтительных мужей. Впрочем, будучи плохим мужем, Думузи был, по-видимому, хорошим братом — его сестра Гештинанна, в свою очередь, согласилась стать его заместительницей в царстве мертвых. В конце концов Инанна наполовину простила грешного мужа и согласилась, чтобы Думузи и его сестра по очереди проводили под землей по полгода, а остальное время пребывали на земле.

Коварную Эрешкигаль, которая столь злокозненно обошлась с собственной сестрой, можно если не оправдать, то понять: Инанна являлась в числе прочего богиней плодородия и любви, у нее было немало любовников и муж Думузи. Что касается самой Эрешкигаль, то ее личная жизнь не сложилась: правда, она родила сына от связи с Энлилем, но у Энлиля была и осталась любимая жена, помощница и советчица Ниндиль, и отношения с подземной богиней никогда не стояли для «владыки-ветра» на первом месте. Кроме того, бедная Эрешкигаль не имела права покидать преисподнюю даже ненадолго. И если, например, греческая богиня загробного царства Персефона две трети года могла проводить на земле и на Олимпе, то Эрешкигаль обречена была на вечное сидение под землей. Правда, замуж она в конце концов вышла, но историю ее сватовства трудно назвать любовной.

Все началось с того, что шумерские боги устроили пышный пир. Отправили приглашение и для Эрешкигаль, но поскольку заранее было известно, что она не сможет его принять, богине предложили прислать вместо себя полномочного представителя. Выбор подземной царицы пал на собственного сына Намтара, демона злой судьбы и смерти. Когда Намтар прибыл на небеса, боги оказали ему торжественный прием, чувствуя в лице посланника саму великую богиню. Один лишь бог Нергал не захотел встать при входе Намтара, оскорбив тем самым владычицу шумерского загробного мира.

Возмущенная Эрешкигаль потребовала выдачи и казни нечестивца. О том, что было дальше, разные мифографы пове-

ствуют по-разному. Говорят, что Нергал, захвативший с собой в подземное царство мощное подкрепление, за волосы сташил царицу с трона и хотел отсечь ей голову. Лишь мольбы Эрешкигаль и обещание разделить с ним ложе и трон смягчили грозного бога. Существует мнение, что Нергал, проведя с царицей семь ночей, не прельстился загробными ласками и бежал обратно на землю. Влюбленная (а быть может, лишь оскорбленная) Эрешкигаль объявила, что в отместку выпустит на землю всех жителей загробного мира. Испуганные боги потребовали от Нергала исполнить волю богини. Так или иначе, в конце концов Нергал смирился со своей новой долей и стал бессменным мужем Эрешкигаль и царем загробного мира, потеснив супругу на ее троне. Неизвестно, много ли радости принес царице этот вынужденный брак с богом, который до своего нового назначения ведал войной, чумой, лихорадкой и палящими солнечными лучами (но не солнечным светом!). Впрочем, в ее положении выбирать не приходилось.

Мы достаточно точно можем сказать, когда именно Эрешкигаль вышла замуж и загробное царство шумеров получило нового владыку. Известно, что Инанна спустилась в преисподнюю вскоре после замужества сестры и переселения Нергала под землю. Это событие, вернее, его последствия положили конец царствованию на земле бога-пастуха Думузи. Нам известно время правления преемника Думузи, царя Гильгамеша: он был исторической личностью, жрецом и военным вождем города Урука и жил около 2700 года до н.э. Значит, загробный брак Эрешкигаль и изменения во властной структуре шумерской преисподней относятся к началу третьего тысячелетия до новой эры.

Таковы были вкратце взаимоотношения шумерских богов с загробным миром и его правителями. Но задолго до того, как злосчастная Эрешкигаль вступила в брак, а ее сестра чуть не лишилась жизни, совершая ритуалы в честь новоявленного зятя, — задолго до этих событий шумерская преисподняя стала понемногу заполняться людьми.

Люди были сотворены богами Энки и Нинмах из глины. Произошло это достаточно давно. «Царский список», составленный в третьем тысячелетии на основании более древних

документов, перечисляет имена и годы правления всех шумерских царей, правивших после Потопа. Древние цари были в основном долгожителями, первые двадцать три царя Первой династии Киша правили, согласно «Списку», в общей сложности 24510 лет. После перенесения столицы из Киша в Урук время правления одного царя сократилось в среднем до двухсот лет, что, впрочем, тоже немало. Хронология «списка» простирается примерно на тридцать тысяч лет назад, до самого Потопа. Какое-то время надо отвести и на жизнь «допотопных» людей. Таким образом, заселение шумерской преисподней людьми началось более тридцати тысяч лет тому назад. Археологические находки не подтверждают, но и не опровергают эту информацию — согласно данным раскопок, шумеры появились в Междуречье Тигра и Евфрата в четвертом тысячелетии до новой эры, но откуда они пришли, до сих пор неизвестно. Очень может быть, на своей прародине шумеры или их предки тоже провожали своих покойников в «Страну без возврата», управляемую коварной и тогда еще незамужней Эрешкигаль (правда, в этом случае царская династия, вопреки своему названию, большую часть своего правления не имела отношения к месопотамскому городу Киш). Так или иначе, оговоренное в «Списке» начало правления кишских царей соответствует началу верхнего палеолита, заселению Евразии человеком нового облика — *Homo sapiens sapiens* — и началу второй (после неандертальцев) волны перехода людей в загробный мир.

Сохранилась и другая, спорная, но соблазнительная для трактовки информация, по которой создание шумерской цивилизации (а значит, и заселение шумерами преисподней) произошло почти полмиллиона лет тому назад. Об этом пишет живший в конце четвертого — начале третьего веков до нашей эры вавилонский ученый, жрец бога Мардука, Берос. Он сообщает, что еще до Потопа шумерами правили десять царей-долгожителей, общий срок деятельности которых исчисляется в 432 тысячи лет. Если принять сообщение ученого жреца за истину, то первые шумеры относились к какой-то из разновидностей *Homo erectus* — человека прямоходящего. Не исключено, что их можно классифицировать как гейдельбергских людей — предшественников неандертальцев. Как

мы уже говорили, неандертальцы заботливо провожали своих покойников в загробный мир. Известно даже одно захоронение гейдельбергских людей, хотя оно относится к несколько более позднему времени (около 300 тысяч лет назад) и является единственным и спорным.

Но кем бы ни были первые шумеры, вылепленные из глины (или, по одной из версий, выросшие из-под земли, как трава), с территории Междуречья этот народ стал поступать в «Страну без возврата» с конца четвертого тысячелетия до нашей эры. Археолог Леонард Вулли при раскопках города Ур обнаружил кладбище, на котором шумеры хоронили своих покойников на протяжении почти всего третьего тысячелетия. Вулли исследовал около тысячи четырехсот могил. Шумеры попроще брали с собой в царство Эрешкигаль орудия труда, оружие, посуду с едой и питьем, ларцы, браслеты, ожерелья... В сжатых руках лежащие на боку люди обязательно держали у самого рта кубки. Видимо, содержащийся там напиток помогал преодолеть трудности загробного пути. Для преодоления водных преград во многие могилы были положены модели лодок. Интересно, что грабители, обчистившие могилу царя Абарги, не тронули две лежавшие на самом виду серебряные лодки: вероятно, они побоялись, что эти лодки могут их самих привезти во владения Эрешкигаль раньше положенного богами срока.

Царица Шубад отправилась в последний путь на деревянных погребальных носилках с золотым кубком в руках. Она вступила в царство мертвых, наряженная в драгоценный головной убор из золота. Ее голову обвивала восьмиметровая золотая лента, три венка — из золотых колец и листьев и стеклянных цветов — были перевязаны нитями сердоликовых и лазуритовых бус. Парик закреплялся золотым гребнем. Царица взяла с собой цилиндрическую печать из лазурита, на которой было выгравировано ее имя. Печать — это предмет, который старались прихватить с собой в загробный мир очень многие шумеры: видимо, она была необходима в работе бюрократического аппарата Эрешкигаль. Впрочем, возможно, Шубад намеревалась иметь собственную канцелярию. Она взяла с собой трон, украшенный львиными головами из листового серебра. Жизнь царицы в загробном мире должны были украшать многочисленные вазы из золота, серебра и алебастр-

ра, чаши, масляные лампы, серебряные жертвенные столики... Туалетные принадлежности и золотые шкатулки с косметикой указывают на то, что в «Стране без возврата» Шубад собиралась существовать отнюдь не в виде бесплотной тени. Взятые ею доска и камни для настольной игры, возможно напоминающей шашки, наводят на мысль о популярности интеллектуальных игр в шумерском загробном мире.

Ездить по царству Эрешкигаль было, вероятно, принято на ослах и на волах. В начале третьего тысячелетия там произошла небольшая транспортная революция: волокуши на полозьях начали сменяться колесными телегами. По крайней мере, нарядная повозка Шубад, украшенная мозаикой и золотыми барельефами львов, стояла на полозьях. А похороненный прямо под ее склепом царь Абарги (возможно, ее муж) хотя и умер несколько раньше, но, будучи сторонником прогресса, предпочел ездить по загробному миру в двух четырехколесных повозках — новейшем слове техники.

Естественно, что Шубад не собиралась лично управлять запряженными в волокушу ослами, как и Абарги не сам ухаживал за волами, влекущими его телеги. В царстве Эрешкигаль сохранялось имущественное и классовое неравенство, и рядом с повозкой царицы были уложены два мертвых конюха; столько же возниц должно было служить и ее супругу. Всего же Шубад взяла с собой свиту из двадцати пяти человек. За царем Абарги последовали шестьдесят мужчин и женщин. Оба повелителя вступили в загробный мир, сопровождаемые роскошно одетыми дамами и придворными, слугами, вооруженными воинами и несколькими арфистами. Есть основания думать, что они последовали за своими повелителями не только добровольно, но и очень охотно. Изумление археологов вызвал тот факт, что позы, сохраненные слугами и придворными в гробницах шумерских царей, не наводят на мысль о возможном сопротивлении и насильственной смерти. Ученые убеждены, что эти люди сошли в гробницу живыми и устроились в удобных и непринужденных позах. Возможно, после этого они выпили снотворное и были заколоты во сне, избежав мучительной агонии. Во всяком случае, археологические находки дают основание полагать, что в загробном мире шумеров царят патриархальные добродетели и властители пользуются любовью своих подданных.

К сожалению, добрый царь Абарги, сохранив в загробном мире свиту, повозки и лодки (их, как мы уже писали, грабители унести побоялись), потерял большую часть своего имущества. Строители, соорудившие поверх его гробницы усыпальницу для Шубад, проломили свод и вынесли все драгоценности.

Шумерская преисподняя недаром называлась «Страной без возврата», и если для попавших туда богов еще имелась возможность выйти наружу, оставив вместо себя заместителя, то у людей такой возможности не было. Живые в царство Эрешкигаль не попадали, а мертвые наружу не выходили. Правда, согласно шумерскому тексту «Гильгамеш и ива» и его аккадскому варианту «Энкиду в преисподней», слуга царя Гильгамеша, Энкиду, сошел в подземный мир живым, но выйти наружу он уже не смог. Причем, насколько известно авторам настоящей книги, это был единственный прецедент.

Сам Энкиду под землю отнюдь не торопился и отправился туда вынужденно. Дело в том, что у царя Гильгамеша имелся замечательный барабан, сделанный из древесины ивы, посаженной на берегах Евфрата еще в те далекие времена, когда небо только отделилось от земли. Впоследствии дерево было пересажено в город Урук самой богиней Инанной с тем, чтобы Гильгамеш изготовил из него кресло и ложе для богини. Гильгамеш так и поступил, а из остатков древесины сделал для себя барабан и палочки. Звучком этого барабана он созывал жителей Урука на работу. Но по молитве местных дев, не отличавшихся трудолюбием, и барабан, и палочки провалились в преисподнюю. Девы наслаждались бессрочным отдыхом, но благоденствие Урука оказалось под угрозой. Принести барабан обратно на землю вызвался Энкиду. Гильгамеш дал слуге ряд ценных указаний, как вести себя в царстве Эрешкигаль, чтобы иметь шанс на возвращение:

Если ты спустишься под Землю,
Моему наставленью ты следовать должен:
Чистой одеждой не облачайся —
Они узнают, что ты чужестранец.

Добрый елеем не умашайся из сосуда —
 На его запах они к тебе соберутся...
 ...Сандалии на ноги не надевай ты —
 Шума в преисподней ты не должен делать...

Кроме того, путешественнику было запрещено целовать любимых жен и детей, сошедших в преисподнюю до него. Что касается нелюбимых жен и детей, то их в преисподней возбранялось избивать — потустороннее законодательство было много гуманней тогдашнего земного. Также в преисподней по не вполне ясным причинам не рекомендовалось бросать на землю дротик и носить посох. Все это дает вдумчивому этнографу определенное представление о семейно-брачных отношениях, гигиенических традициях и моде царства Эрешкигаль. Судя по всему, бурное проявление чувств в шумерской преисподней было не принято и могло обратить на себя общественное внимание. Избиение нелюбимых жен и детей тоже не приветствовалось. Ношение чистой одежды и умашение елеем в царстве Эрешкигаль были редкостью. Не пользовалась популярностью и обувь, раз шум сандалий грозил привлечь особое внимание к пришельцу. Все это вступает в некоторое противоречие с археологическими находками, которые говорят о том, что шумеры и аккадцы, переселяющиеся в иной мир, брали с собой и обувь, и нарядную одежду, и косметику. Впрочем, не исключено, что они делали это лишь постольку, поскольку были мало знакомы с традициями преисподней, и что впоследствии эти одежды и шкатулки пылились без употребления... Из письменных источников известно, что облачение в чистые одежды и умашение тела или статуи покойного елеем входили в погребальный ритуал шумеров. Но эта информация не слишком противоречит сообщению Энкиду, поскольку известно, что шумерская преисподняя была местом пыльным — в эпосе о Гильгамеше говорится, что там «засовы и двери покрыты пылью», — и обитатели загробного мира могли достаточно быстро потерять свой ухоженный вид.

Энкиду, естественно, нарушил все данные Гильгамешем заповеди и даже не удержался от рукоприкладства по отношению к нелюбимой покойной жене и ребенку. После чего ему пришлось остаться в царстве Эрешкигаль навсегда. Про-

изошло это не по воле богов, желавших наказать нечестивца, а по естественным причинам:

Когда Энкиду из земли захотел подняться, —
 Намтар его не держит, демон его не держит,
 Страж Нергала беспощадный его не держит —
 Земля его держит.

Тщетно Гильгамеш бегал из храма в храм и молил богов о спасении верного слуги. Один лишь бог Эа (Энки) откликнулся на просьбу царя, но и он не мог пойти против закона. Эа лишь попросил Нергала открыть отверстие в земле, чтобы дух злосчастного Энкиду мог выйти на поверхность и рассказать Гильгамешу о быте и нравах преисподней.

Нергал исполнил просьбу старого бога, и дух Энкиду встретился с Гильгамешем. Друзья обнялись, но потом Энкиду подтвердил, что, несмотря на объятия, он всего лишь дух, а тело пребывает под землей: «как старое платье, едят его черви», и «полно оно праха». Тем не менее со слов Энкиду выяснилось, что в загробном мире все обстоит не так уж и плохо и достаточно справедливо.

«Того, кто сына родил, видал ты?» — «Видел,
 Он в Земле утешен, хлеб он вкушает».
 «Того, кто трех сыновей родил, видал ты?» — «Видел,
 Он в Земле утешен, пьет он воду».
 «Того, кто четырех сыновей родил, видал ты?» — «Видел,
 Его кормят и поят, веселится его сердце».

Еще лучше оказалась участь того, кто родил пятерых сыновей, — «во Дворец он входит». Самой завидной, вероятно, была загробная судьба человека, родившего семерых, — такие упоминаются, но их воздаяние для нас остается загадкой: текст испорчен. Убитый в сражении будет утешен сразу отцом, матерью и склонившейся над ним женой...

Но все эти загробные радости предстоят лишь тем, о чьей участи позаботились живые. Энкиду довелось видеть того, «чье тело брошено в степи», — «его дух в земле не имеет по-

коя». И совсем уж жалкий жребий ожидает того, чей дух не чтим потомками:

Из горшков объедки, хлебные крошки,
Что на улице брошены, ест он.

Сам Гильгамеш не был чужд духовных поисков и еще при жизни побывал если не в самом загробном мире, то на сопредельных территориях. Аккадский эпос повествует о том, как Гильгамеш, потеряв своего друга Энкиду (в этой версии он умер своей смертью), отправляется к праведному Утнапишти, чтобы расспросить его «о жизни и смерти». Царь проходит подземным путем, по которому сквозь гряду гор, окружающих обитаемый мир, следует солнце, переправляется через «воды смерти» и достигает места, где «при устье рек, в отдаленье» живет обретший бессмертие спаситель человечества. Из других источников известно, что Утнапишти обитает в земном раю, Дильмуне, где нет пресной воды (ее вынужден доставлять туда бог солнца Уту), поэтому сообщение об «устье двух рек» вызывает некоторое недоумение. Но можно допустить, что за более чем тридцать тысяч лет (а по одной из версий — почти за полмиллиона лет) Уту налил в Дильмуне столько воды, что образовал две небольшие речки, которые впоследствии пересохли (в наше время на Бахрейнских островах рек не существует).

Побывав в земном раю, Гильгамеш чуть было сам не обрел бессмертие: Утнапишти научил его, как добыть волшебный цветок, дарующий вечную жизнь и молодость. Альтруистичный Гильгамеш собрался не только сам обрести жизнь вечную, но и накормить замечательным цветком весь народ Урука. Случись это, поток переселенцев в царство Эрешкигаль мог полностью иссякнуть и население его стабилизировалось бы не позже 2600 года до н.э. Но по недосмотру героя цветок был украден змеей. Змея действительно тут же сбросила кожу и помолодела (по поводу обретенной ею вечной жизни точных данных нет). А Гильгамеш, вернувшись в Урук и процарствовав положенное время, умер и отправился в преисподнюю, как и все шумеры.

О начальном этапе его пребывания в царстве Эрешкигаль тоже имеется некоторая информация. Сохранилась глиняная табличка, которая, по мнению исследователей, является одной из версий окончания эпоса о Гильгамеше, названного «Смерть Гильгамеша». В ней говорится о том, как царь Урука, спустившись в загробный мир, принес богатые жертвы и дары богам подземного царства и наиболее знатным его обитателям из числа людей. Причем дары эти Гильгамеш принес не только от своего имени, но и от имени тех, кто «почил вместе с ним». Это дает основание думать, что знаменитого урукского царя сопровождала в загробный мир целая свита.

Позднее покойному Гильгамешу и самому довелось принимать подарки от новых поселенцев подземного мира. Сохранилась поэма (нечто вроде погребальной песни) об Урнамму, царе города Ура, жившем в конце третьего тысячелетия. Царь тоже прибыл на новое место жительства с богатыми дарами и почтил ими семь богов подземного мира и их наиболее выдающихся подданных. Урнамму раздаривал оружие, одежду, украшения, драгоценности и корабли. Кроме того, он заколол в загробном мире волов и быков и сделал это собственноручно, поскольку свита в поэме не упоминается (вероятно, к тому времени обычай отправлять с царем его приближенных вышел из употребления). Впрочем, царю не пришлось долго сожалеть об оставленных на земле слугах: к нему тут же приставили в этом качестве нескольких ранее умерших обитателей загробного царства.

Гильгамеш ко времени смерти Урнамму сильно возвысился в табели о рангах и принял сан божества: в поэме он упомянут наравне с Нергалом, Эрешкигаль и Думузи. Интересно, что подарки получили не только главные боги, но и писец, ведущий дела загробного царства. Когда дела с подарками были улажены, Гильгамеш, видимо в благодарность, согласился выступить в качестве гида и познакомить покойного с законами и традициями «Страны без возврата». К сожалению, эта часть текста не сохранилась.

География объединенного загробного царства шумеров и аккадцев мало изучена. Известно лишь, что оно находилось под землей и что по крайней мере какая-то его часть была распо-

ложена непосредственно под Уруком (именно из Урука провалился в «Страну без возврата» пресловутый барабан). Одно из названий этого царства — Кур — когда-то означало гору и лишь позднее приобрело смысл «чужая страна». Возможно, что какая-то часть преисподней находилась под гористой местностью и вход туда вел через ущелья или пещеры. Тем, кто отправлялся в преисподнюю более цивилизованным путем, чем это сделали барабан и за ним Энкиду, следовало пересечь подземную реку — здесь существовала лодочная переправа. Парадный вход состоял из семи последовательных врат, но есть сообщение и о четырнадцати вратах, возможно ведущих в преисподнюю с разных сторон. Известно, что, когда Нергал спускался под землю для единоборства с Эрешкигаль, он поставил четырнадцать дружественных ему демонов на страже у четырнадцати ворот загробного царства.

Вопрос о небесных светилах загробного царства шумеров остается до настоящего дня невыясненным. С одной стороны, многие источники подчеркивали, что там таковых нет и быть не может. Царство Эрешкигаль называли «жилищем мрака», «домом, где живущие лишаются света», местом, где «света не видят, но во тьме обитают». С другой стороны, существует точка зрения, что солнце Уту (у аккадцев Шамаш) ночью путешествует по подземному миру, неся умершим не только свет, но и еду, и питье. Недаром аккадцы иногда именовали Шамаша «солнце мертвых душ». В этом Уту-Шамаш сходен с египетским Ра, который равно светит и живым, и мертвым. В своей знаменитой элегии на смерть отца шумерский поэт рубежа третьего — второго тысячелетий до н.э. Лудингирра прямо называет солнечного бога владыкой и судьей загробного мира:

Уту, великий владыка ада,
когда превратит темные места в светлые,
будет судить тебя [благожелательно].

Относительно лунного бога Нанны известно, что днем он путешествует по подземному царству в своей барке. Тот же Лудингирра сообщает, что Нанна, помимо своих ежедневных странствий под землей, ежемесячно проводит там «день

сна» — двадцать восьмой или двадцать девятый день лунного месяца, — решая судьбы умерших.

Из коренного населения «Страны без возврата», помимо уже упомянутых нами Эрешкигаль, Нергала, Намтара и Думузи (периодически замещаемого сестрой), можно отметить Нунгаль — дочь царицы Эрешкигаль, которая, по некоторым данным, ведала загробным правосудием. Сына Эрешкигаль и Энлиля мы уже упоминали. Еще один сын Эрешкигаль, Ниразу, являясь богом подземного царства, по совместительству занимался целительством, и даже имя его в переводе с шумерского означает «господин врач». Сын Ниразу, Нингишзида, тоже обитал в подземном мире, где сторожил заточенных злых демонов. Сестра Думузи, Гештианна, вынужденно попавшая в загробный мир, нашла здесь себе дело по душе: она стала писцом, вела дела умерших и зачитывала «таблицу судеб». У аккадцев этим ведала Белет-цери, хотя возможно, богини просто сменяли друг друга — ведь Гештианна ежегодно по шесть месяцев проводила в мире живых.

В загробном мире жили и упомянутые уже демоны галлу, и ануннаки, по крайней мере некоторые из них. Кто такие ануннаки, до сих пор толком не известно. В свое время бог Ан «приказал им родиться», что они и сделали. По некоторым сведениям, приказ бога исполнили семь ануннаков, по другим — пятьдесят и даже шестьсот. Ануннаки каким-то образом ведали судьбами людей; обитали они и под землей, и на небе. Некоторые из них исполняли судебные функции при Эрешкигаль и Нунгаль. Существует точка зрения, что они всегда выносили один-единственный приговор — смертный, после чего подсудимый, попавший в лапы загробного правосудия, окончательно умирал и оставался в «Стране без возврата» навсегда. Но это не вполне справедливое мнение: ведь еще Энкиду подробно рассказал о вполне сносной участи шумеров, родивших должное количество сыновей или убитых в сражении (конечно, при условии, что их родственники позаботятся о необходимых заупокойных ритуалах). Это наводит на мысль, что Эрешкигаль, несмотря на все сложности своего характера, должным образом следила за исполнением правосудия во вверенном ей государстве и, несмотря на то, что выход из «Страны без возврата» был

заказан, справедливость при распределении жизненных благ там соблюдалась.

Как и при переходе власти в надземном мире от шумеров к аккадцам, так и при следующем политическом потрясении — возвышении Вавилона, установившего свое господство над Месопотамией, — в загробном мире Междуречья радикальных реформ не проводилось. Тем не менее некоторые изменения произошли. Во-первых, Нергал постепенно отстранил свою жену от государственных дел и стал править единолично. Эрешкигаль сохранила титул богини, супруги и царицы, но реальную власть потеряла. Укрепляя свое положение, Нергал окружил себя множеством подвластных ему мелких божеств и демонов преисподней. Среди них, помимо уже известных нам ануннаков и галлу, появились утукки, асакки, этимме, ночные инкубы лилу, совращающие женщин, и столь же аморальные суккубы лилит, совращающие мужчин. Обитала в преисподней и львиноголовая Ламашту, похищающая детей и насылающая на них болезни, поселились и сами эти болезни, и разнообразные призраки, и злобные духи мертвечов, не получивших должного погребения. Впрочем, Нергал твердой рукой управлял всем этим пестрым разнородным скопищем. Его власть теперь не только опиралась на личный авторитет, но и поддерживалась четкой административной структурой всего мироздания.

Если раньше у шумеров и аккадцев не было верховного бога и каждый из богов пользовался определенной автономией во вверенной ему сфере, а некоторые вопросы решались демократическим путем, то во втором тысячелетии бог Мардук, бывший скромным покровителем провинциального городка Вавилона, возвысился вместе со своим городом. Выяснилось, что именно он когда-то создал мир из тела убитой им богини Тиамат, сотворил небо, землю и подземное царство. Причем все земные объекты были им задуманы лишь как отражения объектов небесных. Например, земные реки Тигр и Евфрат оказались скромным подобием небесных рек, существующих в виде созвездий. Преисподняя, в свою очередь, стала отражением своего небесного прообраза. Впрочем, на ее деятельности это не отразилось и автономии Нергал не лишился.

Напротив, четкий порядок, который теперь воцарился в мироздании, требовал, чтобы каждый бог занимался своим делом, и даже верховный владыка Мардук не мог оставлять небеса, чтобы проинспектировать провинции.

Единственная попытка Мардука спуститься в загробное царство, чтобы обжечь в подземном огне загрязнившиеся знаки царской власти, потерпела неудачу. На время своего отсутствия Мардук оставил трон Эрре, богу войны и чумы. Непонятно, чем объяснялся столь странный выбор — возможно, тем, что Эрра был во многом близок Нергалу и иногда идентифицировался с ним. Спустившись в преисподнюю, Мардук в виде ответного жеста предложил Эрре-Нергалу занять его место на небе. Эрра злоупотребил предоставленной ему властью и принес на землю чуму, хаос и разруху, не пощадив даже столь любезный сердцу Мардука Вавилон. Правда, потом он признал свою вину и порядок был восстановлен. Но с тех пор Мардук, с опозданием уяснивший, что каждый бог должен сидеть на своем месте, перестал спускаться в преисподнюю и предоставил Нергалу достаточную автономию, какой тот, вероятно, и пользуется по сей день.

Так говорил Заратуштра

Во втором тысячелетии до новой эры, в те времена, когда покойные жители Вавилона мирно и без особых приключений переправлялись в царство Нергала и Эрешкигаль, их восточные соседи, жившие на территории современного Ирана, почти столь же бесконфликтно переселялись в царство Йимы (или Ямы). Души древних иранцев — «урваны» — после трехдневных сборов, во время которых родственники снаряжали их в дорогу, пересекали некую опасную преграду, возможно реку, и попадали на новое место жительства. Однако для того, чтобы стать полноправными обитателями царства Йимы, иранцам следовало выдержать довольно значительный срок существования «без гражданства». Поначалу они не пользовались никакими привилегиями и не имели доступа к общественным фондам, поэтому в течение первого месяца после смерти наследники покойного каждый день готовили и отправляли в загробный мир специальную пищу. Потом этот ритуал следовало проводить лишь раз в месяц. По истечении года приношения делались один раз в год. И лишь через тридцать лет покойный становился полноправным обитателем царства Йимы и начинал существовать за счет обоб-

шестьленных даров, которые древние иранцы приносили своим усопшим в последнюю ночь старого года.

Помимо пищи повседневной, в течение первого года после смерти покойный получал от своих близких еще и три особо торжественных угощения, связанных с жертвоприношением животных. Кровавые жертвы приносились на третий и тридцатый дни и по истечении года. Впрочем, животные от этого, по-видимому, не слишком страдали, ибо их души тоже обладали своего рода бессмертием. Об этом говорят зороастрийские священные книги, которые, правда, были написаны несколько позже, но зафиксировали старую традицию. «Мы молимся нашим душам и душам домашних животных, которые кормят нас... и душам полезных диких животных», — говорится в одной из священных книг зороастризма. И если в загробной судьбе животных, умерших естественной смертью, еще можно было сомневаться, то по поводу тех, что были убиты жрецами с соблюдением должного ритуала, таких сомнений не было: их души поглощались неким Гэуш-Урваном (Душой быка), который олицетворял собой скот вообще и заботился обо всех полезных животных.

Хотя жизнь в царстве Йимы была, по-видимому, достаточно беззаботной и сытой, с течением времени часть иранцев решила отказаться от подземного благополучия и начала осваивать новые земли, точнее, небеса. Был построен мост, соединяющий земную гору Хара с небом. О том, где находится эта гора, сегодня ведутся споры. Все специалисты согласны с тем, что это — одна из гор прародины индоиранцев (общих предков иранских и индоевропейских народов). Некоторые исследователи помещают ее на Урале или даже на скромных Северных Увалах, высота которых не превышает 293 метров над уровнем моря... Но где бы ни находился замечательный мост, преодолеть его было дано далеко не каждому: шансы были лишь у тех, кто при жизни совершал достаточное количество жертвоприношений богам. Кроме того, серьезные препоны возникали у лиц, не принадлежавших к высшим социальным условиям, а также у женщин и детей: они падали с моста и попадали в подземное царство Йимы.

Относительно телесного воскрешения древних иранцев точных сведений не существует. Во всяком случае, некото-

рые из них, видимо, не исключали возможности возродиться в новом теле с использованием старых костей. Об этом свидетельствует близкая им индийская традиция: индоарийцы, незадолго до этого отделившиеся от иранцев, кремировали тела, а кости тщательно собирали для последующего воскрешения. Иранцы, которые уже тогда почитали огонь, не хотели осквернять его соприкосновением с мертвым телом. Однако о костях следовало так или иначе позаботиться, поэтому тела покойных выставляли на открытом месте для того, чтобы птицы и звери очистили скелеты от плоти. После этого кости собирали и хоронили.

С приходом в мир пророка Заратуштры реальные шансы на небесное блаженство появились не только у царей, жрецов и воинов, но и у представителей всех сословий, не исключая женщин и детей. Трудно сказать, когда это произошло, — время жизни пророка разные специалисты помещают в разные периоды: от рубежа второго и третьего тысячелетий до середины второго, а традиционная пехлевийская хронология датирует его VII—VI веками до н.э. Во всяком случае, если стоять на точке зрения ученых, то не позже начала первого тысячелетия до новой эры двери в небо распахнулись для всех, независимо от пола, возраста и сословия. И даже жертвоприношения теперь ни от кого не требовались. Заратуштра установил новый порядок перехода небесного моста Чинват. Теперь прямо на нем заседало судилище, возглавляемое богом Митрой, которому помогали Срош (дух порядка) и Рашну (дух праведности). На специальных весах они измеряли добрые мысли, слова и дела каждой души. Другие весы были предназначены для неправедных дел и мыслей. После взвешивания и вынесения приговора перед душой, предназначенной раю, мост чудесным образом расширялся; она увлекалась в небеса прекрасной юной девушкой и оказывалась в обители бога Ормазда (Ахурамазды), олицетворяющего доброе начало.

Перед грешниками мост, напротив, сужался до размеров лезвия клинка, после чего душе ничего другого не оставалось, кроме как отправляться в ад. Душу, обреченную на спуск в преисподнюю, тоже сопровождала «юная девушка», которая, однако, имела весьма отталкивающий вид. Она от-

водила грешника в обитель Ахримана, ведающего мировым злом. Здесь ему предстоял «долгий век страданий, мрака дурной пищи и скорбных стонов». Что же касается душ, чьи добрые и злые дела и помыслы пребывали в равновесии, они отправлялись в «Место смешанных», где ни стонов, ни дурной пищи не было, но и деликатесов тоже не предлагали.

Существуют немногочисленные последователи Заратуштры, которым довелось при жизни посетить зороастрийские царства мертвых. Но, как правило, они совершали эти путешествия не телесно, а духовно. В зороастрийской энциклопедической компиляции IX века «Дэнкард» рассказывается о том, как царь Виштасп, современник Заратуштры, способствовавший распространению новой религии, попросил благорасположенного к нему пророка показать ему место, которое он обретет после смерти. Царю дали выпить вина с беленой, после чего тот перенесся душою в рай и в подробностях осмотрел все, что его интересовало.

Таким же образом, с помощью вина, белены и конопли, побывал в раю и некто Вираз, путешествие которого описано в «Книге о праведном Виразе» (составлена в Иране в IX — X веках н.э.). Вираза, в отличие от царя Виштаспа, влекло в загробный мир не любопытство, а необходимость укрепить современников на пути праведности. Незадолго до этого «злонравный ромей Александр из Египта», как назван в книге Александр Македонский, посеял в народе смуту и сомнения, и теперь возникла необходимость послать вестника в мир иной и получить оттуда надлежащие указания и руководства. В связи с этим маги и наставники веры «держали долгий совет и порешили так: “Следует найти способ, чтобы один из нас отправился в иной мир и принес вести из духовной сферы...”». Для путешествия «в духовную сферу» были выдвинуты семь праведников, которые, в свою очередь, выбрали того, кто был «безгрешнее и знаменитее», — а именно некоего Вираза. Тот охотно согласился на предложенное путешествие. Правда, дело несколько осложнялось тем, что «у Вираза были семь сестер, и каждая из семи была Виразу женой» (у зороастрийцев, по крайней мере древних, кровнородственный брак был признаком высшей праведности). Многочисленные же-

ны не желали отпускать мужа в «духовную сферу», справедливо опасаясь, что из такого путешествия, будь оно духовным или телесным, можно и не вернуться. Но Вираз был тверд, а жрецы успокоили женщин, пообещав, что муж будет отсутствовать лишь семь дней. Так оно и случилось.

Ровно семь суток проспал праведник: тело его, одурманенное вином и мангом (наркотиком из конопли и белены), пребывало в храме, а душа посетила все отделения зороастрийского загробного мира. Очнувшись, Вираз передал братьям и сестрам по вере личные приветы от «господина мудрости» Ормазда, праведного Заратуштры и других богов и праведников, а потом надиктовал писцу книгу, в которой засвидетельствовал истинность зороастрийских представлений о потустороннем мире, расцветив их красочными подробностями очевидца.

С самого начала путешествия Вираз был встречен божественным Срошем и богом Адуром, которые проводили его на знаменитый мост Чинвад. Здесь Вираз наблюдал души, которые, как и положено, проходили нечто вроде трехдневного карантина в преддверии рая. При этом «в течение тех трех ночей на душу нисходит столько добра и упокоения, сколько она их видела за все время пребывания в земной жизни. Такая душа подобна человеку, спокойнее, довольнее и счастливее которого при жизни никогда не было». На третьей сутки, с рассветом, праведные души отправляются бродить «среди благоухающих растений», здесь их встречают уже упомянутые нами прекрасные девушки, которые олицетворяют духовные подвиги каждого из умерших. Ширина моста, который надлежало переходить душам, увеличивается до девяти копий, и праведники торжественно всходят на него, чтобы предстать перед судом и пройти необходимое взвешивание. Затем они направляются в рай, который расположен южнее. Но Виразу, поскольку он путешествовал с познавательными целями, по дороге в рай дали познакомиться с «чистилищем» (точнее, «Местом смешанных»). Здесь он наблюдал души, равно отверженные добру и злу: «возмездие им определено сменой погоды — то холод, то тепло. Другого воздаяния им нет».

Затем Вираз посетил все четыре круга зороастрийского рая. Надо отметить, что доступ сюда достаточно свободный и в него впускают в том числе и людей, которые не обременяли се-

бя религиозными подвигами. Так, на его первой, «звездной», ступени пребывают те, кто в земной жизни «не возносил молитв, не пел гимнов богам... не обременял себя ни царской властью, ни правлением, ни командованием» и даже не соблюдал столь необходимого для праведных зороастрийцев обычая кровнородственных браков. Зато эти люди «были праведниками в других добрых делах», что им и зачлось, хотя они и упорствовали в грехе, отказываясь вступать в законный брак со своими сестрами и прочими близкими родственницами. И их обитель полна света, сияния и благодати.

На второй, «лунной», ступени тоже пребывают те, «кто в земной жизни не молился, не пел гимнов, не заключал кровнородственных браков. Они поселились здесь за другие благие дела. Их сияние подобно свету луны».

На третьей, «солнечной», ступени обитают те, «кто в земной жизни вершил доброе царствование, благое правление и благое командование».

И наконец, на четвертой ступени начинается собственно рай, место, предназначенное для праведников самого высшего разряда и для богов. Здесь Вираз лицезрел «души щедрых, шествовавшие, излучая сияние», а также блаженные души тех, кто в земной жизни пел гимны и молился. Души добрых владык и правителей передвигались на золотых колесницах. Никаких сословных и имущественных преград в зороастрийском раю не сохранилось, и здесь можно было увидеть и царя, и жреца, и воина, и пастуха, и праведного ремесленника; особо Вираз отмечает учителей и экзаменаторов. Половые ограничения тоже давно были отменены: Вираз видел души благомыслящих, благоречивых и послушных женщин, которые почитали мужа как господина, — они носили вышитые золотом, серебром и драгоценными камнями одежды.

Но «самые великолепные из всех одежд», конечно же, принадлежали благочестивым гражданам, жившим в кровнородственных браках. «Потом в ореоле мощно сотворенного свечения, излучавшего... горний свет, я увидел души тех, кто жил в кровнородственных браках, — говорит Вираз. — Это показалось мне замечательным».

Блаженная жизнь праведников зороастрийского рая слегка нарушается существованием здесь гидрологической систе-

мы. В раю имеются озера, возникшие из воды, которая содержалась в сырых дровах. Каждый праведник получает озеро, набежавшее из дров, которые он подкладывал в священный огонь. Бог Адур, олицетворяющий Огонь Ормазда, с упреком показывает эти озера смущенным переселенцам и советует им употреблять в топку лишь однолетние сухие поленья. Кроме того, по границе рая протекает река, образовавшаяся из слез, которые живые проливают над умершими. Чем меньше слез пролито над покойным, тем легче он преодолевает эту реку. Боги особо просили Виразу передать живущим, чтобы они меньше плакали и не усложняли своим близким доступ к загробным наслаждениям.

После посещения рая Виразу позволили познакомиться с судьбой неправедных душ. Их мучения начинаются еще до пересечения границ ада, в период трехдневного карантина. Потом грешников обдувает холодный зловонный ветер, дующий с севера (именно там расположен ад), и из этого ветра выходит обнаженная распутница, олицетворяющая грешную зороастрийскую душу, — «опустившаяся, грязная, с кривыми коленями и голым задом». Она влечет грешника через такую стужу, туман, жару и смрад, о каких он и не слышал в земной жизни.

Сам ад являет собой глубокий колодец, уходящий вниз «в угрюмую теснину, во мрак настолько темный, что можно было потрогать его рукой». Здесь снова стоит страшная вонь, при этом грешники каким-то парадоксальным образом мучаются от полного одиночества и страшной скученности одновременно. А в это время гады величиной с гору «рвут, жуют и терзают души грешников, словно собаки — кость». Впрочем, гадами и теснотой адские мучения далеко не ограничиваются. Они, в отличие от райских наслаждений, весьма разнообразны и прихотливы.

Так, содомиты наказываются змеями, которые входят у них через задний проход и выходят через рот, в то время как другие змеи пожирают грешное тело. Души проституток повешены за груди и тоже терзаются змеями. У человека, который в земной жизни «незаконно убил много коров, овец и других четвероногих», тело разламывают на кусочки. Вообще, людям, которые при жизни плохо обращались с живот-

ными, причитаются многочисленные и разнообразные кары: в аду им вспарывают животы, подвешивают их за одну ногу, кормят калом... Души, которые в земной жизни недостаточно чтили Творца, обречены поедать собственные испражнения. У женщин, пользовавшихся косметикой и носивших парики из чужих волос, из пальцев сочится кровь и грязь, а в глазах копошатся черви. Тяжелые наказания полагаются также тем, кто болтал во время еды, ходил в одной туфле, мочился стоя, расчесывал над огнем волосы, часто ходил в баню и совершал прочие столь же богомерзкие преступления против нравственности.

Впрочем, для некоторых грешников делаются определенные послабления. Вираз с удивлением увидел «душу человека, которую погрузили в медный котел и варили, и только ее правая нога торчала из котла». Сопровождавшие праведника боги объяснили, что грешник терзается за связи с замужними женщинами, нога же его освобождена от наказания, так как совершала благие дела, давя жаб, муравьев, скорпионов и прочих приспешников Ахримана.

Но как бы ни были тяжки терзания зороастрийского ада, у грешников есть надежда на спасение. Всем последователям Заратуштры, как праведным, так и грешным и «смешанным», предстоит последний пересмотр дела. Впереди их ждет всеобщее воскрешение во плоти и Последний Суд. Боги расплавят весь металл в горах, и он потечет на землю раскаленной рекой, через которую предстоит пройти воскресшим телам. Грешники после этого умрут вторично и исчезнут с лица земли. Праведникам эта жидкость покажется парным молоком, и они останутся невредимы. Потом всем выжившим дадут вкусить «белой хаомы» (напиток бессмертия), и они обретут бессмертие и вечную молодость. Наслаждение их будет тем более полным, что с лица земли к этому времени исчезнут не только грешники, но и все силы зла, побежденные в последней битве противостоящих войск Ормазда и Ахримана. Последние остатки зла будут выжжены последними остатками расплавленного металла, и на земле настанет вечный зороастрийский рай, которому уже никто и ничто не сможет угрожать.

Питрилока — мир предков (индуизм)

У индусов существует несколько версий того, как возникли мир и земля. Во всяком случае, сначала вселенная состояла из воды. Что было потом, описывается по-разному. Предлагается теория о том, что земля возникла из этой воды в процессе проведенного богами пахтанья (в качестве мутовки использовалась гора, установленная на спине гигантской черепахи). Существует не менее тщательно разработанная теория о «вепре начальных времен», который нырял под воду, доставал из-под нее ил и из него создал землю. Авторам настоящей книги наиболее убедительной представляется версия сотворения мира богом-демиургом Брахмой, и они предлагают принять ее без доказательств, поскольку специальные вопросы сотворения мира выходят за рамки данного исследования.

Когда великий Брахма творил вселенную из космического яйца (из которого, кстати, вылупился и сам творец), он не стал создавать смерть. Брахма сотворил небо, землю и подземный мир, их населили добрые боги «дэвы» и злые демоны «асуры»; и те и другие были бессмертны, а людей поначалу не существовало вообще. Дэвы и асуры мирно размножились, немало

детей родилось и у богини Адити (по разным источникам — от восьми до двенадцати). Все они были вполне полноценными богами, среди которых можно особо отметить Митру, Варуну и Индру, бога-громовержца, который в ведический период, примерно до шестого века до новой эры, занимал ведущее место в индийском пантеоне. И лишь один из детей Адити, Вивасват, «не удался»: он родился безруким и безногим уродом невероятной толщины. Старшие братья-боги пожалели калекку: «Он не похож на нас, он иной природы — и это плохо. Давайте переделаем его». И они вырезали из неудавшегося тела существо со всеми необходимыми конечностями. Так возник первый человек (а из обрезков — первый слон).

Вивасват недолго оставался человеком, очень скоро он (вероятно, не без содействия божественных братьев) снова стал божеством, олицетворяющим солнечный свет. Но дети его, Яма, Ями и Ману (те, которых он родил в бытность свою человеком), оказались людьми. Впрочем, тогда это означало лишь то, что они были лишены божественной сущности. Смерть же им не грозила, поскольку добросердечный Брахма, сотворив мир, ее попросту не предусмотрел. На земле царил золотой век, критаяуга, и всем было хорошо: и людям, и животным. Всем, кроме Земли, которая начала страдать от перенаселения. В конце концов Земля обратилась к Брахме с мольбой уменьшить количество жителей.

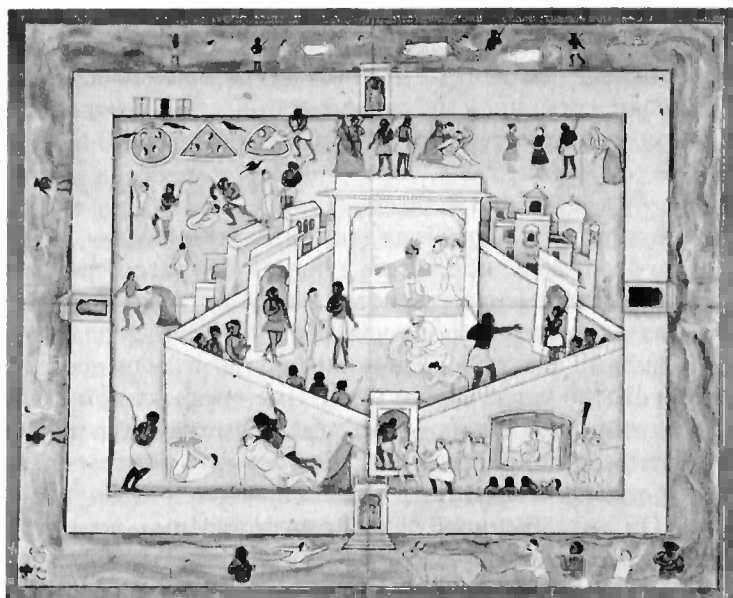
Трудно допустить, чтобы Землю волновало количество населявших ее людей. Согласно традиционной индусской хронологии, критаяуга закончилась более двух миллионов лет назад. Современные антропологи считают, что человек разумный — *homo sapiens* — появился около двухсот тысяч лет назад. Вероятно, Землю удручал живший в ту эпоху человек прямоходящий — *homo erectus*. Численность его популяции была очень невелика, и, видимо, Землю волновало общее количество живых существ. Но Брахма не стал выделять людей в особую категорию. Сначала он гневался и грозил немедленной гибелью всему живущему, но потом, под влиянием Шивы, смягчился и создал из своего тела Смерть, призванную сдерживать рост населения.

Смерть оказалась темноглазой женщиной в красном платье и с венком из лотосов на голове, причем женщиной весьма

добросердечной. Сначала она рыдала и категорически отказывалась исполнять свои служебные обязанности, мотивируя это тем, что не может разлучать близких родственников и не хочет навлекать на себя проклятия людей. В конце концов Брахме пришлось пойти на компромисс: слезы Смерти он превратил в болезни, страсти и пороки, которые, собственно, и становятся причиной гибели живых существ. Смерть, таким образом, не несет ответственности за происходящее и носит титул «госпожи справедливости».

Первой жертвой Смерти стал сын Вивасвата, Яма, — он был первым человеком, попавшим в подземный загробный мир индусов. В те времена в нем правил Агни, бог огня (если можно назвать «правлением» его власть в царстве без подданных). Агни, видимо, тяготился одиноким подземным существованием и охотно уступил свое место Яме, чтобы самому стать «божественным жрецом» — посредником между людьми и богами при жертвоприношениях. Яма основал под землей новое царство под своим управлением и был причислен к лику богов. Он, несомненно, близок иранскому Йиме, но царство Йимы расположено на севере, а царство Ямы — на юге. В свое время, когда Брахма делил стороны света между главными богами — локапалами, именно Юг был отдан Яме. Восток подарили Индре (хотя он незадолго до раздела и провинился: убил брахмана, после чего долгое время прятался от позора и возмездия в стебле лотоса). Варуне, богу океана, отдали Запад. Север достался самому молодому богу, Кубере, ведающему богатством.

Интересно, что хотя именно Яма управляет царством смерти как таковым, Индра и Варуна создали у себя собственные загробные миры для наиболее любезных их сердцу покойников. Так, владыка Запада, Варуна, приглашает к себе демонов-асуров, погибших в битвах. Вообще говоря, в индийской мифологии асуры считаются врагами добрых дэвов и существами злокозненными. Но благородный Варуна тем не менее собирает у себя в подводном дворце павших асуров и старается найти в них крупинцы добра. Тех, в ком таковые крупинцы отсутствуют, он карает за грехи. А асуров получше он приобщает к добродетельной жизни, поселив в своих роскошных

Двор Ямы, бога смерти. Миниатюра,
ок. 1800 г. Индия

садах с великолепным климатом, где на деревьях поют волшебные птицы и вместо плодов растут драгоценные камни.

Индра тоже создал у себя отдельный рай для воинов, павших в битвах. Кроме того, сюда же попадают и некоторые другие умершие, исполненные особого благочестия. Царство Индры, Сварга, находится на небе, здесь стоит тысячевратный город под названием Амаравати («Обитель бессмертных»). Город этот невидим для грешников. Вокруг раскинулась чудесная роща Нандана, в которой живет корова Сурабхи, умеющая исполнять любые желания. Для того чтобы не перетруждать волшебную корову, ей в помощь в Сварге растут деревья, обладающие тем же свойством. Здесь же стоит и знаменитое дерево с золотой корой, «париджата», наполняющее рай Индры замечательным благоуханием.

И лишь владыка Севера, Кубера, не стал приглашать к себе никого из умерших, несмотря на то что он по происхождению является хтоническим, то есть подземным, божеством и может иметь к загробному миру самое прямое отношение. Тем не менее Кубера предпочел реализовать свою «хтоничность», покровительствуя плодородию. Кроме того, бог богатства Кубера охраняет скрытые в земле сокровища и, видимо, поэтому не одобряет появления посторонних на подведомственной ему подземной территории. Хотя надо отметить, что некоторые из умерших все-таки попадали в его владения. По крайней мере, в «Махабхарате» говорится, что царь Дхритараштра, отец Кауравов, после смерти «обрел миры бога богатства» Куберы.

Но главное царство мертвых — Питрилока, «мир предков» — находится во владениях Ямы, на юге, за краем земли, а еще точнее — под землей. Его обитатели — не единственные жители подземного мира. Первыми под поверхностью лежат семь ярусов Паталы — мира, где живут дайтьи, данавы и другие существа, противостоящие небесным богам. На нижнем, седьмом ярусе Паталы обитают наги — обладатели змеиных туловищ и человеческих голов. Впрочем, иногда наги принимают вполне гуманоидный облик и живут среди людей, а женщины-нагини славятся невероятной красотой. Но жизнь под землей для нагов предпочтительнее — их государ-

ство Нагалока считается, по утверждению знаменитого индийского мудреца Нарады, лучшим в мире местом. И лишь еще глубже, под царством нагов, лежат семь уровней загробного царства Ямы.

Питрилоку отделяют от остального мира воды священной Ганги, которая, как известно, протекает и по земле, и по небу, и под землей, орошая собою весь обитаемый мир. В своем нижнем течении Ганга называется Вайтарани, она уходит под землю зловонным потоком, полным крови, костей и волос и населенным разнообразной нечистью. В отличие от реки, опоясывающей шумеро-аккадскую «Страну без возврата», или от греческого Ахерона, Вайтарани не оборудована лодочной переправой. Пересечь ее и попасть в царство Ямы можно только с помощью коровы, причем не верхом, а держась за хвост священного животного. В древности коров, необходимых для переправы, приносили в жертву во время похорон. Каждый покойник появлялся на берегах Вайтарани со своей собственной коровой, и они, надо полагать, загромодили местность и вызвали своего рода экологическую катастрофу. Пришлось изменить традицию: коров перестали приносить в жертву и начали дарить жрецам. Таким образом, животные, понукаемые молитвами жрецов, помогают усопшим душам преодолеть коварную реку, но мира живых при этом окончательно не покидают и продолжают с пользой давать молоко в жреческих подсобных хозяйствах.

Из других наиболее интересных животных царства Ямы следует отметить двух пестрых псов, возможно являющихся родственниками греческого Цербера. У них по четыре глаза (у Цербера — шесть на трех головах). Одного из псов зовут Шарбар, что тоже напоминает о знаменитом стороже Аида. Вероятно, предки замечательных псов принадлежали древним ариям и одна из ветвей собачьего рода отправилась в Индию вместе с индоариями, а вторая попала в Грецию через степи Южной Европы с другой волной переселенцев.

Следует отметить, что животный мир Питрилоки весьма богат. В «Гаруда-Пуране», одном из священных текстов индуизма, описываются обитающие здесь львы, тигры, собаки и змеи. Птицы представлены совами, ястребами, стервятниками и воронами с железными клювами. Из насекомых во-

дятся скорпионы, пчелы и москиты. В реке обитают крокодилы, черепахи, рыбы, пиявки...

Природа Питрилоки разнообразна, но недружелюбна по отношению к человеку. Источников питьевой воды здесь нет. Упомянуты колодцы, но вода, видимо, непригодна для питья, и колодцы созданы для того, чтобы путник в них проваливался. Встречаются озера гноя, крови и испражнений.

Рельеф страны и природные зоны также разнообразны. Здесь есть горы и холмы, глубокие ущелья и долины. В горах часты камнепады и селевые потоки. Особо следует отметить равнину, покрытую своеобразным горячим песком из частиц меди, и гору из горячей золы. Значительную часть страны занимают труднопроходимые леса; порода деревьев, листья которых напоминают острые мечи, видимо, не имеет аналогов в мире живых. Из знакомых нам деревьев источник упоминает неизвестно как оказавшуюся в этом мире ужасов «восхитительную смоковницу», растущую на берегах реки Пушпабхадры.

Климат страны резко континентальный. В «Гаруда-Пуране» упомянуты зоны, где царит «холод в сотни раз более сильный, чем холод Гималаев». В то же время «двенадцать солнц», сияющие над Питрилокой, «нестерпимо жарки».

Все прибывающие в Питрилоку прежде всего подлежат суду, который осуществляется непосредственно Ямой. Для того чтобы попасть к загробному судилищу, умершие должны проделать долгий путь через всю страну, пересекая упомянутые выше природные зоны. По дороге они посещают шестнадцать городов Питрилоки (столицей является последний, семнадцатый). Тем временем их бесплотные души питаются рисовыми шариками, которые им приносят оставшиеся в мире живых родственники. Эти шарики позволяют умершему обрести некое подобие тела — оно понадобится для того, чтобы он мог в полной мере получить все муки или радости загробного воздаяния.

Путь к месту суда обычно занимает целый год. Здесь, в огромном городе Царя Справедливости, заседает Яма, традиционно одетый в ярко-красное платье, с венцом на голове. В руках у Ямы знаки его власти — булава и петля, которой он вынимает душу из умершего. Секретарь бога, Читрагупта, до-

кладывает царю о земных деяниях каждого новоприбывшего, после чего Яма определяет ему место либо в раю, либо в одном из отделений ада. Некоторым в виде на жительство сразу отказывают и отправляют их обратно на землю для перерождения.

Грешников, попадающих в ад (называемый «Нарака»), терзают по-разному: одних зарывают в раскаленный песок, других погружают в кипящее масло или в горящую нефть. Их грызут собаки и поедают черви; служители ада жгут их огнем, колют копьями, бросают под ноги бешеным слонам. Тела некоторых наполовину топят в смоле, а в головы вонзают стрелы. Многих спрессовывают, как сахарный тростник... В «Махабхарате» рассказывается, как царь Юдхиштхира и мудрец Нарада посетили Нараку:

«Путь их был неблагим и тяжким, служил он обиталищем деяниям греховным. Окутанный тьмой, ужасный, весь в пятнах зелени от тины — человеческих волос, он был уготован грешникам, зловонный от [гниющей] плоти, крови, жира. Вокруг кишели мухи, жалящие гады, рои слепней и ос; усеян был повсюду трупами тот путь, покрыт костями и прядями волос, кишел червями, полон муравьев и окружен со всех сторон пылающим огнем. Железноклювые стервятники и стаи воронья носились там, кружили преты с клыками-иглами, подобные вершинам Виндхья. Измазанные кровью, жиром, со вспоротым нутром и с отсеченными руками и ногами [трупы] лежали там и тут. Царь Юдхиштхира, верный дхарме, шел смердящим трупами [путем], вздымавшим волосы от ужаса, погруженный в глубокие думы. Там увидел он реку неодолимую, полную кипящей воды, и лес, [на деревьях] которого вместо листьев были разящие ножи и мечи, а рядом — раскаленные пески и железные глыбы, железные котлы с кипящим маслом... Вот каковы были страдания, [что уготованы] грешникам».

Грехи, за которые Яма карает своих подданных, многообразны. Помимо обычных и всем понятных грехов вроде убийства, прелюбодеяния или религиозного небрежения, есть и специфические провинности. Согласно «Гаруда-Пуране», в индуистском аду наказываются те, «кто не слушает хорошего совета», «кто глуп», «кто считает себя просвещенным»,

а также те, кто имел неосторожность поздороваться с брахманом, имеющим детей от женщины из низшей касты шудр.

Для праведников в царстве Ямы предназначен богатый дворец, где они предаются разнообразным наслаждениям. Но дворец этот, несмотря на всю свою пышность, расположен, в отличие от воинского рая Индры, под землей. Впрочем, у праведных подданных Ямы есть развлечение, которое с лихвой искупает для них дефицит света и воздуха, хотя и является, с точки зрения современного человека, противозаконным и аморальным: жители Питрилоки в огромных количествах употребляют наркотическую сому. Как известно, из сомы состоит луна. Время от времени подданные Ямы так увлекаются священным напитком, что от луны мало что остается и она становится ушербной, пока солнце не наполнит ее снова.

Войны в загробном мире — явление редкое, но царству Ямы однажды довелось пережить серьезное вооруженное вторжение, которое едва не привело к полному его разгрому. Случилось это в глубокой древности, когда могучий демон Равана получил в дар от Брахмы редкостное свойство: он стал неуязвимым для богов и демонов. Почувствовав свою безнаказанность, Равана начал завоевывать миры индуистской вселенной. Во главе войска демонов-ракшасов он вторгся во владения Ямы и освободил мучившихся там грешников. Тогда Яма взялся за оружие сам и обратил воинов Раваны в бегство. Для того чтобы предотвратить единоборство Ямы и Раваны, в царство мертвых пришлось спуститься самому Брахме. Он обратился к правителю подземного мира с просьбой не поражать захватчика и не нарушать тем самым постановления о его неуязвимости. Яма согласился на мировую при условии, что ему вернут его подданных. Брахма не возражал, и Раване пришлось уступить — он покинул царство мертвых, считая себя победителем, но грешники были возвращены к местам их мучений...

Несмотря на то что суд Ямы беспристрастен и сам Яма нередко отождествляется с богом справедливости Дхармой, судит он не только по делам самого покойного, но и учитывает его родственные связи. Посмертная судьба подданных Ямы может оказаться печальной, если у них в роду есть, например, лжесвидетели. В «Махабхарате» говорится: «...свидетель, ко-

торый на заданный вопрос ответит иначе, зная, как было на самом деле, погубит своих предков, а также семь поколений (очевидно, будущих. — *О. И.*) в роду».

Безрадостной бывает и участь покойных, чей род по мужской линии прервался. В той же «Махабхарате» описывается некто Джараткара, праведник, предававшийся «суровым аскетическим подвигам». Подвиги эти были столь суровы, что Джараткара, научившийся полностью усмирять плоть, не имел потомства и засчитывал это себе в заслугу. Но однажды, странствуя по свету, аскет «увидел своих праотцев, висящих в глубокой яме ногами вверх, а головами вниз». Мучения старцев усугублялись крысой, «тайно живущей в той же яме». Выяснилось, что в яме (видимо, это был один из участков ада) истязаются предки героя, которые были столь же «суровы в обетах», как и сам аскет, по каковой причине они имели на всех лишь одного потомка, самого Джараткару. И теперь, если он не родит хотя бы одного сына, род их угаснет и посмертная судьба праотцев не сможет измениться к лучшему. Видя мучения старцев, Джараткара немедленно устыдился, снял с себя принятые обеты и воскликнул: «...я приложу старания к тому, чтобы жениться, о праотцы!.. И тогда родится потомство ради вашего спасения. Достигнув вечного местопребывания, радуйтесь, о мои отцы!».

Джараткара сдержал слово, родил сына и «отправился на небо вместе со своими предками». Но поскольку в Индии всегда существовало множество аскетов, можно опасаться, что не одни лишь предки Джараткары, но и миллионы других жителей Питрилоки безвинно терпят мучения, расплачиваясь за воздержание своих потомков.

Еще одна аналогичная история, описанная в «Махабхарате», рассказывает о том, как уже не праотцы, а сам аскет не мог достигнуть рая, поскольку не имел детей. Некто «славный Мандапала, суровый в обетах и сведущий в ведах отшельник», находил радость в законе и изучении вед и «пошел по пути мудрецов, удерживавших свое семя». Достигнув предела подвижничества и оставив свое тело, Мандапала, полный надежд на лучшее, отправился в страну предков, но с удивлением обнаружил, что райские миры закрыты для него. Боги объяснили незадачливому аскету: «Эти миры закрыты для те-

бя из-за отсутствия потомства. Произведи его, и тогда ты будешь наслаждаться нетленными мирами».

Мандапала готов был исполнить волю богов, но его положение осложнилось тем, что он успел лишиться тела. Конечно, для индуса не составляло особых проблем родиться вновь, но аскетические подвиги утомили подвижника, он жаждал рая, и ему вовсе не улыбалось становиться младенцем и начинать все сначала. «Где же можно в короткое время приобрести многочисленное потомство?» — размышлял Мандапала. В конце концов он решил, что «только птицы рождаются быстро». После чего аскет обернулся трясогузкой, сочетался с самкой и «произвел от нее четырех сыновей, которые были сведущи в ведах».

Требование, чтобы жители Питрилоки не были бездетными, — это не просто прихоть Ямы и не бюрократическая придирка. Отбытие индуса в иной мир — сложная процедура, которую по традиции должны организовать его родственники. Причем душа покойного не сразу достигает мира предков, и ее нужно достаточно долго ежедневно кормить, поить и обустроить. Система обрядов, жертвоприношений и подарков жрецам тщательно разработана. Души ранее почивших предков тоже имеют в этом свою долю. А когда душа готова к переходу в царство мертвых на постоянное жительство (иногда это случается даже через год после смерти), проводится еще один сложный обряд, «сапиндикарана». Человек, не имеющий детей, не может быть уверен, что дальнейшие родственники или посторонние люди обеспечат для него весь необходимый ритуал. Поэтому некоторые особо мнительные индийцы проводят собственные похоронные обряды еще при жизни, заменяя труп его изображением. Это надежное средство попасть в рай, причем досрочно: считается, что люди, чьи похороны уже завершились, умирают очень скоро.

Впрочем, бывает и обратная ситуация: заботливые родственники совершают похоронный обряд, провожая в царство Ямы человека, пропавшего без вести, а он через некоторое время возвращается домой. Это вызывает немалые затруднения, поскольку не только с юридической, но и с религиозной, и с социальной точки зрения человек этот становится подданным Ямы, а двойное гражданство в данном

случае категорически запрещено. Требуется сложная система обрядов, воссоздающих весь жизненный цикл от зачатия и рождения до свадьбы, чтобы «покойный» мог снова стать полноправным членом мира живых.

Какова бы ни была посмертная судьба человека, рано или поздно она, как правило, подвергается пересмотру, и душа отправляется на новый круг перерождений. Приговоры, выносимые Ямой, могут предполагать длительный, но не «пожизненный» срок. И в раю, и в аду душа пребывает лишь столько, сколько она заслужила в своем последнем воплощении, после чего ей снова предстоит искать себе новое тело в соответствии со своими заслугами. В «Яджурведе» сказано: «О душа, сверкающая подобно солнцу, после кремации, смешавшись с огнем и землей для нового рождения и найдя прибежище в материнском чреве, ты рождаешься вновь. О душа, достигая чрева вновь и вновь, ты безмятежно покоишься в материнском теле как ребенок, спящий на руках у матери».

«Бхагавад-гита» говорит: «Как человек, снимая старые одежды, надевает новые, так и душа входит в новые материальные тела, оставляя старые и бесполезные».

Варианты новых тел и судеб предлагаются самые разнообразные. «Гаруда-Пурана» сообщает, что на свете существует 8 400 000 форм жизни и души могут вновь стать «деревьями, кустами, растениями, пресмыкающимися, скалами или травами... насекомыми, птицами, животными и рыбами». Выбор предлагается огромный, но душа не вполне свободна в этом выборе. Существуют грехи прежней жизни, которые однозначно определяют канву жизни будущей. Так, согласно «Гаруда-Пуране», убийца коровы станет горбуном, «кто обхаживает жену учителя, тот будет страдать от заболеваний кожи», «тот, кто ест сладости, не предлагая их другим, рождается с зобом», а «кто ворует пищу — станет крысой».

Лишь самые закоренелые грешники, помещенные в нижние, наиболее жестокие уровни ада, обречены страдать до конца «дня Брахмы» (период существования мира длительностью 4320 миллионов лет), после чего будут полностью уничтожены. Что же касается праведников, то им предстоит в результате многочисленных перерождений, становясь раз

от раза все праведнее и праведнее, достигнуть совершенства и вырваться из колеса сансары. Разные направления индуизма предлагают разное завершение этого процесса. Последователи школ двайты держатся за свою индивидуальность и сохраняют ее, даже достигнув полного освобождения. Они отправляются на одну из планет «духовного мира» — аналог рая, — чтобы там предаваться вечным наслаждениям (разумеется, духовным). Тот, кто исповедует адвайта-веданту, в конце концов утрачивает свою личность, и его душа, атман, полностью сливается с мировой душой, Брахманом. Сравнивая эти две школы, индусы говорят, что последователи двайты хотят «отведать сладость сахара», тогда как последователи адвайты хотят сами «превратиться в сахар».

Но каков бы ни был счастливый конец круговерти каждой души в колесе сансары, какое бы блаженство ни ждало ее в конце этого пути, достигнуть его можно только соблюдением главных правил, сформулированных в «Махабхарате»: «подвижничеством, щедростью, спокойствием, смирением, скромностью, простотой и состраданием ко всем существам».

Буддисты в колесе сансары

Если у индуистов весь мир является в какой-то мере загробным, потому что после смерти человек может не только отправиться в ад или в рай, но и возродиться среди живых, то у буддистов эта мысль доведена до полного логического завершения. Существуют шесть достаточно равноправных миров сансары, в любом из которых может возродиться к новой жизни душа, не достигшая просветления. Это мир богов, мир ревнивых богов, мир людей, мир животных, адский мир и мир голодных духов.

На поверхности земли расположены мир людей и мир животных. Географически они совпадают, однако относятся к разным типам. Рождение в теле животного относится к одному из трех неблагоприятных видов воплощений: путь от животного состояния до просветления крайне долог. Правда, известны примеры, когда этот путь преодолевался легко и быстро. В одной из книг южноиндийского буддистского канона рассказывается о трех соседях — куропатке, обезьяне и слоне, — которые после долгих ссор и раздоров решили покончить с беззаконием и избрали куропатку для духовного руководства, после чего «куропатка наставила их и научи-

ла жить по нравственному завету, которому следовала и сама. И все трое в последующей жизни строго придерживались пяти заповедей... и были вежливы. И оттого что поступали так, с окончанием земного срока все трое возродились на небесах.

Но этот случай нельзя считать типичным, поскольку куропаткой был не кто иной, как Будда Шакьямуни в одном из своих ранних воплощений, и под столь высоким руководством обезьяна и слон могли легко достигнуть успехов на пути просветления. Самому Будде случалось рождаться в весьма различных телах, в том числе и обезьяны, и лебедя; эти истории подробно описаны в так называемых джатаках — поучительных рассказах о перевоплощениях великого Пробужденного. Но обычным смертным рождение в теле животного не рекомендуется. Впрочем, некоторые буддистские авторитеты, вопреки каноническим текстам, считают, что такое рождение само по себе случается крайне редко. Даже закоренелый грешник получит в новом рождении хоть и неудачное, но человеческое тело, хоть и горькую, но человеческую судьбу. И только многократно повторенные из судьбы в судьбу грехи, приведшие в конце концов к полному вытравливанию всего человеческого, могут дать «качественный скачок», в результате которого грешник возродится в мире животных... Впрочем, эта точка зрения не является канонической.

Рождение в мире людей, напротив, считается самым благоприятным (насколько новое рождение вообще может быть благоприятным) — достигнуть полного просветления можно, только будучи человеком. Как ни странно, боги в этом смысле находятся в худшем положении, чем люди. Стать и быть богом буддисту достаточно нетрудно, но стремиться к этому не слишком резонно. Боги, как и все остальные существа, подчиняются законам кармы, и для того, чтобы достигнуть состояния Будды, бог должен сначала умереть и затем вновь родиться человеком. Поскольку боги живут очень долго, то их просветление становится делом очень далекого будущего, поэтому возрождения в мире богов надо старательно избегать. Смерть богов происходит достаточно неприглядным образом. Согласно буддистскому философу пятого века Васубандху, сначала у бога ослабевает сияние тела, потом взгляд делается мутным и начинается произвольное моргание; разум бога

Колесо сансары

утрачивает живость, одежды его загрязняются, а цветочные гирлянды увядают; из божественных подмышек течет пот, от тела исходит неприятный запах, после чего наступает смерть.

Тем не менее судьба богов, пока они живы и молоды, сама по себе достаточно привлекательна, и рождение в мире богов считается одним из трех благоприятных видов. Боги обитают в так называемой Девалоке, которая расположена на вершине мировой горы Меру и в небе над ней. Девалока состоит из двадцати шести ярусов, имеющих свою иерархию, верхние из них носят общее название Брахмалока.

Еще один из миров, рождение в котором считается благоприятным, — мир асуров, или, как его еще называют, «мир ревнивых богов». Ревнивые боги живут, как и боги неревнивые, на склонах горы Меру, только в нижних ярусах, а также в пещерах. Они ведут со своими верхними соседями непримиримую борьбу; «яблоками раздора», за которые сражаются боги, стали плоды замечательного дерева Читтапатали. Дерево это отличается исключительной высотой, растет оно во владениях ревнивых богов, но ветви его достигают Девалоки, и фрукты достаются богам обычным, что вызывает страстную зависть асуров и отвлекает их от забот о достижении природы Будды.

Неблагоприятные миры, кроме мира животных, залегают под землей. Ближе к поверхности расположен мир претов, или голодных духов; сюда попадают те, кто в прежней жизни был слишком жаден, прожорлив или жесток. Иногда преты выходят на землю (они любят копаться в помойках) и пугают людей жалобными криками и холодными прикосновениями. У некоторых буддистов, например у китайцев, принято подкармливать претов, для них прямо на земле оставляют жертвенную пищу, и даже учрежден специальный день, когда их кормят особенно сытно. Но все усилия китайцев пропадают втуне: преты голодны не от того, что им не хватает пищи, а вследствие своеобразного строения тела: у них большие животы, а рты имеют размер игольного ушка, пищевод тоже крайне узок.

Еще один неблагоприятный мир сансары — мир адов, или Нарака. Буддисты, попадающие в Нараку, судя по всему, не претерпевают столь явного изменения своей сущности, как те, что возрождаются в мирах людей, богов, животных или претов. В аду главное — не то, кем ты станешь, а то, что с тобой там сле-

лают. Адов у буддистов множество, они крайне разнообразны и по своему географическому положению, и по видам терзаний. Главными адами считают восемь «жарких» адов и столько же «холодных». Жаркие традиционно были расположены под континентом Джамбудвипой, на котором находилась Индия. Впрочем, так было в те времена, когда буддистская вселенная состояла из четырех континентов, отделенных концентрическими горными хребтами и озерами от стоящей в центре горы Меру. К сегодняшнему дню наземная география поменялась, что, по-видимому, не могло не сказаться на географии подземной. Кроме того, относительное количество буддистов в самой Индии сильно сократилось, сегодня их здесь не больше десяти миллионов. Центр тяжести буддистского мира давно уже переместился в Китай, где буддистов более трехсот миллионов, если учесть приверженцев комплекса «трех учений»: конфуцианства, буддизма и даосизма. Существуют сведения, что у китайцев есть свой совмещенный ад для представителей трех учений сразу. Следом идет Япония, в которой проживает семьдесят два миллиона последователей Будды (опять-таки, с учетом тех, кто исповедует одновременно несколько религий). «Чистых» буддистов больше всего в Таиланде, Бирме и Вьетнаме — около ста семидесяти миллионов. Не исключено, что для облегчения доступа жаркие ады тоже были перенесены в Юго-Восточную Азию. Но так или иначе, эти регионы Наракки традиционно расположены под землей, на разных уровнях, причем чем глубже уровень, тем сильнее мучения.

Холодных адов тоже восемь, они расположены на окраинах обитаемого мира. Кроме того, поблизости от главных адов существует некоторое количество так называемых «соседствующих», или дополнительных. Например, вблизи от жарких адов протекает служащая той же цели река Вайтарани, уже знакомая нам по преисподней индуистов. Есть основания думать, что буддистские ады расположены выше индуистских, так как Вайтарани, протекающая через их территорию, состоит из кипятка и пепла. К тому времени, когда ее воды доходят до индуистского ада, река заполняется кровью и костями. Обратное расположение адов маловероятно, так как естественное очищение рек осуществляется, как правило, посредством водорослей, которые в подземных реках не встречаются.

Кроме жарких, холодных и соседствующих, имеются еще и «случайные» ады, которые могут располагаться в любых подходящих для этого местах — в горах, пустынях и пр. Наказание в них может заключаться не только в страдании, но и в чередовании страдания и удовольствия. Интересно, что главные — горячие и холодные — ады созданы совокупной кармой всех живых существ и предназначены для общего пользования. В отличие от них соседствующие и случайные ады часто являются персональными и созданы кармой одного человека или небольшой группы людей.

Некоторые области буддистского ада находятся под управлением древнего бога Эрлика. Он издавна был владыкой загробного мира, в который отправлялись после смерти представители монгольских народов и саяно-алтайских тюрок. Эрлик распоряжается душами по праву — алтайцы считают, что именно он, вопреки воле демиурга Ульгения, в свое время наделил людей бессмертной душой. А новорожденные тувинцы и поныне получают свои души непосредственно от Эрлика. Но этим добрые дела Эрлика в основном и исчерпываются — в своем царстве древний бог обращается с умершими весьма сурово, он заставляет их служить себе, а некоторых отправляет на землю творить зло. Эрлик питается кровью, его черный дворец, построенный из грязи (по другой версии — из железа), стоит на берегу реки, текущей человеческими слезами.

Эрлик — существо весьма древнее, но монгольские буддисты утверждают, что во вполне исторические времена он жил на земле в обличии монаха и лишь после смерти отправился в загробный мир. Впрочем, эта версия не слишком противоречива, поскольку, будучи буддистом, Эрлик вполне мог переродиться и из бога стать человеком, а затем опять богом. В бытность свою монахом Эрлик достиг святости и приобрел сверхъестественные способности, что не помешало ему окончить жизнь на плахе в результате ложного доноса. Но могущество, достигнутое праведной жизнью, выручило монаха: потеряв человеческую голову, он приставил на ее место бычью и стал судьей монгольско-бурятского отделения загробного мира буддистов, приобретя почетный титул «Чойджал» — «царь закона». Эрлик-Чойджал имеет синее тело, носит ожерелье из черепов и окружен языками пламени. Для

ловли душ он пользуется арканом, который не выпускает из рук, а для судопроизводства — книгой судеб, весами и зеркалом, в котором отражаются прегрешения обвиняемых. Бычья голова не мешает царю управлять девятью подземными присутственными местами и девятью (по некоторым данным — восьмьюдесятью восемью) темницами. Впрочем, несмотря на то, что голова эта бычья, у нее открыт третий глаз.

Хотя места для терзания грешников-буддистов традиционно называют адами, это слово не вполне точно передает их специфику. Точнее было бы назвать их чистилищами, поскольку срок пребывания там ограничен совершенными в последнем воплощении грехами. Точно так же определяется кармой и срок пребывания среди людей, животных, богов, асуров или голодных духов. Искупив плоды своих прежних деяний, душа (этот термин условен) возрождается в любом другом мире и имеет все шансы рано или поздно достигнуть нирваны через воплощение в человеческом теле. К сожалению, для этого, как правило, требуется очень много времени. Обитатели адов, преты и животные не способны к духовной практике (кроме редких случаев, описанных в джатаках). Боги, даже «ревнивые», к ней способны, но достаточно приятная жизнь, которую они ведут в своих божественных мирах, отвлекает их от медитаций и размышлений о восьмеричном пути Будды. Лишь обитатели Брахмалоки уделяют должное внимание постижению «четырёх благородных истин» и прочим премудростям восьмеричного пути.

Такова вкратце структура буддистской вселенной, которую с равным успехом можно назвать обителью живых и обителью умерших. Душа скитается по шести мирам, и ни один из них, собственно, не является более «загробным», чем остальные. Ни один, кроме Бардо — промежуточного состояния, в которое душа попадает сразу после смерти и которое, единственное, можно назвать действительно «загробным». Но именно это состояние буддисты (по крайней мере, образованные буддисты) объявили существующим лишь умозрительно. Конечно, с точки зрения последовательного буддиста, весь мир — это иллюзия, или майя, но загробный мир

Бардо — майя «вдвойне». Ведь все ужасы буддистского Бардо лишь происходят в сознании умирающего и умершего, становясь «иллюзией иллюзии». А сторонники одной из основных ветвей буддизма, Тхеравады, и вовсе сомневаются в существовании Бардо. Впрочем, многие тхеравадины сомневаются и в существовании самой человеческой личности, которая могла бы в это Бардо попасть. Ведь человек — это не более чем соединение пяти групп дхарм (компонентов): дхарм тела, дхарм ощущений, дхарм восприятий, дхарм ментальных образований и, наконец, дхарм сознания. Элементы эти непрерывно уничтожаются и заменяются новыми, а значит, никакой постоянной души нет и быть не может. Это дало известному буддологу Е. А. Торчинову основание заявить: «Вопреки распространенному заблуждению, в буддизме вообще нет учения о перевоплощениях, или реинкарнациях. Человек в буддизме не есть воплощенная душа, как в индуизме. Он — поток состояний — дхарм, серия кадров — мгновений... Поэтому профессиональные буддологи стараются избегать таких слов, как “перерождение” или тем более “перевоплощение”, и предпочитают говорить о циклическом существовании или чередовании рождений и смертей».

Но что бы там ни говорили профессиональные буддологи и теологи, а буддист попроще все-таки надеется после смерти переродиться в каком-нибудь более или менее приличном мире и в надлежащем теле. Тем более, что места для такого перерождения во вселенной достаточно. Мир живых (назовем его так, хотя эти «живые» уже успели неоднократно умереть), несмотря на всю его иллюзорность, у буддистов огромен и бесконечен во времени и пространстве. Вселенная существует в течение махакальпы — космического цикла, который длится тысячи миллиардов лет. Количество обитаемых вселенных неисчерпаемо, они объединяются в системы (сахалоки), которых больше, чем песчинок в Ганге. Правда, каждая из этих вселенных не очень велика (для вселенной) и представляет собой плоский диск, лежащий на воде. Но зато центральный океан каждого из таких дисков имеет глубину восемьдесят тысяч миль, а гора Меру возвышается над ним на такую же высоту.

В отличие от «мира живых», промежуточный мир умерших, Бардо, весь уместается в сознании каждого человека и не мо-

жет быть описан в терминах евклидовой геометрии, поэтому о географии его можно говорить лишь с некоторой натяжкой. Гораздо увереннее можно судить о населении Бардо — многочисленных бодхисаттвах и демонах — они подробно описаны в «Бардо Тхёдол», известной цивилизации Запада под не слишком удачным названием «тибетской “Книги мертвых”». Книга эта создана в рамках ламаизма — течения, соединившего черты крупнейших ветвей буддизма, Махаяны и Ваджраяны. Как и ее египетский аналог, тибетская «Книга мертвых» является руководством для умершего и подробно расписывает все те трудности, с которыми он столкнется на своем пути по Бардо. Но, в отличие от древних египтян, покойные буддисты не берут свою «Книгу мертвых» в загробный мир — эту книгу лама читает над телом.

Путь человека по Бардо длится обычно до сорока девяти дней. В течение этого срока покойному предстоит преодолеть немало испытаний: его будет бить в спину «лютый ветер кармы», злобные демоны, «вооруженные различным оружием», будут пугать его «ужасающим шумом и криками». Гонимый снегом, дождем, ураганами, хищниками, ревом огня и грохотом обрушивающихся гор, покойный «побежит от них, куда глаза глядят, не разбирая дороги». На пути его подстерегают три глубочайшие пропасти: белая, черная и красная, — «они будут глубоки... и возникнет чувство, что вот-вот упадешь в них». На самом деле — «это не пропасти. Это Гнев, Похоть и Глупость». Но в столь экстремальных условиях не всякий может постигнуть разницу между пропастью психологической и топографической. Тем более, что покойный будет испытывать естественную для своего положения растерянность: «Увы! Я мертв! Что же мне делать?» Ответ на этот исконный вопрос и должна предложить умершему тибетская «Книга мертвых».

Когда читаешь эту книгу, находясь в безопасном уголке мира людей, то в общем и целом понятно, что же делать. Тем более, что на помощь умершему, согласно той же книге, приходят великие бодхисаттвы — существа, достигшие просветления, но оставшиеся в мире сансары, дабы просветлить всех остальных. Бодхисаттвы являются покойному в самом величественном виде и прельщают его исходящим от них светом

и разнообразными видами мудрости. А лама, читающий над телом текст «Бардо Тхёдол», рекомендует своему подопечному довериться бодхисаттвам и однозначно объясняет всю пагубность соблазна, который исходит от шести сансарических миров. Тем не менее, несмотря на столь четкое руководство и на все величие бодхисаттв, большинство умерших не могут принять правильное решение. Они пугаются как бодхисаттв, так и многочисленных демонов и достаточно быстро оказываются либо в мире животных, либо в мире богов, а то и в мире голодных духов. В лучшем случае они выбирают себе более или менее подходящих родителей в мире живых (для этого в «Книге мертвых» тоже есть подходящие инструкции) и начинают все сначала.

Впрочем, это тоже не так уж и плохо, поскольку рано или поздно все живые существа достигнут просветления. Ведь именно затем и возвращаются в мир людей бодхисаттвы, поклявшиеся не уходить в нирвану, пока не спасутся абсолютно все. Правда, хотя бодхисаттвы и готовы помогать абсолютно всем живым существам, независимо от их вероисповедания, но те, кто относят себя к Тхераваде, помощь бодхисаттв отвергают и предпочитают спасаться сами. Поэтому тхеравадинам предстоит многие тысячи смертей и перерождений: раз от раза улучшая свою карму, они наконец становятся в очередной жизни монахами и только из этого статуса могут достичь нирваны.

Приверженцам Махаяны приходится в колесе сансары гораздо легче, чем тхеравадинам: бодхисаттвы не только помогают им в Бардо, но и предлагают самые разнообразные варианты обустройства загробного мира. Существует предание, что бодхисаттва Кшитигарбха пообещал заполнить своим телом все пространство ада, с тем чтобы там не осталось места для грешников. А будда Амида (он же Амитабха, или Авалокитешвара) учел пожелания тех буддистов, которые не хотят крутиться в колесе сансары, но в то же время не слишком торопятся поменять его на бесстрастное и бестелесное пребывание в не слишком понятной нирване. Для них Амида создал специальный рай под названием «Счастливая страна» (Сукхавати), «Чистая земля», или «Поле Будды». Раньше этот рай носил название Потала и был, по некоторым дан-

ным, расположен на вершине горы, стоящей на берегу Индийского океана, или же на острове в Восточно-Китайском море. Но сегодня Счастливая страна находится неизмеримо далеко от нашего мира. Те, кто попадают туда, возрождаются в виде людей или богов, для них выстроены дворцы из драгоценных металлов и камней. Все остальные виды живых существ в Чистой земле отсутствуют. Живут обитатели Сукхавати «неизмеримо долго» и всю свою жизнь наслаждаются беспредельным счастьем. После смерти им уже не грозит повторное перерождение, и они сразу попадают в нирвану, но случается это очень нескоро.

Попасть в рай Амиабхи несложно. Есть версия, что для этого достаточно вести более или менее безгрешную жизнь, а главное — регулярно повторять мантру «Слава будде Амиде». С помощью этих нехитрых правил можно попасть в рай уже после ближайшей смерти.

Впрочем, загробный мир буддистов, несмотря на все старания Амиабхи, не так прост. Легендарный основоположник Махаяны Нагарджуна писал:

Нет разницы вообще
 Между нирваной и сансарой.
 Нет разницы вообще
 Между сансарой и нирваной.
 Что является пределом нирваны,
 Есть также и предел сансары.
 Между этими двумя мы не можем найти
 Даже слабейшей тени различия.

Представители школы Чань (или Дзен) тоже не торопятся внести ясность в ситуацию. Когда знаменитого Чжаочжоу спросили, какова будет судьба души после того, как тело сгниет в могиле, он ответил: «Сегодня опять ветрено». Не подумайте только, что великий учитель Дзена хотел уйти от ответа на вопрос. Он дал исчерпывающий ответ вполне в духе своего учения. А от того, как его поймут ученики, зависит их дальнейшая судьба, в том числе посмертная.

Под властью Нефритового Императора (Китай)

Приток китайских переселенцев в загробный мир во все времена был весьма велик. Уже двадцать пять тысяч лет назад туда направлялись усопшие, ритуально посыпанные охрой. Как там устраивались их души, мы не знаем, но археологи находят останки тел, увешанные ракушками и обработанными камнями. На рубеже эр ежегодный прирост населения в китайский потусторонний мир составлял примерно треть от общеазиатского. В восемнадцатом веке эта цифра увеличилась до половины. А если к тому же учесть, что в древности у каждого китайца, кроме детей, было по несколько душ (в некоторых регионах до десяти, а у даосов даже до двенадцати), то, казалось бы, китайскому загробному миру грозит перенаселение. Однако этого, судя по всему, не случилось. Ведь, как известно любому китайцу, далеко не всякая душа обладает бессмертием.

Уже во втором тысячелетии до нашей эры, в эпоху Шан-Инь, и тем более в сменившей ее на рубеже первого тысячелетия эпохе Чжоу выяснилось, что у большинства китайцев как минимум две души: материальная, «по», и духовная, «хунь». Позднее многие считали, что душ типа «по» может быть до се-

ми, а типа «хунь» — до трех; были и другие варианты. Но так или иначе, души «по», сколько бы их ни было, вместе со смертью человека превращались в дух, называемый «гуй», и уходили в землю вместе с телом. Именно ему предназначались пища и все те предметы, которые родственники укладывали в могилу. Но душа эта, хотя и принадлежала покойному, относилась более к его телу, нежели к личности. Она обитала в могиле, пока тело хоть в какой-то мере сохранялось, и, если ей в положенные сроки продолжали приносить жертвы, «гуй» не вмешивался в дела живых.

Китайский писатель восемнадцатого века Юань Мэй в рассказе «Ученый из Наньчина» дает яркую иллюстрацию различия между душами «хунь» и «по». Он описывает, как к молодому ученому пришел его умерший друг и попросил выполнить ряд его последних поручений. Юноша охотно взялся исполнить просьбы покойного, а когда тот поблагодарил и собрался уйти, молодой человек предложил ему задержаться и немного поболтать. Друзья мирно беседовали, но постепенно внешность усопшего начала меняться, он стал агрессивен и в конце концов напал на своего бывшего друга. Люди, узнавшие об этой истории, объяснили ее очень просто:

«"Хунь" в человеке добрая, а "по" — злая; "хунь" — мудрая, а "по" — глупая. Когда он только пришел, духовное начало в нем еще не погибло, но вскоре "по" начала вытеснять "хунь". Когда он исчерпал свои сокровенные заботы, "хунь" испарилась, а "по" — сгустилась. Пока в нем сохранялась "хунь", он был тем самым человеком, что прежде; с уходом же "хунь" уже не был тем человеком. Трупы, что свободно двигаются, ходят, а также бродячие тени — все это создания "по"».

Но к счастью, «по» редко является к живым. Она живет в могиле, а через некоторое время отправляется к некоему «Желтому источнику», или «Девяти истокам», там пребывает, влача призрачное существование, и, по некоторым данным, в конце концов полностью растворяется в пневме — универсальной энергии Вселенной...

Про сам источник в «Истории династии Хань» написано, что он «под землей, мрачен в глубине» и что «уж если умер, некого вместо себя туда послать». Но острой необходимости кого-то

посылать к Желтому источнику вместо себя, видимо, никогда и не возникало, потому что собственно личность человека издревле сосредотачивалась в другой его душе (или душах) — «хунь», которая возносилась к небу и превращалась в дух — «шэнь». Именно душа «шэнь», попадая на небо и сохраняя память и привязанность к оставшимся на земле родственникам, становилась посредником между людьми и сверхъестественными силами. Но в древности «шэнь» имели не все. Простолюдину она не полагалась вообще, а если она у него каким-то образом и оказывалась, то очень быстро исчезала. Люди познатнее, в зависимости от ранга, могли иметь более долгосрочную «шэнь», но и она была не вечна. И только император имел бессмертную «шэнь», которая, попав на небо, могла оказывать бессрочную помощь оставшимся в живых.

Во главе небожителей издревле стоял могущественный бог-первопредок Шанди. Ему повиновались многочисленные духи, ведавшие громами и дождями, воинскими победами и разрешением женщин от бремени. Его власть над миром была безграничной. Но при этом Шанди в компании покойных императоров был если не «первым среди равных», то, во всяком случае, первым среди близких родственников. И вся чередка пребывавших на небе властителей переадресовывала ему просьбы своих земных потомков. Поэтому о «шэнь» покойных императоров следовало заботиться ради благополучия всех живущих. А поскольку жертвоприношения духам предков могли совершать только их прямые потомки мужского пола, то и роль ныне здравствующего императора трудно было переоценить: ведь он был единственным, чьи молитвы и приношения помогали удерживать мир в равновесии.

Постепенно Шанди стал устраниваться от своих обязанностей, но роль императора от этого не умалилась: теперь он обращался напрямую к Небу, сыном которого являлся, и к духам своих непосредственных предков.

Для того чтобы покойный император пребывал на небесах в полном здравии и довольстве, хоронили его обычно очень пышно. В могилу укладывали утварь, оружие, запряженные лошадьми боевые колесницы, тела животных... Сопровождала властителя и приличествующая ему свита. В основном это были военнопленные, но иногда в свиту попадали и прибли-

женные. Так, вместе с владыкой царства Цинь в 621 году до н.э. отправились на небо еще 177 человек, в том числе три знатных сановника. Человеческие жертвоприношения на похоронах случались до конца эпохи Чжоу (III век до н.э.).

Потом обычай отправлять на небо вместе с покойным императором его свиту вышел из моды. Возможно, китайцы сообразили, что «шэнь» императора вечна, а духи его сановников, и тем более безродных пленников, очень скоро растворятся, оставив властителя в полном одиночестве. Эту проблему по-своему решил правивший в третьем веке до нашей эры император Цинь Ши-хуанди: он приказал создать для своего загробного сопровождения глиняную армию. Точное количество воинов ее неизвестно, на настоящий момент археологи раскопали около восьми тысяч «солдат», изваянных из глины в полный рост, причем черты каждого лица — индивидуальны. В пятьдесят бронзовых колесниц впряжены глиняные лошади. Сегодня реставраторы восстанавливают поврежденные фигуры, и настанет день, когда пребывающий на небе император сможет вновь принимать парады. Но к сожалению, его армия частично утратила боеспособность. Спустя всего четыре года после вознесения Цинь Ши-хуанди на небо в стране вспыхнуло восстание. Бунтовщики вскрыли захоронение и изъяли у «небесной стражи» часть ее оружия. Оно, кстати, оказалось достаточно «земным» и действенным: вскоре в стране воцарилась новая династия, Хань.

В эпоху Чжоу, которая началась в конце второго тысячелетия до нашей эры и длилась около восьми веков, в царстве мертвых прошли заметные демократические преобразования: постепенно души «шэнь» появились практически у всех китайцев, даже у самых безродных. Конечно, они были, в отличие от «шэнь» императора, не бессмертны, но наделялись достаточно долгим существованием, а иногда и получали право на перерождение в новом теле. В конце концов сперва у жителей Южного Китая, а потом и по всей стране стала преобладать система трех душ: одна из них оставалась в могиле с костями покойного, вторая пребывала в табличке со своим именем на семейном алтаре (имя после смерти давали новое), а третья отправлялась в один из загробных миров. Только у детей до

года души не было, поэтому никакими церемониями и жертвами их похороны не обставлялись. Что же касается детей, не достигших подросткового возраста, то их единственная душа еще не успевала разделиться на три и в случае смерти ребенка становилась блуждающим духом.

К эпохе Чжоу относится и еще одно событие загробного мира, которое известный синолог Л. С. Васильев называет «переворотом». Переворот был связан с именем такого, казалось бы, не склонного к новшествам человека, как Конфуций. Тем не менее этот ревнитель старины оказался подлинным революционером, полностью поменявшим систему приоритетов загробного царства. Если раньше основной задачей мертвых было оказывать помощь живым, то теперь, наоборот, главной целью живых стало заботиться о мертвых. Раньше к предкам обращались в случае нужды, теперь непрерывное почитание предков стало моральной нормой и даже смыслом жизни. В определенном смысле загробное царство подчинило мир живых и обложило его очень серьезными повинностями. Вся жизнь древнего китайца (и отголоски этой традиции дошли до наших дней) была теперь посвящена заботе о предках. Пока родители живы, китаец должен был служить им, считая это целью своего существования. Например, в случае денежных проблем добрый конфуцианец без колебаний продавал в рабство жену и детей, чтобы обеспечить родителей. Но главным делом жизни, конечно, была забота об их загробном благополучии. Лучшим подарком к шестидесятилетию отца или матери считался качественный гроб. Его ставили в одной из жилых комнат и регулярно покрывали новыми слоями шпаклевки и лака.

Вообще, загробной сохранности тела придавалось большое значение. Во-первых, непосредственно при теле обитала одна из душ. Но и те души, которые обитали в табличках и на небе, могли иметь проблемы, если с телом что-то было неладно. Поэтому самыми страшными казнями в Китае считались отсечение головы и четвертование. Одна мысль о них делала потенциальных преступников добрыми конфуцианцами. А если преступление все же было совершено и приговор неизбежен, судья мог получить немалую взятку за то, чтобы заменить расчленение на пристойную казнь вроде удушения,

при которой кара постигала только тело, но не душу. Идея посмертного воздаяния за земные грехи поначалу была китайцам неизвестна (она появилась только в начале новой эры, в основном благодаря буддизму), и казненный удушением преступник отправлялся на то же самое небо, что и добропорядочные граждане. Правда, в последние века до нашей эры стали появляться первые сообщения о том, что в загробном мире тоже не все спокойно и душе угрожают многочисленные опасности. Об этом уже на рубеже четвертого — третьего веков до н.э. писал великий китайский поэт Цюй Юань в своей знаменитой поэме «Призывание души». Но опасности эти в равной мере относились и к преступным, и к добродетельным покойникам.

Традиционные похороны в Китае проходили весело. И чем глубже скорбь родных, чем больше их забота о покойном, тем больше веселья. Сами родственники погружены в глубочайший траур, но душа (или души) покойного должна получить последние радости на этой земле, поэтому вокруг гроба звучала веселая музыка, а в траурной процессии, сопровождавшей гроб на кладбище, могли оказаться и певцы, и танцоры, и комедианты на ходулях. Души вообще были охочи до зрелищ, и в театральной традиции Юго-Западного Китая позднее существовали представления, которые не требовали присутствия живых зрителей — их давали для умерших.

После смерти родителей служение им продолжалось. На кладбищах совершались жертвоприношения в рамках заботы о душе, пребывающей в могиле. Но главная забота была о душе, заключенной в табличке на семейном алтаре. Этим табличкам не только приносили жертвы — им сообщали все важные семейные новости, с ними советовались по любым вопросам. В праздник их украшали лентами, им возжигали курения. И даже невеста, впервые переступившая порог мужниного дома, прежде всего шла представиться умершим предкам, а уже потом — живым членам своей новой семьи.

Поскольку душа, как известно, смертна, то при переходе в иной мир о ее долгожительстве следовало позаботиться. На погребальной одежде было принято вышивать знаки долголетия, а сам гроб старались изготовить из древесины, которая это долголетие символизировала: сосны или кипариса.

Для того чтобы душа, пребывающая в табличке, могла в полной мере насладиться предлагаемыми ей кушаньями, она в дни жертвоприношений вселялась в кого-нибудь из здравствующих потомков, обыкновенно в своего старшего внука, если таковой был. Именно его потчевали возле алтаря. Ему же при этом оказывали все те почести, которые причитались покойному.

Души, которые были удовлетворены заботой о себе, мирно пребывали в своих могилах, табличках и на небесах. Если же душа была недовольна, она могла стать вредоносным духом, или демоном. В таких духов превращались те, кто не имел потомков мужского пола, которые одни были вправе приносить жертвы умершим. Кроме того, в демонов превращались люди, чья смерть произошла каким-нибудь не самым приличным образом: утопленники, съеденные тигром, погибшие на чужбине... Не лучшая судьба ждала и тех, кто умер, не успев вступить в законный брак. Впрочем, это было делом поправимым: в загробном мире китайцы вступали в брак ничуть не хуже, чем в мире живых. Если невеста уже была просватана, но жених умирал до свадьбы, свадьбу в назначенный срок все равно играли, и невеста переходила в дом родителей покойного, выходя замуж за его жившего в поминальной табличке духа. Если же умирала невеста, то ее табличку переносили в дом жениха. Возможна была и свадьба между двумя умершими, которых родители могли просватать и поженить уже после того, как молодые люди успевали отправиться в царство мертвых. Брачный обряд при этом совершался, хотя и по упрощенной процедуре.

Но, несмотря на все меры, предпринимавшиеся для ублажения умерших, они упорно и часто возвращались в мир живых. Причем возвращались не в облике бестелесных привидений, а в виде вполне материальных демонов, оборотней, очень часто — лисиц. Они вмешивались в земную жизнь и даже вступали в браки с живыми: женщины-оборотни рожали своим живым мужьям вполне полноценных детей. И все-таки ничем хорошим такие браки, как правило, не кончались. Люди и демоны вели непрерывную борьбу между собой. Демоны насылали стихийные бедствия и болезни, соблазняли женщин, во-

ровали детей. А люди защищались от них мечами и зеркалами, красными бобами и полынью, фейерверками и петушьей кровью. Демоны не любили, если на них плевали или мочились, и эти действия тоже хорошо помогали в непрестанной борьбе, которую китаец всю свою жизнь вел с легионами зримых и незримых духов.

С распространением даосизма борьбу с демонами возглавили даосские священники. А еще позднее прекрасным средством, предотвращающим козни демонов, стали буддистские сутры. Кроме того, возникла традиция подкармливать демонов: выяснилось, что издревле бродящие по земле неупокоенные души — это давно известные последователям Будды «голодные духи». Правда, буддисты отводили своим «голодным духам» отдельный мир, обособленный от мира живых. Но кто сказал, что они сидят там безвылазно?

«Голодный дух» — понятие видовое, голодным он и останется, сколько его ни корми. И все-таки сытый «голодный дух» становится несколько менее злокозненным, поэтому от демонов не только защищались, их еще и кормили. Конечно, не в храмах и не на алтарях, а на открытом месте, прямо на земле. Для них даже учредили специальный праздник, приходившийся на середину седьмого месяца.

Возвращались на землю и добрые духи, причем, как и злые, в немалых количествах. Как правило, это были правители, герои или просто образцовые чиновники и ученые мужи. Они становились покровителями городов и селений или ведали ремеслами. Правда, возвращались они на землю не телесно, но, с другой стороны, их души не растворялись в пневме и не уходили навеки к Желтому источнику, а оставались на небесах, навещая при этом мир людей и опекая его. Иногда их загробная судьба была извилиста и непроста. Так, живший в третьем веке полководец Гуань Юнь, умерев, сначала стал стражем монастырей, затем превратился в покровителя демонов и в конце концов дослужился до бога войны. Императоры один за другим жаловали ему разнообразные титулы; через двенадцать веков после смерти, одновременно с назначением на пост бога войны, он получил «божественное имя» Гуань-ди и почетное звание «Помощник Неба, защитник государства». А Лю Бэй, тоже выдающийся полководец, осно-

ватель царства Шу, которому Гуань Юнь верно служил при жизни, стал после смерти всего лишь богом плетенщиков, поскольку в юности зарабатывал себе на жизнь изготовлением циновок.

Но все, о чем мы до сих пор говорили, относится к взаимоотношениям людей и духов. Теперь отвлечемся от живых и посмотрим наконец, как же выглядело китайское царство мертвых.

Надо сразу сказать, что информация о нем противоречива и недостоверна. Таких основательных исследователей, как Данте или Сведенборг, в Китае не было. Не было и единой религии, которая помогла бы установить в царстве мертвых хоть какой-то порядок. Никто толком не знал, сколько у человека душ, но каждую требовалось как-то пристроить. К ранее существовавшим богам постоянно присоединялись сонмы новых, вербовавшихся из вновь умерших. Картину запутывали легионы демонов, многие из которых были так похожи на богов, что ни о какой упорядоченной структуре всего этого общества не могло быть и речи.

В шестом веке до нашей эры Конфуций попытался навести порядок в ритуале, но разъяснений в картину мироздания он не внес. А его современник Лао-цзы положил начало даосизму и тем запутал ситуацию еще больше. Правда, сам Учитель Лао к реконструкции загробного мира руку не приложил — это сделали его последователи. И в то время, как даосские ученые мужи предавались неспешным размышлениям о принципе пустоты или следовали по мудрому пути «у-вэй» (недеяния), их коллеги попроще, пренебрегая всяким «у-вэй», спешно строили гигантский загробный мир так называемого «народного даосизма». Они обожествили мириады духов, и теперь души, которым раньше должно было, в положенный срок растворившись в пневме, уйти в небытие, обретали вечность. Достаточно было кому-то увидеть покойного во сне и получить от него дельный совет, чтобы новоявленному божеству тут же создавали святилище.

Даосские каноны, собранные в «Даоцзане», сами себе противоречат по поводу того, как устроены небеса. Даосы создали и преисподнюю, с которой тоже не все было понятно.

Кроме того, они внесли путаницу в само понятие смерти и загробного мира. Знаменитый сон Чжуан Чжоу, наверное, известен всем, и все же рискнем еще раз процитировать великого даоса:

«Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что он Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжоу».

После такого революционного заявления стало вообще непонятно, которое из царств, собственно, является царством мертвых и «кто куда умирает»: живые в царство мертвых или мертвые в царство живых. По Китаю бродили смутные слухи о реинкарнации. Для тех, кто не хотел умирать и отправляться неизвестно куда, даосы разработали теорию и практику бессмертия. Теперь можно было вообще не умирать: достаточно было придерживаться строгой диеты, включающей снадобья из киновари, и заниматься дыхательными и сексуальными техниками. Практическая сторона дела была проработана, но теоретическая яснее не стала. Даосы, даже достигшие бессмертия, тем не менее либо отправлялись на небо (прямо в телесной форме), либо переезжали в земной рай, информация о местоположении которого тоже была противоречивой (впрочем, из этого рая они периодически навещали обычных сограждан). Третья же категория «бессмертных» даосов все-таки умирала, но не насовсем. Умерев, они совершали ритуал «освобождения от трупа» и отправлялись в неведомо где находившийся рай. А для тех, кто успел умереть до появления рекомендаций по бессмертию, даосы проводили в своих храмах массовые переселения душ предков на небо, чтобы они обрели если не телесное, то хотя бы духовное бессмертие.

В первом веке нашей эры в Китай пришел буддизм Махаяны. Буддисты принесли с собой более или менее четко сформулированное учение о реинкарнации, о загробном воздаянии и о загробных мирах. Но они, как и даосы, не стали создавать свое обособленное царство ни в китайском мире живых, ни в китайском мире мертвых. Ведь большинство китайцев, приняв даосизм или буддизм (а иногда и то, и другое

сразу), не отказывались при этом от традиционных народных верований, подкрепленных конфуцианством.

В рамках пришедшей религии в загробном мире Китая появились семь буддистских загробных миров и двадцать восемь небес, возникла Чистая земля будды Амитабы. Отдельные территории были зарезервированы для будды будущего, Майтрейи. Новые границы пересекали уже сложившиеся царства; умерев, человек оказывался под юрисдикцией нескольких религий сразу, и все его двенадцать даосских душ металось по семи буддистским загробным мирам, вступая в конфликты со множеством демонов и злостно нарушая принцип недеяния. Кроме того, буддисты, как ранее Чжуан Чжоу, объявили, что само понятие загробного мира не имеет смысла. После смерти человек (если только он не отправлялся в нирвану) мог попасть в несколько возможных миров, и тот мир, в котором он только что умер, был одним из них. Для души, скитающейся между нашим миром, миром голодных духов и миром ревнивых богов, все они в равной мере «загробные» и в равной мере реальные.

На самом деле для каждого человека все оказывалось, быть может, не так уж страшно. Отдельно взятый китаец все-таки придерживался каких-то местных и семейных традиций по поводу того, что ему надлежит делать после смерти и куда следует направляться. Но исследователи китайского загробного мира видят перед собой невообразимо запутанную картину, и авторы этой книги не рискнули бы отправиться туда без хорошего проводника. Путеводителей, подобных «Божественной комедии» и охватывающих все сферы потустороннего мира, у китайцев тоже нет. Тем не менее рискнем, хотя бы фрагментарно, описать некоторые регионы китайского мира мертвых в их историческом развитии.

Традиционным местом обитания душ «шэнь» всегда считалось небо. В давние времена оно, вместе с будущей землей, пребывало в первозданном хаосе, из которого возник бог Паньгу. Бог рос, вместе с ним росла и вселенная, в которой стал возникать какой-никакой порядок, а небо понемногу отделилось от земли. Произошло это, по-видимому, естествен-

ным путем, хотя средневековые гравюры и изображают Паньгу, отделяющего небо от земли с помощью долота и молотка.

Некоторое время небо благополучно существовало, в том числе и после смерти Паньгу. Однажды, в результате какой-то космической катастрофы (о ее причинах существуют разногласия), небо частично обрушилось, но прародительница людей Нюйва починила дыры расплавленными разноцветными камнями, а свод подперла с четырех сторон, используя в качестве стоек ноги, отрубленные у гигантской черепахи. Починка в целом удалась, но некоторая кривизна неба осталась. Этим и объясняется тот факт, что полюс располагается не там, где ему надлежит быть — над центром Поднебесной, — а сдвинут на север.

Первое время после сотворения мира небо располагалось достаточно близко к земле и на него можно было подняться по специальным небесным лестницам. Но по-видимому, слишком много народа злоупотребляло этой возможностью. И однажды внук (по некоторым данным, правнук) легендарного Желтого императора Хуанди, Чжуань-Сюй, решил переместить небо подальше. Поскольку известно, что Хуанди, несмотря на всю свою мифичность, правил с 2698 по 2598 год до н.э., можно допустить, что деятельность его внука приходилась на вторую половину третьего тысячелетия. Именно тогда он приказал своим внукам Чуну и Ли прервать сообщение между землей и небом. Повинуясь императору, Ли поднял небо повыше, а Чун придавил землю пониже. Тогда же, по-видимому, было прервано непосредственное сообщение между небом и горной системой Куньлунь, на которой находилась нижняя столица Небесного владыки Шанди. Известно, что высочайшие пики этого хребта не достигают восьми тысяч метров; из этого следует, что до второй половины третьего тысячелетия до н.э. небо находилось по крайней мере не выше восьми километров над землей.

В эпоху Чжоу небо представляло собой полусферу, которая находилась на расстоянии 80 000 ли от земли. Величина «ли» в разных районах Китая в разные времена колебалась вокруг половины километра. Таким образом, можно принять, что небо отстояло от земли примерно на 40 000 километров. Видимо, именно на это расстояние разнесли небо и землю бра-

тья Чун и Ли. Поскольку остров земли плавал в океане, то небо с землей не соприкасалось — оно смыкалось с водой на горизонте. Души, обитавшие на небе, могли избрать для своего жительства либо одну из звезд, либо один из пяти «звездных дворцов»: срединный, восточный, западный, южный и северный. Центр неба находился в созвездии Большой Медведицы, здесь жили духи, ведающие жизнью, смертью и судьбой. Именно сюда, а также на Полярную звезду позднее стали переселяться даосы, обретшие бессмертие первого, наивысшего типа.

В конце эпохи Чжоу, примерно с четвертого века до н.э., небеса снова отделились от земли, уже на расстояние до двух миллионов ли. Теперь их уподобляли куриному яйцу, внутри которого, как желток, плавала круглая земля; небо вращалось, а земля оставалась неподвижной. А уже в первом веке нашей эры возникло мнение, что космос бесконечен. Возможно, эти преобразования были связаны с деятельностью даосов, активно заселявших небеса бессмертными душами, что и потребовало значительного их расширения. Сведения о структуре даосских небес противоречивы, во всяком случае, их несколько, возможно семь.

Кроме того, для китайцев, прежде всего для даосов, существовало нечто вроде земного рая, в который отправлялись «бессмертные». По-видимому, он имел несколько отделений, по крайней мере, в литературе упоминаются и Персиковый источник, и Пещерные Небеса, и Заоблачные Врата. Последние подробно описал в семнадцатом веке Лин Мэнчу. Даосский рай находился в расселине высокой горы, внутри протекал волшебный источник, даровавший продление жизни и исцеление от болезней. На полянах росли удивительные цветы, в лесах пели сказочной красоты птицы, по саду, окружающему дворец, гулял белый олень. Описывая сам дворец с нефритовыми террасами, яшмовыми башнями и колоннами, инкрустированными кораллами, автор от избытка чувств перешел на стихи.

Во дворце, в окружении даосов, сидел владыка бессмертных. Лин Мэнчу пишет:

«Его шляпа в форме лотоса была украшена пластинами из лазоревого нефрита, одежда из золотистых перьев в поя-

се подвязана желтым шнуром, на ногах — пурпурные туфли. В руке владыка держал жезл счастья, жуй, — знак того, что небожитель способен достигнуть восьми сторон света. По бокам от старейшины — к востоку и западу — восседали по четыре небожителя в разноцветных одеждах, обликом благородные и прекрасные. В зале клубились многоцветные облака — символы счастья, воздух был напоен нежнейшим ароматом. Плыли тихие звуки, и в то же время вокруг царило безмолвие. Все дышало торжественностью и неземным величием».

Попасть в это неземное царство можно было, продравшись сквозь расселину в скале и затем вскарабкавшись к воротам по некоему девятиярусному сооружению из белого нефрита. Но даосы не приветствовали нарушителей границы и могли отослать провинившегося обратно. Предпочтительнее было попадать за Врата по небу, предварительно умерев и воскреснув, что в конце концов и сделал Ли Цин, о котором пишет Лин Мэнчу. Когда сограждане даоса через несколько дней после его смерти вскрыли гроб, они увидели лишь бамбуковый посох, пару туфель и синюю ленточку дыма, а сам праведник уже пребывал за Заоблачными Вратами. Но даже и туфли его были слишком святы, чтобы оставаться среди обычных людей, поэтому вскрытый гроб взмыл вверх и исчез в вышине. Таким образом, горожане лишились священной реликвии, но они не прогадали. Улетевший гроб оставил после себя аромат, который впоследствии уберет город от эпидемии, бушевавшей по всей Поднебесной.

Под землей загробное царство китайцев прежде всего группировалось вокруг уже упомянутого Желтого источника, куда прибывали духи «гуй». Позднее здесь был учрежден посмертный суд. Судьей стал Сы-мин, который ранее ведал живыми людьми и вел списки их добрых и злых дел, с тем чтобы определить причитающийся им срок жизни. О расширении его полномочий на мертвых сообщает «Канон Великого благоденствия и равновесия», в основном написанный во втором веке нашей эры.

Точное расположение Желтого источника неизвестно. Однако известно, что холм Хаоли, или Сяли, — сборное место для всех умерших, где они ставились на учет, — находилось

у горы Тайшань, что означает «Гора восхода». Здесь же располагалась одна из обителей загробного мира под названием Лянфу. Места эти были, по-видимому, издревле вполне обустроены и рассчитаны на прием большого количества душ. У поэта конца третьего века н.э. Лу Цзи в стихотворении «Песнь о Тайшани» есть такие строки: «И на Лянфу есть постоянные дворы. И в Хаоли беседки есть. Дороги мира мрака заполнены сонмом душ умерших. В хорамах духов собраны здесь сотни душ».

Там же, в Лянфу, обитали обретшие бессмертие даосы. На горе Тайшань до сих пор можно видеть так называемый «Мост бессмертных» — каменное сооружение естественного, по мнению материалистов-геологов, происхождения. К сожалению, конструкция моста не дает возможности судить о природе самих «бессмертных». С одной стороны, мост составлен из мощных каменных блоков, что наводит на мысль о телесности и даже весомости лиц, обретших жизнь вечную. Но с другой стороны, камни настолько ненадежно опираются один на другой, что трудно представить, чтобы люди из плоти могли пользоваться им в течение длительного времени.

Хотя сборный пункт для душ и находился на востоке, сама Страна мертвых (тех, что не сумели обрести даосское бессмертие) располагалась на западе. Владычица Запада по имени Сиванму в юности имела хвост барса и клыки тигра, ходила растрепанной (хотя заколка для волос и была ее постоянным символом) и любила свистеть. Позднее она поменяла свой образ, причесалась, а хвост у нее отпал. Манеру свистеть она оставила и вместо этого научилась петь. Чжоуский царь Му-ван, правивший в самом начале второго тысячелетия до н.э., посетил царицу, принес ей в подарок шелка, пил с нею вино на берегах Яшмового пруда и слушал ее пение — он застал Сиванму уже красавицей. В ее свите состояли зайцы, толкущие в ступках снадобье бессмертия. Сохранились сведения о том, что в поисках этого снадобья хозяйку Запада посетил знаменитый стрелок И — тот самый, что когда-то поразил своими стрелами девять солнц из десяти, чтобы спасти людей от засухи. Владычица Страны мертвых уважила просьбу знаменитого лучника, но, к сожалению, снадобье не пошло ему на пользу. Вместо стрелка им воспользовалась его жена, она

Четвертый уровень китайского ада:
наказание огнем и кипятком для тех,
кто живьем варил раков и креветок.
Фрагмент «Картин ада», художник Цзян Ицзы,
конец XX века

стала бессмертной и отправилась жить на луну (кстати, один из зайцев Сиванму обитает именно там и его можно видеть в полнолуние). А сам стрелок И позднее погиб насильственной смертью.

Еще одним из правителей китайского загробного мира являлся бог Янь-ван, или Яньло-ван, или Бао Яньло (возможно, он сменил Сиванму на ее посту к тому времени, когда в загробном мире появились судебная и пенитенциарная системы). Янь-ван вершил суд над душами, сверяясь об их земных делах с записями в специальной книге. С появлением в китайском загробном мире ада, построенного по буддистскому образцу, Янь-ван возглавил его. Позднее, в Средние века, он был смещен с этого поста, и в загробном мире Китая сформировалась сложная иерархическая система. Сегодня во главе ее стоит Юй-хуан, Нефритовый Император, ему подчинен бог мертвых Дицзан-ван.

Одно из основных подразделений китайского ада расположено в провинции Сычуань, в уезде Фэнду. В нарушение старых традиций оно находится не на западе, а в центральной части страны. Ад, называемый Диюй, состоит из десяти подземных судилищ; по крайней мере, именно это число использовал в своей работе современный религиозный художник Цзян Ицзы, создавший в 2003 году гигантское полотно «Картины ада». Интересно, что еще в девятом веке судилищ было двадцать четыре, хотя население Китая тогда было в пятнадцать раз меньше, чем сегодня. Это наводит на утешительные мысли о том, что либо китайцы стали меньше грешить, либо суровые законы Диюя смягчились вслед за нравами в мире живых. Ведь раньше в Диюй попадали и художники, картины которых показались недостаточно нравственными подземному судилищу, и люди, непочтительно обращавшиеся с исписанной бумагой... Не исключено, что некоторые статьи просто устарели; например, в свое время в залах третьего судилища истязали людей, которые думали, что император недостаточно заботится о своих подданных.

Каждое из десяти судилищ имеет по шестнадцать залов, в которых караются грешники. В первом судилище, возле неизменного Желтого источника, главный судья Циньгуан-ван допрашивает души и определяет их дальнейший путь. Пра-

ведные души сразу отправляются в десятое судилище, где судья Чжуаньлунь решает, кто в кого должен переродиться. Отсюда шесть мостов ведут в мир живых. Впрочем, несмотря на всю их праведность, души должны пройти на границе миров немало формальностей. Сначала списки будущих перерожденцев отправляются обратно, к главному судье Циньгун-вану, на утверждение. Он передает их духу Фэнду-шэню. В павильоне богини Мэн-по души должны в обязательном порядке получить дозу «напитка забвения», и только после этого они могут возвращаться в мир живых, чтобы все начать сначала.

Что же касается грешных душ, то они распределяются по девяти «карательным» судилищам, в которых судебная система совмещена с пенитенциарной. Отсюда тоже можно попасть на землю, но никаких буддистских послаблений, вроде перерождения в тело животного, здесь не предлагают. Например, самоубийц отсылают обратно на землю в облике «голодных духов», никакие духовные подвиги им в этом существовании не зачитываются, и, умерев вторично, «голодный дух» отправляется в «город напрасно умерших», откуда нет пути к новым перерождениям. Как ни странно, единственная возможность для «голодного духа» улучшить свою дальнейшую судьбу — это извести кого-нибудь до смерти и вселиться в чужую телесную оболочку, что они, естественно, и пытаются сделать.

Структура судилищ в определенной степени напоминает структуру дантовского ада, дополненную китайским пыточным арсеналом. Грешников топят в кровавых озерах и в нечистотах, разрубая на части, душат веревками, колют вилами, бьют по коленям, выкалывают им глаза, сдирают с них кожу. Есть здесь и «двор голода», и «двор жажды». В «камере восполнения священных текстов» терзаются монахи, которые не дочитывали до конца молитвы по покойникам. В одном из судилищ — пятом — применяются и моральные терзания: душам грешников предлагают подняться на специальную террасу и посмотреть на родной дом, услышать голоса близких. Интересно, что этим судилищем ведал Янь-ван, бывший правитель всего загробного мира. После своего смещения он некоторое время оставался главным судьей, но был уличен

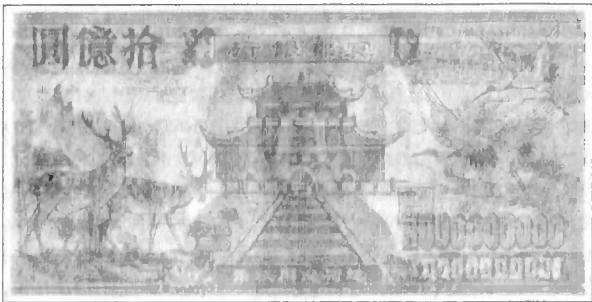
в том, что отпускал обратно на землю грешников, погибших в результате несчастного случая, и его снова перевели с понижением. Тем не менее он до сих пор является в загробном мире уважаемой фигурой, и его портрет по сей день можно увидеть на имеющихся там хождение денежных знаках.

Китайское царство мертвых, в отличие от большинства других загробных царств, имеет свою собственную денежную систему, которая не раз претерпевала изменения, будучи связана с валютной системой мира живых. Сегодня там, наряду с юанем, как и во многих странах мира живых имеет хождение доллар. На загробных банкнотах чаще всего помещают изображение Нефритового Императора (реже — Янь-вана) и подписи их обоих. На обороте банкноты печатают изображение Банка Преисподней. Существуют немногочисленные купюры с изображениями Будды, дракона, а доллары — даже с Джоном Кеннеди.

У авторов настоящей книги нет точных сведений о курсе загробных денег, но есть основания думать, что он, по отношению к американскому доллару и даже к рублю, очень низок, поскольку им известны купюры с номиналом в миллиард юаней. Эти деньги обеспечены золотыми и серебряными слитками из фольги и предназначены для перевода в мир мертвых путем сожжения на алтарях предков (аналогично отправляются и слитки).

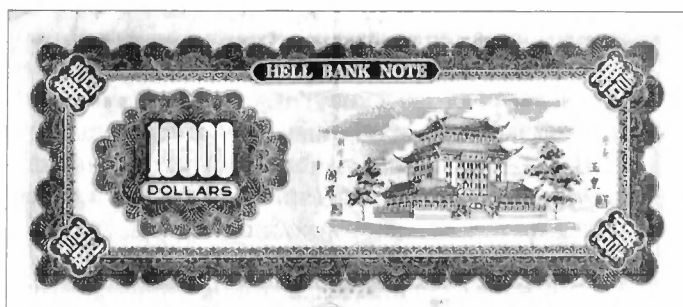
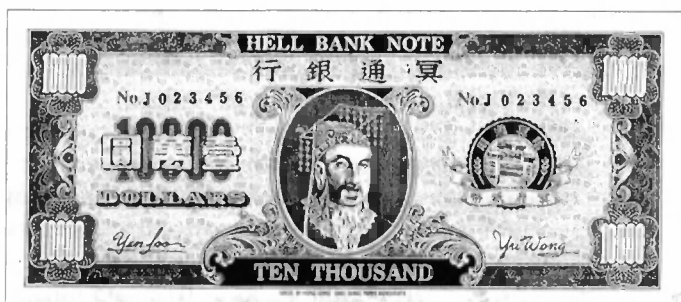
Некоторое время считалось, что обычные деньги мира живых тоже имеют хождение в китайском загробном мире, но эта точка зрения была опровергнута. Известный китайский литератор XVIII века Юань Мэй писал: «В народе говорили, что уезд Фэнду в Сычуани — пограничное место для людей и бесов. В уезде есть колодец, куда каждый год бросали сжигаемые связки бумажных денег стоимостью три тысячи золотом; это называлось вносить денежный налог Царству мертвых. Те, кто скупился, обязательно заболели во время эпидемий». Налог этот лежал столь непосильным бременем на местных жителях, что некто Лю Ган, назначенный на должность начальника уезда, отправился в загробный мир, чтобы испросить разрешения не платить его.

Лю Гана обвязали веревкой и спустили в колодец. Смелчак благополучно добрался до дворца Бао Яньло, был тепло

Загробная банкнота Адского банка
достоинством 1 000 000 000 юаней,
лицевая и оборотная стороны

Загробная банкнота Адского банка
достоинством 10 000 долларов,
лицевая и оборотная стороны

встречен загробным судьей и пожаловался ему: «В уезде Фэн-ду много лет подряд засуха, силы народа истощены, он не в состоянии вносить даже установленные двором императора государственные налоги. Как же может он платить денежный налог Царству мертвых, да еще выплачивать арендную плату? Рискую жизнью, я, начальник уезда, пришел просить сохранить жизнь народу».

Яньло с пониманием отнесся к жалобе и разъяснил, что налог, который платили загробному миру жители уезда, возник благодаря недобросовестным буддистским и даосским монахам. Но, несмотря на это разъяснение, китайцы продолжают переводить в мир мертвых огромные суммы — правда, теперь уже не в земной, а в загробной валюте. В дальнейшем они используются преимущественно для взяток судьям и прочим должностным лицам потустороннего мира.

Судя по тому, какие суммы регулярно переводятся в мир мертвых, взяточничество и коррупция там процветают. Правда, на этот счет имеются разные мнения. В восемнадцатом веке Цзи Юнь подробно описал встречу двух земляков, живого и мертвого, причем мертвый яростно обличал коррупцию мира живых и уверял, что в загробном мире все обстоит совсем иначе. По уверениям покойного, там производится тщательный отбор на должности, экзамены принимаются беспристрастно, а оплата предоставляется по заслугам. Впрочем, поверить в это трудно, поскольку структура загробного мира Китая во все времена копировала чиновничью систему мира живых. Так, в захоронениях, относящихся ко второму веку до нашей эры, археологи обнаружили сопроводительные документы, которые покойные должны были представить соответствующим ведомствам загробного мира по прибытии. Документы были адресованы конкретным чиновникам этих ведомств с указанием их имен и должностей. Восстановленная картина загробной канцелярии оказалась очень похожа на административную систему Китая той же эпохи (Хань).

Помимо документов и специальных денег в Китае существуют и другие изделия из бумаги, предназначенные для передачи в мир мертвых: повозки и лошади, предметы быта и целые дома. Все эти поделки считаются более угодной жертвой, чем настоящие вещи. А бумажные фигурки людей, сжигае-

мые на алтарях, обеспечивают покойных китайцев верными и умелыми слугами. Одно время китайцы увлекались написанием прошений и жалоб, направляемых в мир иной. Но видимо, поток этих бумаг переполнил чашу терпения загробных правителей, и они каким-то образом попросили правителей земных принять меры — во времена династии Цин подача прошений в загробный мир была запрещена законом.

Демографические проблемы сегодняшнего земного Китая не могли не отозваться аналогичными проблемами в царстве мертвых. Положение осложняется тем, что мир живых и мир мертвых территориально пересекаются: традиционная забота китайцев о сохранности тел родителей после смерти привела к тому, что огромные территории земного Китая заняты под кладбища.

Сегодня в большинстве городов страны уже введена обязательная кремация, но жители сопротивляются нововведению, поскольку оно противоречит культу предков. Поэтому власти земного Китая пытаются понемногу вытеснить демократический культ предков абсолютизмом Желтого императора Хуанди. Являясь первопредком китайцев, он в своем лице символизирует всех усопших, но, в отличие от них, места на земле не требует.

Царство Аида
(Греция и Рим)

История и география греческого царства мертвых относительно просты, а население его (до христианской экспансии) было невелико и вело в основном простую и непритворную жизнь, не представляющую особых загадок для вдумчивого этнографа.

Основные географические подразделения этого царства (Эреб и Тартар) самозародились из первоначального Хаоса в процессе возникновения мира. Это описано в «Теогонии» Гесиода — младшего современника Гомера, жившего в восьмом веке до н.э.:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких...

.....
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.

Поначалу и Тартар, и Эреб являли собой не только географические понятия, но и были в значительной мере персонифицированы.

фицированы. По крайней мере, оба они вступали в любовные связи и от них рождались дети, что нетипично для географических объектов. Так, от связи «угрюмого Эреба» и его сестры «черной Ночи» родились Эфир и «сияющий День». Сегодня такая игра генов кажется весьма странной, но боги, по-видимому, этим вопросом не задавались. А Земля, «отдавшись объятиям Тартара страстным», родила стоголового Тифоея (Тифона).

Тифон был поздним ребенком, он родился в те времена, когда на олимпийском троне уже сидел Зевс (третий по счету владыка мира после Урана и Крона), и это было последним известным деянием Тартара. С этого времени и он, и Эреб упоминаются лишь как области пространства в недрах земли, куда сбрасывают провинившихся богов и куда отправляются тени умерших; неизвестно, остались ли они при этом осознующими себя личностями.

Поскольку боги бессмертны, то для них ни Тартар, ни Эреб не могут рассматриваться как «загробный мир», и, следовательно, поначалу это были, скорее, «тюрьмы» для неугодных. В Эреб и в Тартар заточали своих противников (реальных или потенциальных) первые правители вселенной — Уран и Крон. Гесиод пишет:

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился,
Каждого в недрах Земли немедленно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.

Античный мифограф Аполлодор называет местом ссылки детей Урана конкретно Тартар, причем считает, что туда были отправлены не все Ураниды, а лишь гекатонхейры и киклопы. После победы над Ураном титаны временно освободили своих братьев из подземелья, но потом вновь заточили их, по мнению Гесиода — в Эребе, по мнению Аполлодора — в Тартаре.

Теперь уже трудно сказать, какая из областей подземного мира служила местом ссылки для богов в те далекие века.

Не исключено, что в этом качестве использовались и Эреб, и Тартар и что граница между ними была достаточно размытой. Но после прихода к власти Зевса в структуре подземного мира был наведен порядок. Теперь Эрэбу предстояло превратиться в Аид — место загробного упокоения человеческих душ, или теней, а в качестве тюрьмы для провинившихся богов Зевс избрал Тартар — самую глубокую часть подземного мира. В Тартар (по Гесиоду — «под Тартар») были отправлены Зевсом Крон и побежденные титаны. Сюда же был сброшен и собственный сын Тартара, Тифон, тоже побежденный Зевсом. Гесиод писал об этой области подземного мира:

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
 Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных
 В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
 Выхода нет им оттуда — его преградил Посидаон
 Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.

Для охраны титанов Зевс неподалеку от них поселил и своих союзников-гекатонхейров: «вдали от бессмертных», «за Хаосом угрюмым и темным», «в глубочайших местах Океана»:

Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
 Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

Правда, некто Менетий, сын титана Иапета и океаниды Климены (а также брат небезызвестного Прометея), если верить Гесиоду, был сослан Зевсом не в Тартар, а в Эреб — «за нечестивость его и чрезмерную, страшную силу». Но Аполлodor считает, что Менетий разделил судьбу других титанов и тоже угодил в Тартар, что, по мнению авторов настоящей книги, больше похоже на правду.

Тартар, во всяком случае, залегает гораздо глубже Эрэба. Позднее это документально подтвердит Данте, обнаружив титанов на самом дне воронки ада, на уровне ледяного озера Коцит. О том, что Эреб с Тартаром и христианский ад — это одна и та же территория (хотя небольшие изменения границ, конечно, могли случиться за два тысячелетия существования

ада), мы поговорим позднее, в главах, посвященных загробному миру христиан и путешествию Данте. А пока примем к сведению сообщение великого флорентийца.

Впрочем, по поводу расположения Тартара существуют противоречивые мнения. Гомер в «Илиаде» упоминает слова Зевса:

...швырну я ослушника в сумрачный Тартар,
Очень далеко, где есть под землей глубочайшая бездна,
Где из железа ворота, порог же высокий из меди, —
Вниз от Аида, насколько земля от небесного свода.

Аид, как мы покажем дальше, расположен достаточно близко к земной поверхности, и его глубиной можно пренебречь. Таким образом, по Гомеру, глубина Тартара равна расстоянию от земли до неба. Последнее можно приблизительно вычислить. В «Илиаде» Гомер утверждает, что Гефест, сброшенный Зевсом с «небесного порога», летел до земли «весь день», упав в конечном итоге на остров Лемнос. Поскольку значимое сопротивление воздуха в этом случае возникает только на последних секундах падения, его можно не учитывать. Падение бога может быть описано третьим законом Кеплера как частный случай движения спутника вокруг планеты: по очень вытянутой, «сплюсненной» эллиптической орбите, в пределе переходящей в прямую линию, проходящую через центр планеты. Это движение описывается формулой:

$$\frac{T^2}{L^3} = \frac{4\pi^2}{GM},$$

где:

T — полный период гипотетического обращения Гефеста по орбите, равный 4 дням (время падения с «небесного порога» до центра Земли составляет 1/4 периода; принимаем, что падение длилось сутки);

G — гравитационная постоянная;

M — масса земли;

L — длина большой полуоси эллипса, иначе говоря, расстояние от «небесного порога» до центра Земли.

Подставив в формулу общеизвестные значения G и M , несложно определить, что $L \approx 106\,000$ км. Учитывая, что Гефест упал на поверхность Земли, а не падал до ее центра, получим высоту «небесного порога», а значит, и равную ей глубину Тартара $\approx 100\,000$ км (радиус Земли приблизительно равен 6400 км). Эта цифра выводит Тартар за пределы Земли (либо за пределы геометрии Евклида).

Несколько иную информацию приводит Гесиод:

Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.

Вопреки первому впечатлению расстояние до Тартара по Гесиоду отнюдь не будет равно расстоянию до неба, хотя время полета наковальни и совпадает. Дело в том, что ускорение g при падении предмета с достаточно большой высоты поначалу будет гораздо меньше, чем у поверхности земли, в процессе полета оно возрастает, как и скорость. Что же касается падения с поверхности Земли в ее глубины, то, хотя скорость падения будет неизменно возрастать вплоть до центра, ускорение по мере движения будет падать и в центре Земли станет равным нулю. Скорость наковальни к этому времени достигнет 8 км/с.

В конце девятнадцатого века французский астроном Фламарион рассмотрел законы движения предмета, падающего с поверхности Земли в сквозной тоннель (результаты популярно изложены в книге Я. Перельмана «Занимательная физика»). Согласно Фламариону, наковальня, пролетев Землю насквозь, станет замедлять свой ход и, остановившись у противоположного конца тоннеля, начнет падать обратно. Если пренебречь сопротивлением воздуха, она будет летать туда-сюда бесконечно долго. Но самое интересное, что весь путь наковальни до противоположного края Земли занял бы меньше часа, что категорически противоречит сообщению Гесиода (девять дней только до Тартара).

Соппротивление воздуха поэт явно не принимает во внимание, поскольку в противном случае наковальня попросту сгорела бы.

Вергилий в «Энеиде», вопреки обоим грекам, приводит иное расстояние от уровня Аида до дна Тартара:

...В глубину уходит настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше,
Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа.

Уже во времена Гесиода было прекрасно известно, что на вершине земного Олимпа пасутся козы, а Олимпом в переносном смысле называли небесную обитель богов. Вергилий, образованный римлянин, живший на семьсот лет позднее, тем более не мог считать обиталищем богов вершину всем известной и сравнительно невысокой горы. По-видимому, он имел в виду тот самый «небесный порог», с которого был сброшен Гефест. Тогда из данных Вергилия следует, что расстояние от уровня Аида до дна Тартара превышает 200 000 километров, что многократно превосходит диаметр Земли.

Близкую гипотезу излагает по этому поводу А. Ф. Лосев в «Истории античной эстетики»: он предлагает считать небеса древнегреческой вселенной не полусферой, а сферой, тогда Тартар — это нижнее небо, объемлющее земной диск с другой стороны. Лосев пишет: «Поскольку вся Античность неизменно тяготела к закругленным формам, вполне естественно предположить, что снизу, под землей, проходит другое полушарие, симметричное верхнему полушарию, или небу. И так как небо, вообще говоря, есть место жительства богов, то верхнее небо есть место светлых олимпийских богов, а нижнее — место низвергнутых и потому темных богов. Нижнее небо и есть Тартар».

Но эта гипотеза остается лишь изящной игрой ума, поскольку Лосев в той же книге недвусмысленно пишет: «Небо сделано из меди или железа». А никаких упоминаний о металлической сущности Тартара ни один античный автор не приводит.

Гесиод в «Теогонии» сообщает дополнительную и достаточно конкретную информацию о расположении Тартара, уверяя, что он находится «у края земли необъятной»:

Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.

.....
Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года:
Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда, и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
Там расположены, густо одетые черным туманом.

Не исключено, что под «краем земли необъятной» Гесиод имеет в виду нижний край, точнее, нижнюю поверхность земного диска. Тем более, что позднее, описывая ворота Тартара, он говорит, что «от них невдали, в глубочайших местах Океана» живут «помощники славные Зевса-владыки» гекатонхейры Котт и Гиес. Это наводит на мысль о том, что Тартар был расположен в самом низу земного диска, имеющего значительную толщину и омывавшегося во времена Гесиода Океаном или даже плававшего в нем. При этом выходы из Тартара вели не вверх, в сторону ойкумены, а вбок, к берегам Океана. Здесь располагались ворота, которые автор один раз называет мраморными, а одни раз медными (вероятно, имеются в виду медные створки на мраморных столбах). Внутри, в самом Тартаре, были заключены враждебные Зевсу титаны. Титаны дружественные находились «перед воротами теми снаружи». А невдалеке от ворот (благо они находились почти на побережье), «в глубочайших местах Океана», жили Котт и Гиес.

Впрочем, Тартар имел и выходы вверх, соединяясь через Эреб с земной поверхностью. Примерно в восемнадцатом — середине семнадцатого века до н.э. в подземном мире поселился Аид, а позднее и его жена Персефона, которые, конечно же, навещали подведомственный им Тартар, а согласно не вполне ясному сообщению Гесиода даже имели там «многозвонкие гулкие дома» (впрочем, возможно, автор имел в виду их резиденцию в Эребе). Естественно, царственные супруги, равно как и подчиненные им подземные боги, должны бы-

ли пользоваться не только лежащими на далеком краю земли воротами, но и другими проходами. Один из таких проходов был отмечен Вергилием в «Энеиде»:

Влево Эней поглядел: там, внизу, под кручей скалистой
Город раскинулся вширь, обведенный тройною стеною.
Огненный бурный поток вокруг твердыни Тартара мчится,
Мощной струей Флегетон увлекает гремучие камни.
Рядом ворота стоят на столпах адамантовых прочных...

.....
Слышится стон из-за стен и свист плетей беспощадных,
Лязг влекомых цепей и пронзительный скрежет железа.

Ко временам Энея в Тартаре продолжали содержаться гиганты, но, кроме того, он превратился в место наказания грешников и был окружен каменной крепостью (она сохранилась по крайней мере до четырнадцатого века н.э. и описана Данте). Эней посетил Аид и видел провал Тартара в начале двенадцатого века до н.э. Примерно в это же время (но, видимо, на несколько лет раньше) там побывал Одиссей, заставший самое начало строительства судебно-исправительной системы загробного мира.

Эреб является столь же древней, но гораздо менее глубокой и гораздо более густонаселенной частью загробного царства. Массовое освоение этих земель началось достаточно поздно, вскоре после прихода к власти третьего поколения богов — Кронидов.

К этому времени у подземного мира появился властитель — брат Зевса Аид. После победы детей Крона во главе с Зевсом над отцом и подвластными ему титанами три брата — Зевс, Аид и Посейдон — разделили власть над миром. Зевсу достались небо, населенная людьми земля и верховная власть над богами, Посейдон получил море, подземное царство досталось Аиду. Теперь старое название Эреб начинает понемногу замещаться на «жилище Аида», «обитель Аида», с тем чтобы в конце концов превратиться в географическое понятие Аид — царство, управляемое одноименным богом. Тартар попадал под юрисдикцию Аида, хотя и сохранил свое особое название.

В Эребе, если он и был занят в свое время детьми Урана, значительные территории освободились сначала после восстания Уранидов, а позднее — после войны богов и титанов. Со временем они стали заселяться: с воцарением Зевса на земле закончился золотой век, в течение которого люди хотя и умирали, но ни в какое царство мертвых не отправлялись. О людях золотого века Гесиод говорит:

В благостных демонов все превратились они наземельных
 Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
 Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
 Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
 Людям богатство. Такая им царская почестъ досталась.

Как известно, приход к власти Зевса был сопряжен со знаменитой Титаномахией. Война эта, если обобщить данные античных источников, началась не ранее начала XVIII и завершилась не позднее середины XVII века до н.э.* Легко видеть, что созданное еще Кроном поколение золотого века умерло и превращено в благостных демонов не раньше восемнадцатого века до н.э. (до этого никакого «великого Зевса» не было, и будущий владыка мира прятался от своего отца на Крите, оберегаемый куретами).

Следующее поколение людей было сотворено уже олимпийскими богами во главе с Зевсом, но и они, согласно Гесиоду, не стали населением Эреба.

После того как земля поколение и это покрыла,
 Дали им люди название подземных смертных блаженных,
 Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.

Поскольку в Эребе никакого блаженства никому и никогда не предлагалось, есть основание думать, что поколение серебряного века переселилось в какие-то удаленные области под

---

*Дату завершения Титаномахии, сообщаемую Лактанцием, — 322 год до разрушения Трои, то есть конец XVI века до н.э., — использованную Олегом Ивиком в книге «История загробного мира» (М., 2010), теперь мы считаем завышенной.

земного, а не исключено, что (вопреки Гесиоду) и надземного царства, возможно, в те, которые позднее стали называть Елисейскими полями.

И только третье поколение людей — люди медного века — умерло, как положено древним грекам той эпохи, и никакого посмертного блаженства не обрело: «Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца». Об их загробной судьбе ничего не известно, но есть основания думать, что она была такой же, как и у сменившего их поколения героев, населившего Эреб.

Переселение в загробный мир поколения героев, происходившее в тринадцатом веке до нашей эры, было, возможно, одной из первых известных массовых депортаций. Созданная предположительно в седьмом веке до н.э. поэма «Киприи» (или «Кипрские сказания») так описывает эти события:

В оные дни разрослось по земле повсеместно без счету
Племя людское, давящее Геи простор пышногрудой.
Сжалился видевший это Зевес и во частых раздумьях
Мысль возмел облегчить от людей всекормящую землю,
Распря великую битв Илионских на то возбуждая,
Опустошение тягостной смертью дабы наступило.
Гибли у Трои воители: Зевсова воля свершалась.

Аид (Эреб), по-видимому, является, в отличие от Тартара, достаточно неглубокой областью подземного мира. Античные авторы, как правило, однозначно размещают по крайней мере окраину его почти на поверхности Земли. Приплывший туда Одиссей, согласно Гомеру, от своего корабля, оставленного на берегу Океана, добрался в Аид пешком, и, судя по краткости описания, путь занял считанные минуты. Обратный путь и вовсе не описывается: когда слетелись «бесчисленные рои умерших», Одиссей испугался и, «быстро взойдя на корабль», приказал «развязать судовые причалы». Поэтому есть основания думать, что область Аида, в которой побывали знаменитый проходимец и его спутники, лежит практически на уровне Океана. Правда, Гомер упоминает «недра Эреба» и «недра преисподней», которые, вероятно, лежат

глубже. Но и та территория, на которой побывал Одиссей, — это отнюдь не «прихожая» подземного царства. Ведь кроме душ, слетевшихся сюда на запах жертвенной крови, Одиссей повидал в этих же местах немало обитателей Аида, занятых своими повседневными делами: Ориона, который «по асфодельному лугу преследовал диких зверей», Тантала, терзаемого «танталовыми муками», Сизифа, катящего свой камень...

Попутно надо отметить, что это время (начало двенадцатого века до н.э.), по-видимому, было временем глобальной перестройки, проводившейся в Аиде. Большинство душ, с которыми общался Одиссей, являлись лишенными тела и памяти теньями, обретавшими способность к мышлению, лишь напившись крови жертвенных животных, смешанной с медовым напитком, вином, водой и ячневой мукой. А что касается «телесности», то ее нельзя было обрести, даже и вкусив желанного напитка: Одиссей так и не смог, как ни старался, обнять свою покойную мать Антиклею. Но при этом тут же, на его глазах, Орион охотился, Тантал терзался голодом, а Сизиф катил вполне материальные камни по столь же материальному склону, и «струился пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась». Ахилл, встреченный Одиссеем в Аиде, после того как напился крови, сказал с горечью:

Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!
 Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
 У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
 Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.

Однако от Павсания мы знаем, что очень скоро судьба Ахилла изменится: он станет мужем Елены Аргивской и поселится с нею на Елисейских полях. Таким образом, Одиссей навестил Аид в самом начале коренной перестройки, материализации духов и создания там судебного аппарата и пенитенциарной системы. Одиссей говорит:

Я там увидел Миноса, блестящего Зевсова сына.
 Скипетр держа золотой, над мертвыми суд отправлял он,
 Сидя. Они же, его окруживши, — кто сидя, кто стоя,
 Ждали суда пред широковоротным жилищем Аида.

Но вернемся к вопросу о топографии Аида. У Гомера по крайней мере часть Аида — дуга, расположенные на берегу реки Океан. Поскольку никакие плотины Гомер не упоминает (да строительство плотин и не входило в греческую традицию), есть основания думать, что дуга эти лежат не в глубоких недрах земли, а немного выше уровня Океана.

Через несколько лет Эней, чье сошествие в Аид подробно описал Публий Вергилий Марон, спустится в Эреб через другой вход, лежащий от ранее описанного на расстоянии тысяч километров. Но и он войдет туда по достаточно пологой тропе и быстро проникнет в самые недра Эреба. Таким образом, можно считать доказанным, что Эреб, он же Аид, расположен достаточно близко к поверхности земли. А где-то (как в случае с Одиссеем) и вовсе выходит на поверхность.

Историчность и географическую точность Гомера блестяще подтвердил Генрих Шлиман, раскопав Трою в месте, которое указано в Илиаде. Троянская топография Гомера абсолютно точна, и небольшие ее расхождения с современной картой Трояды связаны с тем, что рельеф местности изменился за прошедшие три с лишним тысячи лет: так, воспетая Гомером бухта попросту заилилась и исчезла с лица земли, но геодезические исследования показали, что ее описание в «Илиаде» соответствует тогдашней реальности. Поскольку мы знаем Гомера как прекрасного историка и географа, нет оснований сомневаться в том, что он описал Аид столь же точно, сколь и Трояду.

Что же касается точности информации, которую приводит Вергилий, она подтверждается живым свидетелем, Данте Алигьери, который, спустившись в ад (Аид) в сопровождении автора «Энеиды», полностью доверился его знанию местности и не имел оснований в этом раскаяться.

Поэтому примем, что Эреб (Аид) — область подземного мира, залегающая достаточно близко к поверхности Земли или, по крайней мере, пограничная с ней. Гесиод уделяет ей не так уж много внимания, но это упущение с лихвой возместили другие античные авторы.

Входов в Аид (в отличие от входов в Тартар) известно множество, они разбросаны по всей территории ойкумены. Поэтому назовем только самые значимые из них.

Древнейшим известным входом в Аид считается пещера на мысе Тенар, самой южной точке Пелопоннеса. Через нее спустился в Аид Орфей, и, видимо, через нее же шел Геракл, когда по приказанию царя Эврисфея доставил к воротам Микен трехглавого пса Цербера, сторожа Аида. Со слов Павсания известно, что уже во втором веке новой эры этот спуск не функционировал. Но видимо, полной уверенности в этом не было, поскольку в христианское время над пещерой для пресечения миграции была построена церковь. Впрочем, сейчас она разрушена.

Относительно недалеко от Тенара, в Лернейских болотах, находится еще один спуск. Известно, что им воспользовался Дионис, когда, будучи причислен к лику богов, вывел из Аида свою смертную мать Семелу. Это, кстати, один из крайне редких известных случаев эмиграции из Аида. Лернейский вход пытался разведать император Нерон в середине первого века нашей эры. По приказанию императора были сделаны замеры глубины болота, но вход так и не нашли.

Значительно лучше известен другой вход в Аид, находившийся в пригороде Афин, Колоне. Сегодня он перекрыт городской застройкой, но в тринадцатом веке до нашей эры им пользовались. Известно (это описано, в частности, в трагедии Софокла «Эдип в Колоне»), что именно через него сошел под землю Эдип; это подтверждалось многочисленными афинянами, в том числе Тесеем. Правда, непосредственно сохождение Эдипа под землю зафиксировано не было, но его бесследное исчезновение на территории Колона сомнений не вызывает.

Сам Тесей со своим другом Пирифоем тоже совершили печально знаменитое сохождение в Аид, и есть основания думать, что они воспользовались тем же путем: для Тесея, тогдашнего царя Афин, этот вход был самым близким, кроме того, он по опыту Эдипа знал, что дорога проходима. Тем не менее для обоих друзей путешествие закончилось достаточно печально. Напомним, что они отправились в царство Аида с целью сватать для Пирифоя царицу подземного царства Персефону. Персефона была замужем, и, хотя этот брак трудно назвать счастливым, сам Аид не имел ни малейшего желания отдавать свою молодую (на поколение моложе его самого) красивую

жену смертному авантюристу. Теперь уже трудно вспомнить, Аид ли предложил неудачливым сватам присесть на выступ скалы, или они сели на него сами, но суть в том, что встать они уже не смогли, намертво приклеившись к камню. Позднее Тесея выручил проходивший мимо Геракл. Правда, в начале двенадцатого века до н.э. кумская сивилла, рассказывая Энею о муках нижнего Аида, изрекла: «...на скале Тесей горемычный вечно будет сидеть». Но по-видимому, жрица имела информацию, устаревшую минимум на полвека. Многочисленные источники сообщают, что герой вернулся в родные Афины, которые за время его отсутствия были разграблены близнецами Диоскурами, и был изгнан добрыми афинянами за пренебрежение обязанностями правителя. А Пирифой действительно остался сидеть навечно, и есть основания думать, что он и поныне пребывает в Аиде на том же самом месте.

По мере расширения греческой ойкумены росло и число исследованных входов. Самый известный из них — воспетый Вергилием «эвбейский» вход. Некоторые комментаторы Вергилия в простоте считают местом его нахождения греческий остров Эвбея, но это неверно. Римляне называли «эвбейским» западное побережье Италии в Кампании, в районе города Кумы, потому что первые появившиеся здесь греческие переселенцы были выходцами с острова Эвбея. Вергилий описывает, как Эней «близ Кум подошел к побережьям Эвбейским». Знаменитый троянец спускается в Аид «у священных озер, у Аверна среди роши шумящей». Озеро Аверн (современное Аверно) находится в Кампании, вход в Аид начинается в пещере, где некогда жила сивилла, и продолжается подо дном озера. В 1932 году пещера была обнаружена археологом Амедео Маюри: это длинный коридор, прорубленный в мягком вулканическом туфе, в поперечном сечении он имеет форму трапеции, по бокам вырезаны отверстия для дневного света. В конце коридора имеется небольшое расширение, где обитала сама сивилла, но дальше прохода нет. Вся окрестная область носит следы бурной вулканической деятельности, так что, возможно, проход был засыпан в результате землетрясения. Не исключено, что он был ликвидирован самой сивиллой в целях общественной безопасности. Известно, что жрица предупреждала Энея:

...в Аверн спуститься нетрудно,
 День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
 Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
 Вот что труднее всего!

Как минимум два входа в Аид находились на побережье Черного моря. Один и по сей день можно видеть возле Гераклеи Понтийской (современный Эрегли в Турции). Он был случайно открыт аргонавтами во время знаменитого похода в середине тринадцатого века до н.э. Сами они туда не спускались, но опознали вход в Аид по поднимающимся из устья пещеры испарениям. Позднее, уже в четвертом веке до н.э., местные жители уверяли Ксенофонта, что именно здесь Геракл спускался за Цербером (это, впрочем, вызывает сомнения: совершенно не ясно, зачем герою было отправляться за тридевять земель, имея прекрасно известный тенарский вход неподалеку от родных Микен). По словам Ксенофонта, уже в его время гераклейский вход был завален в полутора километрах от поверхности. В конце двадцатого века известный путешественник и реконструктор древних кораблей Тим Северин исследовал эту пещеру, когда в составе экспедиции «Арго» повторил путь аргонавтов из Иолка (современный Волос) в Колхиду (современная Грузия). До Аида он не добрался, — впрочем, эта задача перед экспедицией и не стояла.

Больше всего дискуссий вызывал и вызывает, наверное, тот путь, которым попал в Аид Одиссей. Он описан достаточно подробно, и тем не менее разные исследователи помещают упомянутый Гомером «низкий берег» и «Персефонины роши» в самых разных областях ойкумены, от крайнего запада, за Геркулесовыми столпами (Гибралтар) до крайнего северо-востока, на берегах Меотиды и Танаиса (Азовское море и Дон). Но ни одно из предлагаемых мест не удовлетворяет описанию Гомера:

...Всегдашний
 Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце
 Не освещает лучами людей, населяющих край тот...

Путь к этому побережью корабль Одиссея проделал, влекомый северным ветром Бореем, что ограничивает список воз-

можных мест южными берегами морей. Впрочем, уже упомянутый нами Тим Северин, повторивший предполагаемый путь Одиссея на воссозданном им корабле тринадцатого века до н.э., считает, что герой воспользовался издревле известным входом, расположенным в Феспротии (северо-западное побережье Греции). Протекающие здесь реки обнаруживают значительное сходство с реками Аида. Одна из них с античных времен называется Ахерон, другая по описанию напоминает Коцит. Не так давно в Ахерон впадал еще один приток (ныне пересохший), воды которого, по словам местных крестьян, светились, что позволяет отождествить его с пылающим Флегетоном. Тот факт, что свечение было не слишком сильным, не должен настораживать, ведь естественно, что наземная часть реки не проявляла в полной мере тех свойств, которые ей присущи в самом Аиде. Археологами обнаружены следы жертвоприношений, полностью соответствующие гомеровскому описанию ритуала, совершенного Одиссеем в Аиде по наставлениям Цирцеи. Правда, находки археологов относятся к более позднему времени и связать их непосредственно с сыном Лаэрта нельзя. Но они наводят на мысль о неоднократно повторявшихся после Одиссея попытках живых проникнуть в мир умерших и вызвать их на общение.

Поэт пятого века Клавдиан помещает Одиссея вход «в Галлии... на самой окраине дальней». Возможно, имеется в виду нынешний Бретонский полуостров.

Может показаться странным, что большинство известных нам входов в Аид уже в античную эпоху были заброшены и стали труднопроходимыми или вообще непроходимыми. Но есть основания думать, что по крайней мере к первому веку до нашей эры входы в Аид не имели практического значения: квалифицированный специалист мог вызвать дух умершего, не спускаясь в Эреб.

Топография Аида знакома нам прежде всего по работам Вергилия и Данте. Автор «Божественной комедии» побывал в Аиде в те времена, когда тот давно уже находился под сенью креста, но надо думать, что рельеф местности от смены власти не слишком поменялся. По-видимому, Аид и в древние времена представлял собой бескрайнюю равнину, по которой протекала река Ахерон (Ахеронт). Воды Ахерона, соглас-

но одному из орфических гимнов (приписываемых легендарному Орфею), имели темно-синий цвет. В центральной части равнины начиналось воронкообразное углубление, опоясанное широкими уступами; в самом его центре зияла пропасть, ведущая в Тартар.

Во времена древних греков наиболее полноводной рекой не только Аида, но и земного шара была, по-видимому, Стикс: Гесиод сообщает, что ее воды составляют одну десятую от водных ресурсов обтекающего земной диск Океана. Будучи рекой, Стикс одновременно является прекрасной дочерью, матерью и женой. Гесиод пишет о том, как она, перед началом знаменитой Титаномахии, исполнила совет отца-Океана и вместе со своими сыновьями (Силой и Мощью) первой завербовалась в армию Зевса. За это после победы новоявленный владыка мира поселил юношей на Олимпе, а самой Стикс предоставил великую почесть: клятва ее водами стала считаться нерушимой священной клятвой богов. Кроме того, у Стикса есть еще двое детей: крылатая богиня победы Ника и сопутствующая ей Зависть, без которой, как считали древние, победы добиться трудно.

Некоторая часть долины реки Стикс уже в древности была заболочена. Есть основания думать, что со временем река окончательно обмелела и заилилась; Данте в начале четырнадцатого века н.э. упоминает только «Стигийские болота».

Одним из рукавов реки Стикс являлся Коцит. Очевидно, он иссяк вместе с главным руслом (не раньше пятого века н.э., когда его упоминает Клавдиан), после чего название было перенесено на ледяное озеро на самом дне Тартара. Но в древности, когда Коцит был еще полноводной рекой, он питал плодородную долину, на лугах которой паслись стада Аида. Вергилий упоминает «Коцита глубокие воды».

Из других водных ресурсов Аида следует отметить уже упоминавшийся огненный поток Флегетон (Гомер называет его Пирифлегетоном). Он сливался в общее русло с Коцитом, и они впадали в Ахерон недалеко от входа, которым воспользовался Одиссей.

Лета — самая загадочная река загробного мира. Течение ее изучено слабо; судя по многочисленным упоминаниям, можно думать, что она протекала по весьма отдаленным друг от

друга областям потустороннего и реального миров. Во всяком случае, известно, что часть ее русла проходила по территории Эреба, недалеко от реки Коцит (согласно Клавдиану, именно из Леты утоляют жажду пасущиеся на лугах Коцита стада Аида). Течение Леты крайне медленное; Клавдиан даже называет ее воду «стоялой», а саму реку — «тинистой».

Воды Леты вызывают амнезию. Но существует и река с обратными свойствами, Мнемозина (Эвноя), — ее вода способствует улучшению памяти. Мнемозина, по крайней мере в некотором своем течении, протекает по Аиду. Ее, как и Лету, нельзя считать чисто загробной рекой: Павсаний (второй век н.э.) описывает местность в Беотии, где обе реки выходят на поверхность земли и их вода используется местными жителями в ритуальных целях. Впрочем, Ахерон и Флегетон тоже выходили на поверхность Земли, о чем мы уже упоминали ранее.

Следует обратить внимание на массовое пересыхание протекающих в Аиде рек, отмеченное за две с половиной тысячи лет от Энея до Данте. Величайшая река мира, Стикс, исчезла с карты Аида (ада), став болотом под стенами города Дит. Полностью пересох Коцит; исчез в своем земном течении Флегетон. Коренным образом поменялся бассейн Леты.

Лета, согласно Данте, берет свое начало на горе чистилища в Южном полушарии, образовавшейся при падении Люцифера, и впадает в ледяное озеро Коцит; по аду, равно как и по Северному полушарию, она в начале четырнадцатого века уже не протекала. Даже во времена Платона, на семнадцать веков раньше, по равнине, носящей название Леты, бежала река с другим названием — Аметет, — и души, жаждущие забвения, пили из нее, а не из Леты. Это наводит на мысль, что если к тому времени Лета и протекала по описанной Платоном равнине, то вода из нее была не слишком пригодна для питья (вспомним, что и Клавдиан называл эту воду «стоялой»). Еще во времена Павсания Лета скромным источником выходила на поверхность земли на территории Греции. Но, судя по тому, что пишет Данте, в начале новой эры река полностью изменила русло (возможно, это было связано с землетрясением, вызванным сошествием Христа в Аид на рубеже 20–30-х годов). С этого времени Лета, и раньше не слишком

полноводная, частично пересыхает, частично продолжает существовать в виде озер, болот и стариц; основная масса ее вод образовала озеро Коцит.

Растительный мир в Аиде представлен достаточно скупо, что и неудивительно в условиях слабой освещенности. Отмечены некоторые формы травянистой растительности: Клавдиан пишет о травах, растущих на черных лугах Эреба; Вергилий говорит о камышах Стигийских болот. В долине Ахерона можно видеть обширные луга, заросшие асфоделями, — это красивые травянистые растения с белыми или желтыми цветами (иногда они имеют пурпурные полосы), собранными в кисти. Их поджаренные стебли и семена можно употреблять в пищу. Согласно Феофрасту, очень хорош и корень асфоделей, толченный вместе с винными ягодами (фигами). Кстати, фиговые деревья здесь тоже встречаются, но не дикорастущие, а культурные. Из других плодовых деревьев Гомер упоминает (в связи с терзанием Танталя) груши, яблони, гранаты и маслины, но это тоже искусственные насаждения. В одной из так называемых «орфических табличек» отмечен белый кипарис, растущий перед жилищем Аида.

Из дикорастущих деревьев следует назвать описанный Вергилием миртовый лес. В «Одиссее» Гомер упоминает «Персефонины рощи из тополей чернолистных и ветел, теряющих семя». Известный историк Ф. Зелинский комментирует это сообщение следующим образом: «Как тополь, так и ива принадлежат к так называемым двудомным деревьям, т. е. одни его экземпляры дают только мужские (тычиночные), другие — только женские (плодниковые) цветы... Поэтому если ивы и тополи стоят одиноко или группами экземпляров одного только пола, то они не могут оплодотворяться, они “теряют свои плоды”. Конечно, процесс оплодотворения растений не был известен Гомеру — оттого-то он и употребил здесь слово «плоды» вместо «неоплодотворенные цветы»; но само явление теряния «плодов» было замечено и им, и его слушателями, и вот причина, почему он неплодное царство теней украсил именно ивами и тополями»... Впрочем, здесь встречаются и однодомные деревья. Вергилий пишет:

Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись.

Климат в Аиде влажный, многие авторы упоминают частые туманы. В орфическом гимне Гермесу Хтонию говорится о «мертвенном холоде», царящем на берегах Коцита (реки). А озеро Коцит (по крайней мере, во времена Данте) было покрыто вечным льдом.

Животный мир Аида изучен слабо. В болотах вдоль реки Стикс водятся так называемые «стигийские собаки». Гомер упоминает коршунов, терзающих печень великана Тития. Из того, что Орион, согласно Гомеру, охотился в Аиде на диких зверей, причем на «тех же, которых в горах он пустынных когда-то при жизни палицей медной своею избил», есть основания думать, что животный мир Эреба в какой-то мере дублирует надземный животный мир. Но здесь сохранились и виды (в том числе разумные), которые позднее вымерли на поверхности Земли. Вергилий говорит:

Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топи шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...

Напомним, что сциллы — это чудовища двух видов. Один из них впервые описан Гомером в «Одиссее»: двенадцатиголый хищник с шестью собачьими головами. Второй вид описан Овидием в «Метаморфозах» и относится к миксантропичным; у этих сцилл девичье лицо и «черное лоно», опоясанное «свирепыми псами». По-видимому, оба вида обитают в Эребе.

Гарпий Вергилий описывает подробно. Это «птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы на лапах».

Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.

Из домашних животных, разводимых в Эребе, можно отметить знаменитых черных коней бога Аида; по сообщению

Овидия, они боятся дневного света. Кроме того, царю принадлежат стада быков, которые, в отличие от коней, приспособлены как к подземной, так и к надземной жизни. В Аиде развито так называемое отгонное скотоводство, когда стада, в зависимости от сезона, перегоняются на разные пастбища. Известно, что Геракл встречал пастуха Менета, сына Кевтонима, пасшего стада Аида и на земле, на далеком западе, и под землей. Авторы уже упоминали, что стада, принадлежащие Аиду, можно было встретить и на берегах реки Коцит (пока она не пересохла). Аид был не единственным скотовладельцем в своем царстве: известно (по сообщению Клавдиана), что его скот был клеймен, а значит, в Эребе паслись и другие быки, от смешения с которыми царь хотел оградить своих собственных.

Говоря о домашних животных, особое внимание следует уделить знаменитому Церберу. Этот трехглавый пес (по некоторым версиям пятидесяти- и даже стоглавый), согласно традиции, охранял ворота Аида, но на деле был ручным и мирным существом, кланчившим подачки у многочисленных приезжих. Вергилий пишет о том, как кумская сивилла кинула лаявшему «в три глотки» Церберу сладкую лепешку и тот, «разинув голодные пасти, дар поймал на лету». Известно, что некоторые греки, отправлявшиеся в Аид на постоянное жительство, брали с собой (помимо или вместо пресловутого обола) медовую лепешку для Цербера. Геракл по прихоти Эврисфея выволок бедного пса из подземного царства и привел к воротам Микен; там беднягу выпустили, и он ринулся обратно в преисподнюю.

Коренное население Аида представлено различными богами. Среди них — Ночь (Никс, устаревшее русское написание Нюкта) и ее сыновья — Сон (Гипнос) и Смерть (Танатос). Одной из главных богинь подземного царства издревле считалась Гека́та: впрочем, эта богиня настолько многофункциональна, что трудно назвать область деятельности, в которой бы она ни проявила себя. Но главное обиталище Гекаты все же Аид; ее часто сопровождают стигийские собаки. Здесь живут и богини возмездия Эринии; одна из них, Тисифона, раньше охраняла вход в Тартар и ведала пытками нижнего Аида. В середине трина-

дцатого века до н.э. Эринии пытались переквалифицироваться в покровительниц законности и даже приняли новое имя «Эвмениды» (благомыслящие). Растроганная Афина выделила им участок земли и рощу возле своего города, а Эсхил посвятил раскаявшимся богиням трагедию в стихах. Эринии охотно приняли и титул, и земли, и стихи, но по сути все осталось, как было. Спустя шестнадцать веков Данте видел Тисифону в Тартаре на той же должности, к ней присоединились ее сестры. Впрочем, справедливости ради надо признать, что к этому времени Эринии лишились своих земель под Афинами.

Из второстепенных коренных жителей известны описанные Вергилием «бледные Болезни», «унылая Старость», Страх, Нищета, Позор, Голод, Муки и «тягостный Труд». Можно отметить не вполне гуманоидных чудовищ типа Эмпусы, меняющей, согласно Аристофану, свой облик, но в основном имеющей горящее лицо, одну ногу из бронзы и одну — из навоза.

Самая популярная и колоритная фигура в Аиде — перевозчик Харон. На своей лодке он переправляет души через Ахерон, а по некоторым свидетельствам — через Стикс или Стигийские болота. Возможно, у Харона было несколько пристаней и он курсировал между ними, но не исключено также, что место переправы менялось по мере того, как мелели и пересыхали реки Аида. Харон относится к старейшим богам. Даже во времена Энея он был весьма немолод, Вергилий говорил о нем: «Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую силу». Тем не менее, когда через две с половиной тысячи лет Данте с Вергилием пожелали переправиться на другой берег Ахерона, перевозчиком был все тот же Харон, он все так же работал один, хотя поток приезжих многократно увеличился с ростом населения Земли. Интересно, что, хотя античные писатели обычно считают Харона стариком (Сенека называет его «старец, страшный видом, в грязном рубище»), на многих изображениях той же эпохи Харон выглядит крайне молодо. Авторы настоящей книги затрудняются сказать, кто был прав, писатели или художники, и если последнее, то связано ли это с божественной сущностью перевозчика или же было следствием постоянной физической работы на открытом воздухе.

Харон брал за свои услуги небольшую плату — один обол, на эти деньги во времена массового заселения Аида греками можно было купить примерно литр дешевого вина. Впрочем, неизвестно, взымалась ли плата лично Хароном, или это была установленная властями Аида таможенная пошлина (христиане ее отменили). Аристофан в «Лягушках» пишет, что ее ввел Тесей.

Победитель Минотавра попадал в Аид по крайней мере дважды: один раз живым и второй раз — после смерти, последовавшей незадолго до Троянской войны. Первый раз он спустился под землю в качестве свата, сразу же потерял способность к передвижению, и маловероятно, что его волновали в тот момент транспортные и таможенные проблемы. Второй раз Тесей попал в Аид, уже будучи бесплотным духом, но реформы здесь еще не начались, и бывший царь Афин не мог сохранить в загробном мире свое государственное мышление. Остается полагать, что Тесею вернули память и предложили поучаствовать в реорганизации загробного царства при проведении реформ в начале двенадцатого века до н.э. Однако реформы в Аиде проводились с божественной неспешностью: «обола Харона» появляются в погребениях примерно в середине VI века до н.э.

К месту переправы души добирались с помощью Гермеса. Он ведет их, как сообщает Гомер, «темным и затхлым путем», потом души мчатся «мимо струй океанских, скалы левкадийской, мимо ворот Гелиоса и мимо страны сновидений», чтобы в конечном итоге очутиться на асфодельных лугах Ахерона. Интересно отметить, что в пути души пищат, как летучие мыши; попав к месту назначения, они пищать перестают, по крайней мере ни Одиссей, ни Эней никакого писка не отмечали, хотя первый и упоминает «чудовищный крик», стоявший на лугах Ахерона, когда души почуяли жертвенную кровь. Не исключено, что душам, как и летучим мышам, писк помогает ориентироваться в пространстве, когда они совершают непривычный процесс полета, да еще и в новых местах.

С тех пор как в Аиде была введена судебная система, бесменными судьями здесь стали Минос и Радамант. Минос — царь Крита, сын Европы и Зевса, усыновленный царем Астерием и унаследовавший его власть на острове. Радамант —

родной брат Миноса, но, по-видимому, в Аиде такое близкое родство между судьями считалось допустимым; очевидно, важнее оказалось то обстоятельство, что и Минос, и Радамант при жизни были законодателями. Радамант, согласно сообщению Гомера, жил на Елисейских полях, возможно, он осуществлял судопроизводство только в пределах этого региона. Некоторые авторы утверждают, что судьей Аида стал также Эак, отец знаменитого Пелея и дед Ахилла; впрочем, по словам Аполлодора, он был лишь хранителем ключей от Аида.

Правителем царства мертвых после победы Зевса и его братьев над титанами стал брат Зевса, Аид, — греки также называли его Дитом и Плутоном. Вопреки распространенному заблуждению слово «Плутон» возникло задолго до римского завоевания, оно встречается еще у Эсхила и Аристофана. Платон пишет о властителе подземного царства: «Что же до его имени Аид, то многие, я думаю, подозревают, что этим именем обозначается “невидимое”, причем люди, опасаясь такого имени, зовут его Плутоном». Слово «Плутон» перекликается с именем бога богатства Плутоса, это наводит на мысль о том, что Аид был весьма и весьма небеден, в его руках, по-видимому, сосредоточивались все богатства земных недр.

Будучи властителем несметных богатств и полновластным владыкой над мертвыми, Аид тем не менее признавал верховное главенство Зевса и подчинялся брату в тех редких случаях, когда Зевс вмешивался в жизнь загробного царства.

Впрочем, эти вмешательства чаще всего касались лишь судеб отдельных жителей. Так, например, Зевс пожелал сделать своего сына Полидевка богом, но тот захотел поделиться бессмертием с братом-близнецом Кастором; в результате братья по решению Зевса один день проводят под землей, а один — на Олимпе, и Аид не возражает против такого вопиющего нарушения традиций. Другому своему сыну, Гераклу, владыка богов и людей тоже обеспечил бессмертие и тоже сделал это каким-то весьма нетипичным для греков образом. Тень Геракла (или его душа, что для греков одно и то же), как тень простого смертного, была отправлена в царство Аида, а сам Геракл был взят отцом на Олимп и женился на своей единокровной сестре Гебе. Одиссей рассказывал про свою встречу с тенью Геракла в Аиде:

После того я увидел священную силу Геракла, —
 Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе
 В счастья живет и имеет прекраснородыжную Гебу,
 Златообую Герой рожденную дочь Громовержца.

Сам Аид женат на своей племяннице Персефоне, дочери богини плодородия Деметры и ее брата Зевса. Аид понимал, что Деметра не отдаст за него дочь, поэтому тайно от нее обратился со сватовством к Зевсу. Владыка богов и людей не возражал, и однажды, когда юная Персефона собирала луговые цветы, Аид попросту похитил ее на своей конной упряжке. В отместку возмущенная Деметра отказалась исполнять свои обязанности богини плодородия, и всякое плодородие на земле прекратилось, а с ним прекратились и жертвы богам. В конечном итоге Деметра, Зевс и Аид пришли к соглашению, что Персефона часть года будет проводить у мужа, в царстве Аида, а часть — на земле, с матерью. Таким образом, брак Аида и Персефоны можно назвать «гостевым» — популярная форма в сегодняшней Европе, предвосхищенная подземными богами.

Брак Аида и Персефоны — бездетный. Правда, представители религиозно-философского учения орфиков утверждали, что Персефона родила от Аида богинь мщения Эриний, но, поскольку существуют еще по крайней мере две версии происхождения Эриний, нет особых оснований возводить их родословную к владыкам загробного царства. Что касается Персефоны, то у нее есть внебрачные дети. От Зевса она родила Диониса-Загрея (Сабасия), растерзанного титанами. Но еще до гибели сына Персефона от кровосмесительной связи с ним родила Иакха-Диониса и Кору-Персефону... У Персефоны существуют не вполне понятные отношения с Адонисом: формально он никогда не был ее любовником, но тем не менее Персефона ежегодно на несколько месяцев удерживает юношу в подземном царстве, хотя его и ожидает на земле Афродита, поссорившаяся с Персефоновой в результате этой истории.

Все это дает основания думать, что Аид — крайне покладистый муж. Столь же покладист он, судя по всему, и как политик. Когда в загробном мире греков стали выделяться тер-

ритории с правами автономии — Елисейские поля, Аид не сопротивлялся и не стал навязывать им свою юрисдикцию. По некоторым сведениям, земли эти попали в конечном итоге под власть Крона, частично амнистированного Зевсом.

Начало заселения Елисейских полей, или Островов Блаженных, предположительно связано с временами Троянской войны. О них пишет Гомер (хотя существует мнение, что это позднейшая вставка). По сообщению Гомера, вещий старец Протей предсказал Менелая:

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
 В конепитательном Аргосе ты не подвергнешься смерти.
 Будешь ты послан богами в поля Елисейские, к самым
 Крайним пределам земли, где живет Радамант русокудрый.
 В этих местах человека легчайшая жизнь ожидает.
 Нет ни дождя там, ни снега, ни бурь не бывает жестоких.
 Вечно там Океан бодрящим дыханьем Зефира
 Веет с дующим свистом, чтоб людям прохладу доставить.
 Ибо супруг ты Елены и зятем приходишься Зевсу.

Есть основания думать, что Острова Блаженных не составляли один архипелаг, а были разбросаны, причем по разным климатическим зонам. Павсаний сообщает, что Елена после смерти была перенесена на остров Левка (современный остров Змеиный*, напротив устья Дуная). Остров Змеиный отнюдь не похож на Елисейские поля, описанные божественным старцем Протеем. Достаточно вспомнить, что позднее в эти места — суровую северную окраину ойкумены — ссылали опальных граждан римские императоры. Неподалеку, в Томах, в первые годы новой эры томился от холода и варварства Публий Овидий Назон. Теплым курортом черноморское побережье считают лишь жители северной России, при-

---

*В нашей книге «История загробного мира» этот остров ошибочно назван «Березань»; в действительности остров Березань находится в устье Днепра. Авторам остается утешаться тем, что эти острова путали и античные писатели (подробней см.: *Азбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинного. М., 1985. Глава «Остров Борисфен»).

чем только летом. Все это наводит на мысли, что Менелай и Елена попали на разные острова и что Елисейские поля были построены по тому же принципу, что и описанный Данте рай: слабо связанные друг с другом регионы, каждый из которых предназначен для праведников одного вида. При распределении семейные связи во внимание не принимаются.

Тот же Павсаний пишет, что Елена, попав на остров Левку, вышла замуж за Ахилла. Информация о том, что жители Елисейских полей могли вступать в браки, подтверждается Аполлодором (правда, он называет загробной женой Ахилла Медею, но у знаменитого воителя могло быть и несколько жен). Особо надо отметить, что, хотя некоторые переселенцы и попадали на Острова живыми, Ахилл, во всяком случае, умер и был похоронен, что не помешало ему дважды связать себя узами брака уже после смерти. Интересно, что Елена в этой ситуации предпочла его «телесному» Менелаю, который, согласно Гомеру, был перенесен на Елисейские поля при жизни. Но Менелай, уставший от десятилетней Троянской войны, не стал вторично настаивать на возвращении супруги.

Надо отметить, что Пенелопа, несмотря на свою прославленную в веках верность, на Островах Блаженных была женой Телегона, сына Одиссея от Цирцеи. Об этом сообщает тот же Аполлодор (впрочем, Пенелопа и Телегон, в отличие от Елены и Ахилла, вступили в брак еще при жизни). В защиту царицы надо сказать, что не выйди Пенелопа за Телегона, ей пришлось бы коротать вечность в одиночестве, поскольку Одиссей, безусловно, не мог попасть на Острова Блаженных.

В общественном сознании Одиссей, с легкой руки Гомера, считался образцом разнообразных добродетелей. Но великому поэту простительно испытывать слабость к своим героям, что же касается судей, то у них существуют другие критерии. Минос и Радамант не могли не знать подробностей жизни Одиссея, которые почему-то ускользнули от внимания читающей публики. Они не могли, например, не помнить о том, что царь Итаки, посоветовавший отцу Елены связать женихов клятвой о помощи избраннику и сам давший эту клятву, позднее постыднейшим образом пытался отвертеться от участия в Троянской войне, симулируя безумие, — об этом сообщают многие античные авторы, в том числе Аполлодор

в своей «Мифологической библиотеке», Овидий в «Метаморфозах» и Софокл в не дошедшей до нас трагедии «Одиссей безумствующий».

Плыть на войну Одиссею все-таки пришлось. С эскадрой ахейских кораблей он прибывает к берегам Трояды. Здесь обнаруживается, что никто из греков не хочет первым сходить на землю: предсказано, что смельчак первым падет в битве. Тогда Одиссей бросает на землю щит и прыгает на него. Таким образом он избегает смерти и обрекает на нее прыгнувшего следом Протесилая.

В стане ахейцев Одиссей, раздраженный тем, что Паламед оспаривает у него титул самого хитроумного, фабрикует поддельную переписку Паламеда с Приамом, и греки казнят своего товарища по оружию, обвинив его в измене. Гомер умалчивает о преступлении любимца Афины, но об этом сообщают другие античные авторы, например Аполлодор и Ксенофонт. Безвинно погибшему Паламеду Эсхил, Софокл и Еврипид посвятили трагедии, дошедшие до нас в отрывках.

По окончании войны в пещере Полифема Одиссей, рассчитывая на подарки от хозяина, отказывается увести своих спутников на корабль, и циклоп пожирает нескольких из них. Впрочем, царь Итаки, согласно Гомеру, без особых угрызений вспоминает этот эпизод:

Я не послушался их, а намного б то выгодней было!
Видеть его мне хотелось — не даст ли чего мне в подарок.

Вернувшись домой, Одиссей, вместо того чтобы выгнать неудалых женихов из дома или в крайнем случае вызвать их предводителя, Антиноя, на поединок, решает перебить несчастных юношей безоружными. Он приказывает тайно вынести из мегарона оружие, и лишь по случайности у женихов оказывается несколько копий (впрочем, это им не помогло).

Хладнокровно перебив 136 юношей, а заодно и прорицателя Леода, который был ни при чем, но подвернулся под руку, Одиссей в ту же ночь устраивает показательную казнь двенадцати своих рабынь. Он вешает их без суда и следствия, единственно по навету няньки Эвриклеи, которая сказала:

Есть двенадцать средь них, пошедших бесстыдной дорогой.
Не почитают они ни меня, ни саму Пенелопу.

К казни непочтительных рабынь Одиссей привлекает своего сына, который знал этих женщин с пеленок и вырос с ними в одном доме. Пастуху Меланфию, принявшему сторону женихов, пришлось еще хуже:

Уши и нос отрубили ему беспощадною медью,
Вырвали срам, чтоб сырым его бросить на пищу собакам,
Руки и ноги потом в озлоблении яром отсекли.

По завершении расправы Одиссей приказывает оставшимся в живых рабыням инсценировать в доме веселый праздник (среди трупов своих подруг!) для обмана горожан. Сам же он отправился с Пенелопой в опочивальню, где «ложем супруги своей и сладостным сном насладился».

Список «деяний» знаменитого царя Итаки, которого Гомер по странной игре фантазии называет «богоравным», можно было бы продолжить. Во всяком случае, Минос с Радамантом, видимо, имели на этот счет точку зрения, отличную от Гомеровой, и, судя по всему, на Елисейские поля Одиссей не попал. Забегая вперед, скажем, что Данте встретит его в восьмом круге ада. Поскольку в католическом аду правосудие было доверено тому же Миносу (он взмахами хвоста назначал грешникам номер круга), есть основания думать, что и в Аиде Одиссей нес заслуженное наказание.

Елисейские поля подробно описаны у Вергилия, и это означает, что они уже существовали во времена Энея. Прародитель римлян попал сюда непосредственно из Аида, Вергилий подчеркивает, что для возвращения в мир живых надо «подняться на землю». Тем не менее эта местность описывается как «радостный край», где «солнце сияет свое, и свои загораются звезды». Это наводит на мысль, что территория полей, равно как и ведущий сюда путь, находятся в особой области пространства и их невозможно описать в рамках евклидовой геометрии (в ранее описанных подземных царствах солнце, как правило, сияет то же самое, что и над землей, оно спускается сюда ночью, а звезд нет совсем). Эней отмечает багряный

свет солнца; это дает основания думать, что либо солнце Елисейских полей имеет другой спектр излучения, либо слой атмосферы здесь толще, чем в мире живых, что и ведет к искажению цвета. На последнее намекает и Вергилий: «Здесь над полями высок эфир». Конечно, можно было бы допустить, что блаженная обитель попросту располагалась в другой планетной системе, но это маловероятно. Медное (или железное) небо в те времена находилось, согласно подсчетам, вытекающим из свидетельства Гомера, в ста тысячах километров от Земли; известная грекам вселенная этим небом ограничивалась, и трудно представить себе души, совершающие прорыв за ее пределы.

Вергилий подробно описывает быт и нравы населения Елисейских полей. Умершие пребывают здесь вполне «телесно» и даже «тело себе упражняют». Люди ведут тот же образ жизни, что и до смерти, и имеют возможность заниматься любимым делом:

...Если кто при жизни оружие
И колесницы любил, если кто с особым пристрастьем
Резвых коней разводил, — получает все то же за гробом.

Население преимущественно проводит время в спортивных состязаниях (любимый вид спорта — борьба в палестре), музицировании, пении, плясках и пирах. Существует некое подобие животноводства: «кони вольно пасутся в полях». А вот зодчество, даже самое примитивное, отсутствует полностью. Живущий здесь Мусей (сын знаменитого Орфея) говорит:

Нет обиталищ у нас постоянных: по рощам тенистым
Мы живем; у ручьев, где свежей трава луговая, —
Наши дома...

Уже во времена, непосредственно следующие за Троянской войной, возможно, в связи с тем, что мощный поток вновь прибывших (в том числе вызванный военными действиями) привел к перенаселению загробного мира, здесь появилось новшество: некоторые души отправлялись обратно,

в мир живых, с предоставлением нового тела. Подобное, по словам Вергилия, наблюдал Эней на Елисейских полях, на острове, обтекаемом Летой. Этот небольшой лесной остров, заросший густыми кустами, был переполнен огромным количеством душ, ожидающих перерождения и пьющих «летейскую влагу» для того, чтобы уничтожить память о прошлой земной и загробной жизни. Интересно, что души эти принадлежали не только грекам, но различным «племенам и народам». Присутствовавший здесь покойный отец Энея Анхиз так объяснил происходящее:

Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело...

.....
Даже тогда, когда жизнь их в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубоко в них вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться надолго не может.
Кару нести потому и должны они все — чтобы мукой
Прошлое зло искупить. Одни, овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.
Маны любого из нас понесут свое наказание,
Чтобы немногим затем перейти в простор Элизийский.
Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки, —
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
Времени бег круговой отмерит десять столетий, —
Души тогда к Летейским волнам божество призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться.

Таким образом, судя по всему, в загробном царстве греков наметилось некое подобие описанного выше круговорота сансары. Умершие, пройдя в Аиде очищение муками, некоторое время наслаждались блаженством в Елисейских полях, но потом вновь отправлялись на землю в смертном теле. Употребление Вергилием латинского слова «маны» (души) является случайным анахронизмом и не должно смущать читателя.

Не известно, через кого Эней передал Вергилию, жившему на двенадцать веков позднее, информацию о своем путешествии. Возможно, его записки или устные предания хранились в патрицианском роду Юлиев, потомков Энея; в таком случае они должны были дойти до Октавиана, усыновленного Юлием Цезарем. Став императором, Октавиан Август заказал Вергилию поэму об пращуре римлян Энее; естественно думать, что он передал поэту и соответствующие материалы из семейных архивов.

Но информация о переселении душ просачивалась в мир живых и через другие источники и находила новых и новых последователей.

Одним из первых людей, положивших начало традиции переселения, стал знаменитый певец Орфей. После своего шумевшего схождения в Аид за Эвридикой Орфей, как известно, довольно скоро погиб (был растерзан вакханками), затем попал в Аид уже на постоянное жительство и воссоединился с женой. Однако эта судьба не удовлетворила мятежную душу музыканта (возможно, еще и потому, что в то время Елисейские поля не были освоены и жители Аида влачили унылое существование). Орфей каким-то образом выбрался из загробного мира и стал рождаться заново в новых телах, пропагандируя при этом учение метемпсихоза и положив начало мистической школе орфиков. Платон пишет, что в середине четвертого века до н.э. некто Эр, сын Армении, повстречал душу Орфея в месте, где умершим предлагались на выбор новые тела, — в тот раз музыкант выбрал тело лебедя. Он объяснил свое решение тем, что разочаровался в женщинах и не хочет рождаться на свет с их помощью. Интересно, что присутствовавшая тут же душа лебедя избрала человеческий жребий. Вообще говоря, душам положено было перед получением нового тела провести в Аиде тысячу лет, но есть основания думать, что Орфей обошел этот закон, поскольку в предыдущий раз он жил в тринадцатом веке до н.э. (участвовал в походе аргонавтов), а в шестом веке до н.э. школа орфиков уже пользовалась заметным влиянием.

Традиции орфиков продолжили пифагорейцы. Сам Пифагор, родившись впервые от божественного отца Гермеса, сменил несколько человеческих, животных и растительных тел,

участвовал в Троянской войне (на стороне троянцев) в лице Эвфорба и лишь в шестом веке до н.э. воплотился в великого философа и математика. В процессе своих перевоплощений ему доводилось навещать Аид, и он видел Гесиода и Гомера, которые, по его словам, претерпевали там немалые страдания за свои рассказы о богах. Пифагор (точнее, Эфалид — его первое воплощение) попросил Гермеса сохранить ему память о прошлых жизнях. Пифагорейцы попроще такой привилегией не пользовались, но это не мешало знаменитому Эмпедоклу утверждать:

Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
Был и кустом, был и птицей, и рыбой морской бессловесной.

И если поначалу перевоплощения были достоянием избранных, то в четвертом веке до н.э. Платон в своих диалогах познакомил с этой возможностью широкую древнегреческую публику. Опираясь на слова уже упомянутого Эра, который воскрес на двенадцатый день после смерти, лежа на погребальном костре, Платон в «Государстве» подробно описывает сложную процедуру сортировки душ и жеребьевки. Умерев, душа отправляется к некоему «божественному месту», где вершится суд. Здесь имеются две расселины в земле, по одной из них почившие души поднимаются к судилищу, а по другой души, обреченные Аиду, отправляются к месту своего загробного воздаяния. В небесах тоже зияют две расселины аналогичного предназначения. «Устье» Аида, ведущее к судилищу, не выпускает грешников из-под земли, пока они не наказаны в должной степени. Платон описывает горестную судьбу Ардиея, тирана одного из городов в Памфилии, который рискнул приблизиться к выходу раньше положенного срока, но устье его и ему подобных не принимало и издавало рев, на который сбегались «дикие люди с огненным обличем». Злосчастного Ардиея с сотоварищами не только немедленно изловили и связали по рукам и ногам, но и «накинули им петлю на шею, повалили наземь, содрали с них кожу и поволокли по бездорожью, по вонзающимся колючкам, причем всем встречным объясняли, за что такая казнь, и говорили, что сбросят этих преступников в Тартар».

Не известно, действительно ли Ардией был низвергнут в Тартар, или это было лишь средством пушного устрашения. Но в конце концов все души: те, чье наказание в Аиде завершилось, равно как и те, чье пребывание на небесах подошло к концу, — собирались возле веретена Ананки, матери Мойр. Здесь в толпу душ выкидывались номерки и перед собравшимися раскладывались «образчики жизней в количестве значительно большем, чем число присутствующих». Несмотря на то что Ананка считается богиней неизбежности, душам был предоставлен достаточно свободный и обширный выбор, предварявшийся объявлением: «Даже для того, кто приступит последним к выбору, имеется здесь приятная жизнь, совсем не плохая, если произвести выбор с умом и жить строго. Кто выбирает вначале, не будь невнимательным, а кто в конце, не отчаивайся!» Выбирать действительно было из чего: Эр видел жребии и пожизненных тиранов («тирания» была лишь формой правления; упомянутый Ардией страдал не за нее, а за убийства родственников), и людей, славных своей родовитостью, красотой и доблестью предков. По-видимому, личную доблесть жребий не предлагал и ее следовало заслужить самостоятельно. Были здесь и жребии животных: льва, лебедя, обезьяны, орла, соловья, — на них нашлись желающие из числа знаменитых героев времен Троянской войны, о которых Эр читал в книгах и которых теперь встретил лично. Путешественник с интересом описывает и встречу с Одиссеем:

«Случайно самой последней из всех выпал жребий идти выбирать душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец она насилу нашла ее, где-то валявшуюся: все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, сразу же избрала себе, сказав, что то же самое она сделала бы и в том случае, если бы ей выпал первый жребий».

После окончания жеребьевки души отправлялись на равнину Леты. Эр не сообщил Платону (по крайней мере, Платон об этом умалчивает), где именно расположена равнина, но известно, что здесь царят «жара и страшный зной», а также «нет ни деревьев, ни другой растительности». Несмотря на то что равнина носит имя одной из главных рек загробно-

го мира, протекает здесь малоизвестная и, видимо, небольшая река Амелет (возможно, приток или старица пересохшей Леты), вода которой имеет две интересных особенности: она «не может удержаться ни в каком сосуде» и она дает забвение. Мучимые жаждой души пьют воду, забывают о прежней жизни и в полночь, под грохот землетрясения, отправляются в свои новые тела... Скудные географические сведения Платона не позволяют уверенно привязать его «равнину Леты» к карте земного мира. Но известен тип местности, где она могла бы находиться: это пустыня с высокой сейсмической активностью, пересекаемая, очевидно, немногочисленной рекой с лишенной зелени долиной. Этим условиям удовлетворяет, например, пустыня Такла-Макан между горными цепями Кунь-Лун и Тянь-Шань и протекающая через нее река Тарим, долина которой в среднем течении лишена растительности.

О судьбе душ, которые до своего перевоплощения пребывали на небе, тот же Платон достаточно подробно пишет в диалоге «Федр». Всякая душа имеет крылья, но сила и надежность их зависят от достоинств самой души. Лучшие из душ взлетают на «небесный хребет», и вращающийся небесный свод несет их «в круговом движении», поднимая в «Занебесную область». Эту область занимает «бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность», в которой, несмотря на всю ее бесцветность (или сообразно с ней), заключены разнообразные добродетели. Созерцать оное бесцветное совершенство в полном спокойствии и благолепии доступно лишь богам; наиболее достойные смертные сюда хотя и поднимаются, но с немалыми препятствиями и в некотором смятении духа. Что же касается основной массы праведников (грешников отсеяли на суде), то их души, несмотря на все свои достоинства, «жадно стремятся кверху, но это им не под силу, и они носятся по кругу в глубине, топчут друг друга, напирают, пытаются опередить одна другую. И вот возникает смятение, борьба, от напряжения их бросает в пот... Многие калечатся, у многих часто ломаются крылья». Потерявшая крылья душа «носитя, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, — тогда она вселяется туда, получив земное тело» (по-видимому, вселяясь в плод в утробе матери).

Души, способные на контролируемый спуск, получают возможность выбора. Позднее, в том же «Федре», Платон пишет: «Душа, видевшая всего больше, попадает в плод будущего поклонника мудрости и красоты или человека, преданного Музам и любви; вторая за ней — в плод царя, соблюдающего законы, в человека воинственного или способного управлять; третья — в плод государственного деятеля... Во всех этих призваниях тот, кто проживет, соблюдая справедливости получит лучшую долю, а кто ее нарушит — худшую». О том, как этот процесс согласуется с описанным выше процессом жеребьевки, Платон не рассказывает.

Отдельные римские поселенцы проникали на территорию Аида еще во втором тысячелетии до н.э. Уже упоминавшийся нами Эней, спустившийся в Аид с помощью кумской сивиллы, встретил здесь своего соратника Палинура, а в Елисейских полях — своего отца Анхиза. Но в те далекие времена, когда до основания Рима оставалось еще несколько столетий, и Палинур, и Анхиз, и сам Эней, уже будучи связанными с нарождающейся латинской традицией (напомним, что Анхиз и Эней стали прародителями римлян), еще не успели отойти от троянского вероисповедания, которое, если верить Гомеру, полностью совпадало с греческим.

К тому времени, как был основан Вечный город, римляне, отказавшись от греческого царства мертвых, создать свое собственное толком не сумели. Их души, называемые манами, обитали под землей в неблагоустроенном и малоисследованном царстве, управляемом второстепенным богом Вейовисом. В его владения вел единственный вход, находившийся на римском форуме и заваленный камнем. Трижды в год (24 августа, 6 октября и 8 ноября) его открывали, давая манам возможность погулять по земле.

Манам приносили жертвы, впрочем очень скромные. Овидий пишет в «Фастах»:

Рады они черепкам, увитым скромным веночком,
Горсточке малой зерна, соли крупинке одной,
Хлеба кусочку в вине, лепесткам цветущих фиалок:
Все это брось в черепке посередине дорог.

От земных грехов и подвигов судьба умерших римлян мало зависела, а об их занятиях и образе жизни в загробном мире сведений практически не сохранилось. Правда, особо выдающиеся покойники могли стать «ларами» — божествами-покровителями семьи или даже государства в целом. Разница между манами и ларами мало уловима, их часто путали. Но в целом судьба ларов была, видимо, предпочтительнее: они жили не в темном подземелье, а в специальных шкафчиках-ларариях, стоявших возле очага. Римляне периодически открывали дверцы шкафчиков, например, чтобы лары могли принять участие в семейном празднике. Для них ставили пищу и питье, а по праздникам жилища ларов украшали цветами.

Что же касается покойников особо зловредных либо непогребенных, они могли превратиться в лемууров (ларвов). Им был посвящен праздник Лемурий, который отмечался три ночи: 9, 11 и 13 мая. Лемууров кормили черными бобами и потом изгоняли при помощи грохота медных тазов, которыми ударяли друг о друга. Впрочем, лемуры, как и обычные маны, жили под землей и не слишком часто навещали живых.

Когда римляне обрели силу на земле, такие скромные условия загробной жизни уже не могли удовлетворять жителей Вечного города. С завоеванием Греции Римом во втором веке до нашей эры началась колонизация — как наземной Эллады, так и Аида и Елисейских полей (римляне называли их Элизium). Но надо отметить, что в этом случае римляне в полной мере соблюли основной принцип, который они проводили в жизнь в завоеванных провинциях: они строили мосты и дороги, следили за соблюдением порядка, но при этом не вмешивались в религиозную жизнь населения и сохраняли местное самоуправление и существующую систему власти (при подчинении ее метрополии). Все это мы видим в Аиде времен римского владычества. Здесь был наведен определенный порядок, построены дороги и великолепные мосты (многочисленные мосты над Злыми Щелями описывает Данте; правда, к его времени они были частично разрушены землетрясением рубежа 20–30-х годов). Царь Аид сохранил свою власть, но подчинялся метрополии. Информация о прокураторе Аида до нас не дошла, есть основания думать, что эта должность была поручена самому Аиду: он принял римское гражданство

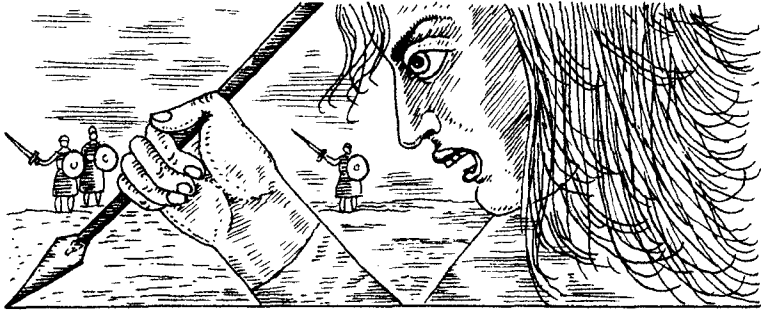

и римские имена Орк и Диспатер, его жена Персефона стала Прозерпиной.

Обычно римляне облагали свои провинции налогами, и немалыми. Сведений о сборе налогов в Аиде не сохранилось (хотя традиционная въездная пошлина была сохранена).

Римляне очень недолго хозяйничали в Аиде. Римская империя рухнула под натиском варваров в пятом веке н.э., но еще в те времена, когда римляне были полновластными владыками в мире живых, их царство мертвых стало заселяться представителями новой религии — христианства. В 313 году император Константин Великий Миланским эдиктом окончательно признал за христианами право на отправление религиозных обрядов, а значит — на заселение Аида (который они считали своим адом после сошествия туда Христа) и рая. В конце четвертого века христианство одержало полную и окончательную победу на всей территории Римской империи как на земле, так и под землей. В Восточной империи это было юридически закреплено стараниями императора Феодосия I, который с 381 по 392 год издал на этот счет целый ряд указов и распорядился о закрытии храмов. Поначалу его рвение распространялось только на восток империи, но в 394-м власть Феодосия распространилась и на запад. В Риме был потушен священный огонь Весты, эллинский Аид окончательно стал христианским адом, а судьба Елисейских полей остается невыясненной. Возможно, они были стерты с лица Европы ордами варваров в начале пятого века.

Вальгалла и ее соседи (языческая Европа)

Следующими после Аида по значимости, изученности и, вероятно, численности населения загробными государствами Европы можно назвать германо-скандинавские царства мертвых, Вальгаллу и Хель (оно же — Нифльхель, или Нифльхейм, Страна мрака). Подробные сведения о них сохранила скандинавская литература. Можно предположить, что древние германцы отправлялись в тот же самый загробный мир, что и скандинавы, поскольку известно, что они имели общих богов.

Вальгалла предназначалась для воинов, павших в битве. Она находилась на небесах, в городе богов Асгарде, непосредственно в палатах верховного бога Одина, но жизнь там была полна не небесных, а самых земных радостей. Царство Хель располагалось под землей и удовольствиями не изобиловало; сюда попадали все остальные.

Регионы эти, хотя и заселялись выходцами с одних и тех же земных территорий и управлялись достаточно близкими родственниками, были совершенно независимы. Хель, хозяйка одноименного подземного царства, состояла в родстве с верховным богом Одинем: была дочерью Локи, который

в «Младшей Эдде» назван братом Бюлейста (эпитет Одина). Согласно «Старшей Эдде», Локи — побратим Одина, смешавший с ним свою кровь. Но будь это родство или побратимство, дочь Локи, безусловно, была не чужим человеком, точнее, богом для главы скандинавского пантеона. Да и на царство ее поставил Один, «дабы она давала приют у себя всем, кто к ней послан». Однако, несмотря на такую, казалось бы, тесную связь с небесными богами, асами, Хель не допускала никакого вмешательства асов, включая и самого Одина, в жизнь подземного мира. Когда юный бог Бальдр, сын Одина, погиб от руки нечаянного убийцы и попал в царство Хель, она отказалась отпустить своего двоюродного брата (и сына верховного бога!) обратно, несмотря на горе всех асов и на их ходатайство.

Царица приняла Бальдра вполне по-родственному: для него заранее был сварен светлый мед, устланы кольчугами скамьи и «золотом пол усыпан красиво». Когда ходатай от богов, Хермод, прибыл просить за покойного, он увидел Бальдра, сидящего в палатах Хель на почетном месте. Тем не менее никакие уверения Хермода, что у асов стоит по усопшему богу «плач великий», не тронули черствого сердца царицы. Она согласилась отпустить пленника, но выдвинула маловыполнимое условие: «Всё что ни есть на земле живого иль мертвого будет плакать по Бальдру». Как сообщает «Младшая Эдда», «все так и сделали: люди и звери, земля и камни, деревья и все металлы». Не стала плакать лишь великанша Тёкк, в которую превратился отец Хель, коварный бог Локи. Это дало царице формальный повод отказаться от обещания и оставить Бальдра у себя.

Несмотря на то что Хель — дочь одного из верховных асов, она не блистает физическими данными; автор «Младшей Эдды», Снорри Стурлусон, пишет, что «она наполовину синяя, а наполовину — цвета мяса, и ее легко признать, потому что она сутулится и вид у нее свирепый». Впрочем, родные братья и сестры Хель, другие дети Локи и Ангброды, тоже не слишком удались: это свирепый волк Фенрир и Мировой Змей Ёрмунганд, опоясывающий всю землю и кусающий сам себя за хвост. Еще один брат Хель — восьминогий конь Слейпнир, его можно было бы назвать братом царицы по отцу, но дело в том, что Локи, действительно бывший отцом для большин-

ства своих детей, для Слейпнира оказался матерью — он родил его в бытность свою кобылой.

Царство Хель лежит в глубинах земли, под одним из корней мирового древа Иггдрасиль, принадлежащего к породе ясеней. Три корня этого дерева раскинулись практически по всему мирозданию; по поводу того, куда простираются два из них, «Старшая» и «Младшая» Эдды противоречат друг другу, но касательно третьего корня никаких сомнений нет: под ним залегает Нифльхейм, Страна мрака. Корень этот уходит на север, где и находятся чертоги Хель. Впрочем, подвластная ей территория начинается, видимо, от самого ствола Иггдрасиля: именно там, у его основания, обитает дракон Нидхёгг, который, по сообщению «Старшей Эдды», глодает трупы умерших и терзает мужей. Сюда, на растерзание дракону, поступают «поправшие клятвы, убийцы подлые и те, кто жен чужих соблазняет». Дракон находится в давней вражде с орлом, живущим на том же дереве, но в ветвях. Заботы по истязанию грешников не мешают дракону вести с орлом бурную словесную перепалку, а поскольку мировое древо достаточно высокое и переругиваться на таком расстоянии не вполне удобно, специально обученная белка Рататоск «снует вверх и вниз по ясеню и переносит бранные слова, которыми осыпают друг друга орел и дракон Нидхёгг».

Однако основные территории и парадные ворота Хель находятся на почтительном расстоянии от центра мироздания; уже упомянутый Хермод, направляясь в царство мертвых, «скакал девять ночей темными и глубокими долинами». На подступах к Нифльхейму путь ему преградила река Гьёлль, что значит «шумная». Мост через реку был выстлан золотом, причем охраняла его единственная дева по имени Модгуд. Впрочем, подданные Хель золото, судя по всему, ценили не слишком высоко (царица посыпала им полы), а другие путники сюда, естественно, не заезжали, и удивленная Модгуд встретила Хермода словами: «...не похож ты с лица на мертвого. Зачем же ты едешь сюда, по Дороге в Хель?»

От моста «Дорога в Хель идет вниз и к северу». Хермод преодолел весь путь на коне, и это дает основание думать, что Хель лежит не слишком глубоко под землей, по крайней мере, ни в какие пропасти путнику спускаться не пришлось. «Стар-

шая Эдда» сообщает, что Брюнхильд, покончившая с собой воительница (по некоторым данным — валькирия), ехала по этой дороге в повозке, которую предварительно вместе с ней сожгли на погребальном костре.

Дорога упирается в решетчатые ворота, за которыми лежит резиденция Хель. Возможно, именно здесь привязан в пещере знаменитый пес Гарм, которому предстоит своим лаем возвестить начало Рагнарёка — последней битвы богов. Владения Хель во многом похожи на ад, Снорри Стурлусон пишет: «Там у нее большие селенья, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки. Мокрая Морось зовутся ее палаты, Голод — ее блюдо, Истощение — ее нож, Лежебока — слуга, Соня — служанка, Напасть — падающая на пол решетка, Одр Болезни — постель, Злая Кручина — полог ее». И тем не менее попадают сюда отнюдь не за грехи: в Нифльхель собраны «люди, умершие от болезней или от старости». Среди них могут быть и праведники, и воины, если только они не погибли в битве. Даже великий воитель Сигурд, чьи подвиги описаны в «Старшей Эдде», «Саге о Вёльсунгах» и других сказаниях, обречен на Хель, поскольку был убит по одним источникам — в дороге, по другим — в своей постели, но, во всяком случае, не успев оказать сопротивления.

Любящая Сигурда Брюнхильд не питает никаких иллюзий по поводу загробной судьбы своего возлюбленного и не надеется встретить его в Вальгалле. Она отправляется за ним прямо в Хель, сообщив встреченной по дороге великанше: «С Сигурдом я теперь не расстанусь!» Для того чтобы попасть в Хель, бывшая валькирия кончает жизнь самоубийством. Умирает она, как воин: надевает кольчугу и пронзает себя мечом. Но, несмотря на меч в руке, путь ее лежит прямо в преисподнюю: одна из песен «Старшей Эдды» так и называется «Поездка Брюнхильд в Хель». Надо отметить, что, прежде чем отправиться в последний путь, Брюнхильд пыталась увлечь за собой своих служанок, соблазняя их золотыми запястьями, узорчатыми покрывалами и пестрыми тканями. Это дает основания думать, что жизнь в «Мокрой Мороси» была все же не так беспросветна, как это рисует Снорри Стурлусон, и что кто-то мог отправиться туда добровольно, прельстившись богатыми подарками. Правда, ни одна из служанок Брюнхильд

не захотела составить компанию своей госпоже. Они прямо сказали: «Довольно убитых! Жизнь дорога нам!» Брюнхильд согласилась с их доводами. Тем не менее, собираясь в последний путь и давая указания по поводу своего с Сигурдом погребального костра, она заявила:

Пять рабынь мы возьмем
И слуг восьмерых
Высокого рода
С собой на костер.

Но не исключено, что добросердечная валькирия имела в виду уже погибших слуг, — ранее в песне упоминались мертвые служанки, которые, судя по всему, пали случайными жертвами при убийстве Сигурда.

Хотя служанки Брюнхильд и оказались несговорчивыми, известно, что женщины нередко отправлялись в загробный мир скандинавов добровольно. Ахмед Ибн Фадлан, арабский дипломат десятого века, подробно описывает похороны знатного норманна:

«Если умрет главарь, то его семья скажет его девушкам и его отрокам: “Кто из вас умрет вместе с ним?” Говорит кто-либо из них: “Я”. И если он сказал это, то [это] уже обязательно, — ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. Большинство из тех, кто это делает, — девушки. И вот когда умер тот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: “Кто умрет вместе с ним?” И сказала одна из них: “Я”. Итак, ее поручили двум девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею, куда бы она ни пошла, настолько, что они иногда [даже] мыли ей ноги своими руками. И они [родственники] принялись за его дело, — за кройку для него одежду и устройство того, что ему нужно».

Далее Ибн Фадлан подробнейшим образом описывает процесс похорон и сопутствующих жертвоприношений. Покойного поместили во временной могиле, а родственники и друзья тем временем снаряжали корабль для отправки усопшего в последний путь. Корабль поставили на специальный помост, на палубу внесли скамью и покрыли ее стегаными мат-

рацами, подушками и византийской парчой. Рядом с кораблем соорудили нечто вроде ворот, которые вели в загробный мир. Попасть в него через эти ворота было затруднительно, но зато через них можно было туда заглянуть.

В день похорон покойного нарядили в парадную одежду и внесли на корабль. С ним положили его оружие, закололи собак, коней, коров, кур... Девушку трижды подняли над воротами, ведущими в загробный мир, и дали ей возможность разглядеть, что же там происходит.

«Она сказала в первый раз, когда ее подняли: “Вот я вижу своего отца и свою мать”, — и сказала во второй раз: “Вот все мои умершие родственники, сидящие”, — и сказала в третий раз: “Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, — так ведите же меня к нему”».

Судя по всему, обитатели Вальгаллы и Хель не требовали верности от своих спутниц. По крайней мере, друзья и родственники покойного, которые поочередно совокуплялись с обреченной девушкой, утверждали, что делают это из любви и дружбы к усопшему, о чем и просили ему сообщить.

Для описания дальнейших событий предоставим слово Ибн Фадлану:

«После этого та группа [людей], которые перед тем уже сочтались с девушкой, делают свои руки усталанной дорогой для девушки, чтобы девушка, поставив ноги на ладони их рук, прошла на корабль. Но они [еще] не ввели ее в шалаш. Пришли мужи, [неся] с собою щиты и палки, а ей подали кубком набиз (алкогольный напиток — *О. И.*). Она же запела над ним и выпила его. И сказал мне переводчик, что она этим прощается со своими подругами. Потом ей был подан другой кубок, она же взяла его и долго тянула песню, в то время как старуха торопила ее выпить его и войти в палатку, в которой [находился] ее господин.

И я увидел, что она растерялась, захотела войти в шалаш, но всунула свою голову между ним и кораблем. Тогда старуха схватила ее голову и всунула ее [голову] в шалаш, и вошла вместе с ней, а мужи начали ударять палками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, вследствие чего обеспокоились бы другие девушки и перестали бы стремиться к смерти

вместе со своими господами. Затем вошли в шалаш шесть мужей из [числа] родственников ее мужа и все [до одного] сочтались с девушкой в присутствии умершего. Затем, как только они покончили с осуществлением [своих] прав любви, уложили ее рядом с ее господином. Двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, пришла старуха, называемая ангел смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум [мужам], чтобы они ее тянули, и приступила [к делу], имея [в руке] огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее у огня...»

Корабль сожгли. Трудно сказать, куда отправились умершие, в Вальгаллу или в Хель. Судя по тому, что пишет Ибн Фадлан, покойный норманн умер не в битве (автор не умолчал бы об этом), а в своей постели. Это означает, что вход в Вальгаллу был для него и его спутницы закрыт и они могли рассчитывать в лучшем случае на более или менее достойное место в преисподней. Однако обилие ценностей, взятых ими с собой, и радость девушки, которая, по словам Ибн Фадлана, в преддверии похорон «каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему», дают основания думать, что жизнь в преисподней тоже может быть не лишена земных радостей. И будь то Нифльхейм или Вальгалла, присутствовавшие на похоронах называли это место раем. Один из них сказал Ибн Фадлану:

«Вы, арабы, глупы... Действительно, вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай».

Тем не менее в основном раем считалась Вальгалла, и воинов, умерших своей смертью или погибших, но не в битве, в нее, как правило, не пускали. Есть основание думать, что они все-таки попадали во владения Хель. Недаром сам Один (который, как пишет Снорри Стурлусон в «Круге земном», до того, как стал богом, был земным правителем и воином), умирая от болззни, «велел пометить себя острием копья», ви-

димо, в надежде, что это приравняет его к павшим в битве. А в «Старшей Эдде» прямо говорится о том, что в Вальгалле Хрофт (одно из имен Одина) «собирает воинов храбрых, павших в бою».

С другой стороны, в «Младшей Эдде» этот вопрос решается иначе. Рассказывая о Всеотце Одине, тот же Снорри сообщает:

«...Он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрет, хоть тело и станет прахом или пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним в месте, что зовется Гимле (Защита от огня — *О. И.*) или Вингольв (Обитель блаженства. — *О. И.*). А дурные люди пойдут в Хель, а оттуда в Нифльхель. Это внизу, в девятом мире».

Впрочем, Снорри был христианином и мог не вполне разбираться в тонкостях языческого загробного судопроизводства. Более того, писания его вообще плохо согласуются друг с другом. Так, несколькими страницами раньше автор «Младшей Эдды», противореча сам себе, категорически заявляет, что первые люди, Адам и Ева, были созданы не Одним, а «Всемогущим Господом». А ведь любому, самому необразованному норманну было известно, что прародители человечества, Аск и Эмбла — бледные, безголосые и бездыханные, — были найдены тремя асами — Одним, Хёниром и Лодуром — на берегу моря, где асы и вдохнули в них жизнь.

Таким образом, вопрос о том, кто же все-таки попадал в Вальгаллу — только павшие воины или праведники вообще, остается в какой-то мере открытым. Возможно, он каждый раз решался индивидуально, ведь недаром боги вершили свой суд, сидя у корней Иггдрасиля.

В целом есть основания думать, что, вопреки Снорри, те праведники, которые не умели владеть мечом, в Вальгаллу не попадали. Дело в том, что Один собирал свое небесное войско не для вознаграждения праведников, а для того, чтобы готовиться к Рагнарёку — последней, решающей битве с великанами-йотунами и чудовищами (в том числе змеем Ёрмунгандом и волком Фенриром). Моральный облик загробных воинов — эйнхериев — должен был волновать Отца дружин в последнюю очередь, важнее было их умение владеть мечом. Зачастую Один целенаправленно организовывал гибель луч-

ших воителей в битвах — чтобы те попадали в Вальгаллу в расцвете сил и доблести.

Естественно, даже отборным воинам следует постоянно поддерживать форму, и в Вальгалле проходили каждодневные учения:

Эйнхерии все
Рубятся вечно
В чертоге у Одина,
В схватки вступают,
а кончив сражение,
мирно пируют.

Общая вместимость Вальгаллы известна, в «Старшей Эдде» говорится:

Пять сотен дверей
и сорок еще
в Вальгалле, верно;
восемьсот воинов
выйдут из каждой
для схватки с Волком.

Несложный подсчет показывает, что к началу Рагнарёка Вальгалла должна вмещать 432 000 человек.

Как известно, приток населения в Вальгаллу и Хель стал ослабевать в девятом веке, с началом христианизации Германии Карлом Великим (мы пренебрегаем христианизацией германских племен, переселившихся в Римскую империю в четвертом — пятом веках, поскольку переселение это проходило на фоне демографического взрыва в самой Германии). С окончательной победой христианства в Скандинавии (в двенадцатом веке) население Вальгаллы стабилизировалось. Если принять (очень условно), что Вальгалла стала функционировать к началу нашей эры, то время ее активного заселения равнялось примерно тысяче лет.

Численность населения Европы в течение всего первого тысячелетия относительно стабильно колебалась вокруг цифры тридцать миллионов человек. Принимая, что средняя продолжительность жизни составляла около тридцати лет,

получаем, что общее число переселенцев из Европы в загробные миры за первое тысячелетие н.э. составило порядка миллиарда человек.

Сегодня численность населения германских и скандинавских государств составляет 16 процентов от общеевропейской; учитывая, что в древности, до промышленной революции, плотность населения в южных странах намного превосходила таковую на севере, численность древних и средневековых германцев и скандинавов можно (увы, еще более условно) принять за 8 процентов населения Европы; иначе говоря, число людей, поклонявшихся Одину, составляло за все годы около восьмидесяти миллионов человек. Исходя из вместимости Вальгаллы (см. выше), попасть туда могли менее полумиллиона, то есть около половины процента всех жителей германо-скандинавского загробного мира. Это дает основания думать, что отбор эйнхериев осуществлялся очень жестко и что для попадания в воинский рай действительно требовалось как минимум погибнуть в бою.

Впрочем, помимо Вальгаллы для погибших воинов функционировало в Асгарде еще одно отделение рая, Фолькванг, которым ведала, как ни странно, богиня плодородия и любви Фрейя:

...там Фрейя решает,
где сядут герои;
поровну воинов,
в битвах погибших,
с Одним делит.

Таким образом, с учетом Фолькванга в избранную небесную дружину попадало около одного процента умерших; остальные шли в Хель. Известно, что в дни последней битвы подданные Хель выступят на стороне темных сил (для их доставки из ногтей мертвецов строится корабль «Нагльфар») и будут сражаться со светлыми богами асами и с их соратниками эйнхериями. Но нас не должно смущать численное превосходство жителей подземного царства. Около половины из них составляют женщины, значительную часть — старики и подавляющее большинство — младенцы (во времена массового заселения германо-скандинавской

преисподней детская смертность до года составляла около 50 процентов).

Конечно, даже и в этих условиях количество боеспособных бойцов Хель должно, по-видимому, превышать численность ратей Одина. Но все это не имеет слишком большого значения, поскольку из «Прорицания вёльвы» конец решающей битвы известен заранее: светлые боги и эйнхерии потерпят поражение и большинство из них будут убиты. В последующих катаклизмах погибнет и все человечество. Впрочем, некоторые боги и два человека — мужчина и женщина, Ливтрасир и Лив, — спасутся, чтобы положить начало новой цивилизации. В ней снова найдется место для павших героев: для них будет выстроен чертог, сияющий золотом.

... Там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им.

И даже Бальдру обещано возвращение из царства Хель в жилище уцелевших богов. Но все это будет, хочется верить, достаточно нескоро. Поэтому есть основания думать, что, хотя заселение Вальгаллы и прекратилось, она является ныне действующим царством или, точнее сказать, казармой. А теперь обратимся к вопросу о том, как же устроен этот воинский рай и кто в нем проживает.

Вальгалла, как и Фолькванг, — это гигантские палаты, стоящие в городе богов, Асгарде. Расположение самого Асгарда точно не известно. Снорри в «Саге об Инглингах» утверждает, что Асгард лежит в Азии, к востоку от реки Танаис (нынешний Дон). Тот же Снорри в «Видении Гюльви» (одна из частей «Младшей Эдды») говорит, что Асгард находился на территории Трои. И наконец, в том же «Видении» Снорри сообщает, что боги живут на небе и что туда проведен специальный мост Биврёст, который еще называют радугой. Биврёст, «лучший мост», описан и в «Старшей Эдде». Кроме того, в одной из ее песен упоминается, что покойный конунг Хельги, оби-

тающий в «доме Одина» и случайно спустившийся на землю, говорит на рассвете:

Ехать пора мне
по алой дороге,
на бледном коне
по воздушной тропе:
путь мой направлю
на запад от неба...

Все это дает основания думать, что если когда-то Асгард и располагался на земле (подобно земному раю христиан), то позднее он был перенесен в небесные сферы. Асгард — достаточно большой город, в нем расположены жилища многочисленных богов, один только чертог Тора состоит из пятисот сорока палат. А Ньёрд, покровитель мореплавания, здесь же, на небе, имеет «Корабельный двор» — Ноатун. Непосредственно Вальгалла находится в чертоге Одина, Гладсхейме. При ее строительстве в качестве стропил применялись копыя, крыша покрыта щитами, на скамьях лежат доспехи.

Крыша Вальгаллы используется как пастбище для козы Хейдрун, которая вместо молока дает «мед сверкающий». Здесь же объедает листву Иггдрасиля олень Эйктюрнир; падающая с его рогов влага дает начало всем земным рекам, что лишний раз подтверждает небесную версию расположения Асгарда. Еще одно примечательное животное, обитающее в Вальгалле, — петух Гуллинкамби, который своим пением будит эйнхериев по утрам. Интересно, что во владениях Хель ему вторит другой, черно-красный петух. Из прочих домашних животных можно отметить ручных волков и воронов Одина, которые, впрочем, не имеют прямого отношения к загробной жизни. Зато самое прямое отношение к ней имеет проживающий здесь же вепрь Сэхримнир. Судьба его крайне неоднозначна: с одной стороны, вепрь бессмертен, он снова и снова возрождается к жизни, с другой стороны, несчастное животное каждый день умерщвляется и повар Андхримнир варит его мясо для эйнхериев.

Как ни странно, такое однообразное меню не приедается воинам. Кроме свинины в рацион эйнхериев входит пиво, ко-

торое подносят им валькирии — воинственные девы, во время земных битв участвующие в решении судеб героев. Возможно, здесь же присутствуют и женщины, которые отправились в Вальгаллу с павшими конунгами в качестве их добровольных или принудительных спутниц.

Свободное от пиров время жители Вальгаллы проводят в битвах, которые, впрочем, для них теперь безопасны. Бог Один обеспечивает их всем необходимым, кроме того, они могут пользоваться богатствами, захваченными с земли. Предусмотрительный Один, опасаясь, что родственники погибших воинов не всегда будут устраивать им достаточно богатые похороны, ввел обычай, по которому каждый мог еще при жизни позаботиться о своем загробном благополучии. Особая мудрость Всеотца сказалась в том, что предназначенные для Вальгаллы богатства отнюдь не следовало сжигать или каким-либо образом уничтожать; не надо было и вкладывать их в строительство бесполезных в земной жизни гробниц. Один повелел, чтобы в Вальгалле «каждый мог пользоваться тем, что он сам закопал в землю». Поэтому, закапывая клад, скандинавы могли впоследствии воспользоваться им хоть в земной, хоть в загробной жизни (этот указ привел к образованию в землях Скандинавии невероятного количества кладов, что крайне благотворно сказалось не только на судьбах покойных норманнов, но и на судьбах современных археологов).

Таким образом, павшие воины, обитавшие в Вальгалле (и, по-видимому, в Фолькванге), были обеспечены всеми радостями жизни, кроме семейных — валькирии были боевыми подругами и любовницами, но не женами. Да и самих валькирий было, вероятно, не так уж и много: в «Старшей Эдде» они перечисляются поименно. Быть может, именно это дало Одину — несмотря на то что он сам обустроивал Вальгаллу по своему вкусу — основание сказать: «Лучше живым быть, нежели мертвым».

Не известно, как отразилась христианизация на судьбах Астарда, однако есть веские основания думать, что царство Хель было присоединено к христианскому аду. «Большая сага об Олаве, сыне Трюгви» описывает, как в самом конце десятого века некоему исландцу, Торстейну, прозванно-

му «Мороз», выпало сомнительное удовольствие пообщаться с чертом. Черт отрекомендовался Торстейну как Торкель Тощий, погибший (предположительно в восьмом веке) вместе с датским конунгом Харальдом Боезубом, и заявил, что явился прямо из ада. Сага дословно сохранила реакцию любознательного исландца: «Ну и как там?» Выяснилось, что «там», в числе прочих обитателей, терпят адскую муку двое древних героев — уже упомянутый Сигурд, который топит печь, и Старкад Старый; оба они жили задолго до христианизации германцев, а тем более скандинавов.

Сколь ни отрывочна эта информация, на ее основе можно сделать некоторые выводы, а именно: владения Хель, как и греко-римский Аид, вошли в состав христианского ада. При этом часть местного населения, очевидно, стала сотрудничать с новой властью; так, упомянутый Торкель стал бесом. Это предположение объясняет, почему во всех германских и скандинавских языках слово, означающее «ад», происходит от «Хель»...

Интересно, что Вальгалла была не единственной в Европе загробной областью, населенной преимущественно лицами одного пола. Древним кельтам были хорошо известны так называемые Острова Женщин, или Страна Женщин, или страна Эмайн (не путать с Эмайн-Махой — древней столицей севера Ирландии). Память о них сохранили ирландские саги. Некоторые исследователи отождествляют эти места с загробным миром. «Там неведома горесть и неведом обман», там люди слушают «сладкую музыку» и пьют «лучшее из вин». На лугах Эмайн пасутся желто-золотые, красные и небесно-голубые кони, а птицы «славным созвучием голосов» ежечасно сообщают время.

О географическом положении Страны Женщин сага «Плавание Брана, сына Фебала» сообщает следующее:

Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана, от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них, или втрое.

Вопреки своему названию Страна Женщин была населена гражданами обоего пола (хотя, вероятно, перевес женщин значителен). Есть основание думать, что женщины, действительно являясь коренными жителями островов, по крайней мере начиная со второго века нашей эры стали активно склоняться к переселению в Эмайн мужское население Ирландии. Сага «Исчезновение Кондлы Прекрасного» сообщает, как к названному Кондле явилась незнакомка «в невиданной одежде» и соблазнила его рассказами о волшебном крае, лежащем за морем.

Радость вселяет земля эта
В сердце всякого, кто гуляет в ней,
Не найдешь ты там иных жителей,
Кроме одних женщин и девушек.

Поскольку Кондла был сыном короля Конда Ста-Битв и братом короля Арта Одинокого, которые являются историческими личностями, эта история четко датируется вторым веком новой эры. Кондла прельстился предложением незнакомки и отплыл вместе с нею в стеклянной ладье, положив тем самым начало мужскому населению островов.

Еще одно знаменитое путешествие в Страну Женщин совершил некто Бран, сын короля Фебала. Исторический Фебал нам не известен, но текст саги сложился к седьмому веку, что дает основание отнести путешествие Брана на несколько веков позже, чем Кондлы. К Брану тоже явилась незнакомка с самыми прельстительными предложениями, но она, называя свои острова Страной Женщин, тем не менее упоминает о наличии там мужчин:

Мчатся мужи по Равнине Игр —
Прекрасная игра, не бессильная.
В цветистой стране, средь красоты ее,
Они избыли дряхлость и смерть.

Не известно, какова была на тот момент численность мужского населения Страны Женщин, но Бран немедленно отправился в плавание, и «трижды девять мужей было с ним». После этого Страна Женщин, по-видимому, пережила демографическую революцию и поменяла название.

В историческое время предпринимались попытки отыскать Страну Женщин. Прежде всего следует отметить плавание жившего в шестом веке святого Брендана, которого, естественно, влекли не женщины, а надежда, что острова превращены в земной христианский рай. Потратив на поиски несколько лет (источники не согласны между собой в том, сколько именно), он достиг цели (подробнее о путешествиях святого и о найденном им острове будет рассказано в главе «В доме Отца Моего обитателей много»). В двадцатом веке восстановить маршрут Брендана попытался уже упоминавшийся в главе «Царство Аида» исследователь Тим Северин. На лодке «Брендан», сделанной из бычьих шкур по образу и подобию традиционных ирландских кожаных лодок, он дошел от Ирландии до североамериканского острова Пекфорд (возле Ньюфаундленда), тем самым доказав, что добраться до Островов Женщин, где бы они ни находились, древние кельты вполне могли при жизни, причем вместо стеклянной лодки, которой воспользовался Кондла, было вполне достаточно обычной. Но ни рая, ни Островов Женщин Северин не обнаружил.

География, растительный и животный мир и обычаи населения Страны Женщин описаны в ирландских сагах достаточно детально, и на них можно было бы остановиться подробнее, но у авторов данной книги существуют очень веские сомнения по поводу того, является ли эта страна частью загробного мира. Большинство исследователей склоняются к этой мысли, поскольку Острова лежат за пределами известного людям мира, попасть туда удастся лишь после долгих испытаний, иногда — лишь в специальной стеклянной ладье, и люди там живут «без скорби, без печали, без смерти». Но известный литературовед, исследователь древнеирландских текстов А. А. Смирнов полагает, что считать эти блаженные края обиталищем умерших нет никаких оснований. Все герои, достигшие замечательных островов, попали туда при жизни, и никто из них ни словом не упоминает, что встретил там своих покойных друзей или родственников. Коренное население островов, то есть сами женщины, — это явно сиды, кельтские божества. Что же касается переселенцев, обретших здесь вечную жизнь, то, поскольку они предварительно не умирают,

назвать их существование «загробным» можно лишь с очень большой натяжкой. А. А. Смирнов допускает, что кто-то из погибших в бою был унесен в Страну Женщин богиней войны (известно, что она уносит героев «с собой», хотя и не ясно, куда именно). Но он считает, что при всех условиях «эта страна — удел лишь избранных (подобно Елисейским полям эллинов), но отнюдь не местопребывание умерших вообще».

Тем не менее кельты с древних времен имели свой загробный мир, куда удалялись именно умершие, и как бы он ни соотносился с Островами Женщин, достаточно массовое переселение туда описано еще Юлием Цезарем в его «Записках о Галльской войне». Великий полководец пишет: «Похороны у галлов, сравнительно с их образом жизни, великолепны и связаны с большими расходами. Всё, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени при соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил».

Веком позже другой римлянин, Валерий Максим, писал о галлах: «Рассказывают, что они одалживают друг другу суммы, которые будут выплачены в другом мире, настолько они убеждены, что души людей бессмертны». По свидетельству Диодора Сицилийского, во время похорон некоторые галлы бросали в погребальный костер письма, адресованные ранее умершим, в надежде, что покойный доставит их по назначению. Кстати, обычай передавать с оказией письма на тот свет, несмотря на христианизацию кельтов, дожил в Ирландии до наших дней и зафиксирован в двадцатом веке известным современным исследователем кельтской культуры Гельмутом Биркханом.

Имеются достоверные сведения, что в «мире ином» кельты существуют не в качестве бесплотных душ, а вполне материально: их души получают новые тела. Об этом писал Марк Анней Лукан в поэме «Фарсалия»:

...по учению вашему тени

Не улетают от нас в приют молчаливый Эреба,
К Диту в подземный чертог: но тот же дух управляет
Телом и в мире ином; и если гласите вы правду,

Смерть посредине лежит продолжительной жизни.
Народы Северных стран в ошибке такой, должно быть, блаженны,
Ибо несноснейший страх — страх смерти их не тревожит.
Вот и стремится солдат навстречу мечу и охотно
Гибель приемлет в бою, не щадя возвращаемой жизни.

Причем некоторые кельты, не утруждая себя путешествием за новым телом в «мир иной», получали таковое тело в привычном для них мире живых. Диодор Сицилийский писал о кельтах следующее: «У них пользуется влиянием учение Пифагора, согласно которому души людей бессмертны и некоторое время спустя они живут снова, поскольку душа их входит в другое тело». Не вполне понятно, как могли древние жители Галлии и Британии познакомиться с учением Пифагора до нашествия римлян. Александрийский историк Ипполит приводит мнение о том, что их учителем стал некто Замолксис, раб Пифагора, но эти сведения трудно счесть достоверными.

Массового характера перерождение душ у кельтов не носило — к нему прибегали в том случае, если человек (или бог) не успевал завершить свои земные дела. При этом умирать было не обязательно, достаточно было превратиться в зародыш, который мог попасть в чрево будущей матери либо обычным путем, либо с питьем.

Известна описанная в ирландских сагах история некоей Этайн, которую злобная соперница превратила в лужу воды. Однако Этайн не растерялась и возродилась сначала в виде червяка, а потом в виде красной мухи. «Была эта муха не меньше головы воина, и не сыскать было прекрасней ее на всем свете». Соперница потерпела сокрушительное поражение, ибо ее неверный муж Мидир, из-за которого, собственно, и началось соперничество женщин, полюбил муху так, что «уж не мог полюбить ни одну женщину», а когда она улетала, «не было ему отрады ни в еде, ни в питье, ни в славной музыке». Но коварная волшебница не сдавалась и насылала на бедное насекомое новые и новые напасти. В конце концов Этайн потеряла влекущий облик мухи и в виде крохотного зародыша упала в чашу, стоявшую перед супругой героя Этара. Женщина проглотила питье, а с ним и свою будущую дочь, кото-

рая не только родилась снова в виде прекрасной девушки, но и получила прежнее имя. Что же касается злобной соперницы, то один из любивших муху мужчин отрубил ей голову и ее дальнейшая судьба неизвестна.

В эпическом цикле саг, посвященных Кухулину, рассказывается, как бог Луг, пожелавший получить человеческое тело и воплотиться в величайшего героя, «создал женщину, мушавшуюся родами... и принял облик мальчика, который там родился». Однако ребенок умер на руках у своей кормилицы и приемной матери, царской сестры Дехтире. Тогда Луг предпринял вторую попытку. Он явился Дехтире во сне и сказал: «...я снова вернулся, проникнув в твое тело в виде маленького зверька, который был в питье». Но и вторая попытка не удалась: дело закончилось выкидышем, и лишь на третий раз родился Кухулин, который «всех превосходил... в подвигах быстрой и ловкостью».

Таким образом, следует признать, что судьба кельтских душ была весьма неоднозначна, а смерти предусмотрительный кельт мог и вовсе избежать, если вовремя отпраплялся в плавание в Страну Женщин или же попадал в питье к какой-нибудь достойной особе.

Еще одно загробное царство жителей Северной Европы, о котором сохранилась достаточно подробная информация, — это Манала, или Мана, она же Туонела или Туони; туда отпраплялись после смерти финны и карелы. Манала лежит на крайнем севере, ее точная локализация остается неясной, но известно, что по крайней мере в древности она граничила с Похьёлой, которую, как правило, помещают на территории нынешней Лапландии.

Похьёла была миром потусторонним, и ее иногда тоже отождествляют с загробным миром, но, с точки зрения авторов настоящей книги, это не совсем так. Похьёла (она же — Сариола) при всей своей потусторонности, судя по карело-финскому эпосу «Калевала», населена была людьми вполне живыми. Конечно, хозяйка Похьёлы, старая Лоухи, — существо не самое симпатичное и даже в значительной мере злокозненное: она похищает солнце и месяц, ворует огонь из очагов Калевалы и посылает жениха своей дочери на опасные по-

двиги. Но все это еще не основание для того, чтобы считать ее мертвой. Более того, Лоухи иногда занимается целительством, что было бы уж совсем странно для правительницы загробного мира. Она подбирает раненого, заблудившегося в чужой стране героя Вяйнямёйнена и привозит его к себе домой на излечение:

Направляет Лоухи лодку,
Прямо в Похьёлу стремится,
В дом свой гостя доставляет.
Там голодного кормила,
Платье мокрое сушила
И неделю растирала,
Растирала, согривала;
Старец выздоровел скоро,
Стал герой опять здоровый.

Лоухи живет с мужем и детьми, ведет обширное хозяйство, печет хлеб и, как любая живая женщина, жалуется на то, что не справляется с домашней работой. Она озабочена тем, как выдать замуж дочку, а дочь в этом вопросе ничем не отличается от жительницы обычного мира: боится, чтобы ее не выдали за старика, и выбирает молодого кузнеца Ильмаринена, после чего в Похьёле начинаются приготовления к веселой свадьбе. Лоухи, забыв на время о своих кознях, варит пиво, собственноручно готовит кушанья, ищет музыканта, «чтобы петь он мог прилично», и, наконец, приказывает созывать на свадьбу все население и потустороннего и реального миров, особо позаботившись о транспорте для слепых и хромоногих. Единственным человеком, которого Лоухи обошла приглашением, был некто Акти (он же Лемминкяйнен и Каукомъели) — «горячий забияка», который, по словам хозяйки, «бед наделает на пире, осмеет девиц невинных». Жители Похьёлы и Калевалы дружно гуляли на свадьбе, никаких пограничных проблем, равно как и проблем с возвращением в обычный мир, у гостей не возникло.

Надо отметить, что после того, как жена Ильмаринена временно погибает, к матери она не возвращается. И когда неудачливый супруг снова приезжает в Похьёлу, чтобы просватать вторую дочку, новая невеста кричит ему:

За тебя не выйду замуж.
 За такого негодяя!
 Ты убил свою супругу,
 Погубил мою сестрицу
 И меня убить ты можешь...

Все это дает основание думать, что Похьёла — это все-таки царство живых и несмотря на то, что эти земли отделялись от обычного мира огненной рекой и ассоциировались у карелов с холодом, злом и болезнями, назвать Похьёлу загробным миром можно лишь с очень большой натяжкой. Это, скорее, мир пограничный — чужой, загадочный, но вполне живой. А вот за ним, на берегах загробной реки Маналы, или Туонелы, действительно начинается одноименное ей царство мертвых.

Страна Туонела расположена под землей. Ильмаринен, которого посылает туда его будущая теща, говорит невесте, что он должен «опуститься в царство мертвых». Впрочем, находится оно, по-видимому, достаточно близко к земной поверхности: авторы рун (то есть песен) «Калевалы», которые любят подробнейшим образом расписывать каждый шаг своих героев, путь из Похьёлы в Туонелу упоминают лишь вскользь. Про саму Туонелу известно, что она покрыта дремучими лесами (в которых, впрочем, есть поляны); из деревьев «Калевала» упоминает дубы и сосны. Здесь водятся медведи и волки — именно за ними посылает Лоухи жениха своей дочери. В глубоких и темных водах Маналы водятся шуки — за такой шукой, во исполнение очередного приказа тещи, отправляется Ильмаринен. По размерам загробная рыба значительно превосходит аналогичных рыб мира живых: «с топорище язычище... шириной спина в семь лодок».

Царством мертвых правит некая Калма — очевидно, Смерть. Когда Лемминкяйнен охотился на волшебного лося, ему довелось преследовать свою добычу «пред самым жилищем Калмы», и это едва не закончилось плохо для героя:

Смерть уж пасть свою открыла,
 Калма голову склонила,
 Чтоб схватить того героя...

Калма же, по-видимому, вершит суд над умершими. По некоторым данным загробная участь карелов и финнов представляется достаточно бесскорбной — юноша по имени Куллерво, сирота, над которым жестоко издевалась его хозяйка, говорит ей, когда она умирает:

Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте.

Это дает основание думать, что даже за тяжелые преступления грешники наказывались всего лишь дремотой. Впрочем, в другой руне «Калевалы» сообщается, что женщине, которая «родную мать забыла»,

Воздадут за то у Маны,
Страшно в Туонеле отплатят.

Но как именно отплатят, руна не сообщает. Несколько проясняет ситуацию Вяйнямйнен, которому случилось побывать в царстве Калмы при жизни.

Так сказал он молодежи,
Что теперь лишь подрастает,
Молодому поколенью:
«Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невинных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Туони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
Под горячими камнями,
Под пылающим утесом
И под сотканным покровом
Из червей и змей подземных».

Кроме Калмы в загробном мире карелов имелись и другие коренные жители. Когда Вяйнямйнен по своим личным на-

добностям живым спустился в загробный мир, он встретил там некую деву «невеличку». Дева держала лодочную переправу и, вероятно, играла ту же роль, какую Харон — в Аиде. Вяйнямёйнен застал деву за стиркой белья — судя по всему, она была не слишком загружена основной работой. Поначалу лодочница не хотела перевозить живого человека в загробный мир, она сказала герою:

О ты, глупый, сумасшедший,
 Человек с рассудком слабым!
 Без причины, без болезни
 К Туони ты сюда спустился.
 Шел бы лучше ты обратно,
 Шел бы в собственную землю:
 Многие сюда приходят,
 Но немногие уходят.

Но в конце концов Вяйнямёйнен уговорил девушку переправить его на другой берег, причем она не взяла с него никакой платы, — по крайней мере, «Калевала» об этом умалчивает.

Дева, державшая переправу, называется в поэме «дочкой Туони» и «дочкой Маны». Мана и Туони проявляли определенную заботу о жителях своей страны и обеспечивали вновь прибывших соответствующей одеждой. Их дочка говорит Вяйнямёйнену:

Если бы доставил Туони,
 Приташил со света Мана,
 Туони сам тебя принес бы,
 Сам тебя ташил бы Мана.
 Туони дал тебе бы шапку,
 Дал бы Мана рукавицы.

Известно, что кроме дружелюбной и услужливой дочки-лодочницы у Туони имелся и сын, который отличался совсем иным нравом. Так, он добывает укушенного змеей героя Лемминкяйнена (он же Каукомьели), который упал в воды загробной реки:

Тотчас Туони сын кровавый
 Меч вонзает в Каукомъели:
 Лезвием ударил острым,
 Так что искры полетели;
 В пять кусков пластает мужа,
 На восемь частей разрезал;
 В воду Туонелы подземной,
 В реку Маналы он бросил.

Правда, мать героя в конце концов воскресила усопшего (с возвратом из загробного мира у карелов и финнов дело обстояло несколько проще, чем у многих других европейских народов), но это стоило ей больших усилий.

Как мы уже говорили, точное расположение страны Туонелы неизвестно, известно лишь, что она находится неподалеку от Лапландии и отделяется от мира живых подземной рекой (или, возможно, рекой, которая частично протекает под землей). Но современный российский исследователь В. А. Буров выдвинул гипотезу, согласно которой Туонела находилась на островах Соловецкого архипелага (недаром в «Калевале» упомянут «остров Маналы»). Он обращает внимание на то, что Вяйнямйёнен шел из страны Калевалы (которая лежала в исторической области Карелия) до границ Туонелы три недели:

Шел он быстрыми шагами,
 Шел неделю через кустарник,
 Через заросли — другую,
 Можжевельником шел третью;
 Остров Маналы он видит,
 Туонелы он холм заметил.

От мира живых Туонела, согласно эпосу, отделялась одноименной рекой, на которой имелся по крайней мере один водопад — в «Калевале» сообщается, что в него упал злополучный Лемминкяйнен. По мнению Бунова, река Туонела на самом деле представляла собой пролив между Соловецкими островами и материком (Западную Соловецкую Салму) и впадающую в него реку Кемь (самую крупную реку на карельском берегу напротив Соловецких островов, действи-

тельно имеющую водопад). Исследователь считает, что «холм Туонелы» — это соловецкая «гора, названная в эпоху средневековья Голгофой, с абсолютной высотой около 200 м». Упомянутые в рунах «дебри лесные» и «низкие местности» тоже вполне соответствуют пейзажу Соловков. А расположенные на островах многочисленные святилища и каменные лабиринты III—I тысячелетий до н.э. подчеркивают, по мнению исследователя, давнюю связь этих мест с загробным миром.

Из других народов финно-угорской группы можно отметить марийцев, которые создали небольшое, но хорошо обустроенное загробное царство под землей. В царстве этом мирно сосуществуют христианские и языческие традиции. Души марийцев могут возрождаться до семи раз, причем каждый раз — на другой планете. Земное воплощение, как правило, бывает последним, после смерти душа в течение семи дней посещает места своих прежних жизней, а на восьмой день вступает в подземный мир. Этот мир встречает новых обитателей весьма недружелюбно: вход охраняют собаки, от которых нужно отбиваться липовой или рябиновой палкой; здесь кишат змеи, против которых помогают только прутья шиповника. Затем душа перебирается через крутые горы, обдирая ногти. Делу могут помочь запасные ногти, остриженные еще при жизни и заботливо положенные родственниками в гроб.

В конце концов покойный добирается до подземного судилища, которое возглавляет некто Киямат. Этнограф девятнадцатого века С. К. Кузнецов, изучавший нравы марийцев (тогда их называли черемисами), утверждает, что Киямат «сквозь пальцы смотрит на легкие плутни умерших, облыжно ссылающихся на свою глухоту и слепоту, и не прочь взять с прибывающей души взятку при первом же устном допросе, совершаемом с очевидным (благодаря взятке) пристрастием». Впрочем, никакая взятка не может избавить усопшего от главного испытания: он должен пройти по тонкой жердочке, висящей над пропастью. Душа грешная срывается в пропасть и падает в котел с кипящей серой и смолой, а душа праведная достигает рая, который расположен тут же, под землей. Впрочем, помимо взятки и праведности у душ есть еще одно подспорье для преодоления пропасти: они берут с собой по-

ложенную в гроб шелковую нитку, которая, будучи прикрепленной к жердочке наподобие качелей, позволяет не переходить пропасть, а перелетать ее. Подобная же нить, протянутая из гроба до поверхности земли, служит своеобразной лестницей, по которой покойный выходит на землю, чтобы повидаться с родственниками и вкусить жертвенной пищи.

Загробный мир марийцев, хотя и находится полностью под землей, достаточно четко делится на две абсолютно разные природные зоны. Одна из них предназначена для грешников, под влиянием христиан в ней создали специальные места мучений: зловредные колдуны висят, подвешенные за язык; те, кто плевал людям в лицо, лижут раскаленные сковородки; особые злодеи кипят в смоляных котлах. Но муки эти не вечны: искупив грехи, душа отправляется в так называемое «темное место», где ей без особых мук, но и без радостей предстоит отныне обитать. Впрочем, «темное место» можно искусственно освещать, но делают это не души, а их родственники, зажигая поминальные свечи.

Покойники, которые благодаря своей праведности (или взятке, или же шелковым качелям) сумели преодолеть коварную пропасть, попадают в рай. Рай этот хотя и находится под землей, но достаточно хорошо обустроен. По уверению уже упомянутого этнографа С. К. Кузнецова, над ним «светит солнце, хотя и не столь яркое, как здесь на земле, но все-таки поддерживающее своим светом и теплом вялую органическую жизнь загробного мира, во всем по внешности схожую с настоящей...

Души предаются здесь совершенно земным занятиям, работам, ремеслам и даже удовольствиям. У них есть там свой скот, убыль в котором пополняется приношениями родных, есть своя оседлость, словом — полное хозяйство. Ранее умершие черемисы ласково встречают нового пришельца в загробный мир. Здесь заводятся новые знакомства, возникают новые связи: парни женятся, а девушки выходят замуж. Малолетки вырастают, делаясь взрослыми. Казалось бы — все идет в загробном мире по-земному, только другим, более размеренным и спокойным темпом; здесь, в светлом месте, нет ни ссор, ни зависти, ни драки, словом — мало разнообразия сравнительно с землей. Но душа должна оставаться

здесь навеки: ей уже не предстоит обновления или воскресения к новой жизни, и вот она, наслаждаясь этим несколько однообразным “блаженством”, хотя и живет в “полном удовольствии”, но частенько испытывает приступы сильной тоски по всему земному...»

Впрочем, добросердечный Киямат периодически дает душам «отпуск», обычно от вечерних до утренних сумерек, и они могут навещать родных и получать от них успокойное угощение. Существует период массовой амнистии, когда на землю отпускают даже самых закоренелых грешников, это, например, время от Страстной недели до Троицы. Интересно, что грешники, вместо того чтобы примерным поведением добиваться уменьшения срока, напротив, используют это время для разнообразных бесчинств: топчут посевы, воруют скот, провоцируют живых на семейные скандалы. Для того чтобы умиловить покойников, живые выставляют для них угощение. Конечно, прежде всего поминают «своих» умерших, но не забывают и о безродных.

По сообщению Кузнецова, иногда — не чаще чем два-три раза в столетие — покойные совершают массовые набеги на какую-нибудь злополучную территорию, причиняя крупный материальный ущерб. Обычно это бывает делом рук организованной группы покойников, которые умерли очень давно, персональных жертв не получают, а общими удовлетворяться не хотят. Тогда для них устраиваются экстренные групповые поминки с богатым угощением, которое должно умиловить бесчинствующих предков.

Иммиграция в загробное царство славян-язычников прекратилась, судя по всему, вскоре после принятия на Руси христианства. Территории его, лежавшие достаточно далеко от «торных» дорог, вероятно, пришли в запустение, и сегодня восстановить их историю и географию представляется делом практически невозможным. Однако славяне, которые теперь, по принятии христианства, стали после смерти отправляться в рай или в ад, собираясь на «тот свет», во многом следовали обычаям своих предков-язычников, и это, вкуче с данными археологии, позволяет в какой-то мере реконструировать некоторые, прежде всего этнографические, черты их древнего загробного мира.

Судя по всему, славяне сохраняли в мире загробном примерно тот же уклад жизни, что и в мире земном. Они брали с собой еду, оружие, утварь, необходимые для повседневного быта. Вплоть до девятнадцатого века в некоторых русских деревнях сохранялся обычай укладывать вместе с покойником работу, которую он не успел завершить при жизни, например, недоплетенный лапоть или недовязанный чулок.

В загробном мире существовал примерно тот же социальный уклад, что и в мире живых; в частности, практиковалось рабство. Византийский писатель и историк конца десятого века Лев Диакон писал, что славяне (которых он называет тавроскифами) «вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть».

Супружеские связи в загробном мире, по-видимому, сохранялись; существовал и обычай, правда не слишком распространенный, по которому жена покойного отправлялась в последний путь вместе с ним. В так называемом «Стратегиконе», созданном, вероятно, по инициативе византийского императора Маврикия на рубеже шестого и седьмого веков, о славянских племенах склавов и антов рассказывается:

«Жены их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве».

Арабский географ Ибн Руста (Руст) писал в начале десятого века о том, как в «Стране Славян» проходит похоронный обряд:

«И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает,

скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает».

Археологическими находками массовые самоубийства женщин, о которых говорят автор «Стратегикона» и Ибн Руста, не подтверждаются, но единичные случаи, безусловно, имели место. Известны парные погребения воинов-славян с женщинами — женами или рабынями. А в кургане второй половины десятого века под Черниговом, получившем название «Черная могила», были похоронены трое: взрослый воин, вооруженный подросток и женщина. И если юноша мог пасть в битве вместе со своим старшим боевым товарищем, то ритуальная смерть женщины почти не вызывает сомнений. Хотя трудно с уверенностью утверждать, что жертвоприношение в «Черной могиле» было совершено по славянскому обряду: в этих землях к тому времени установилась власть варяжской династии.

В былине «О Потыке Михайле Ивановиче» говорится:

...когда
Потык состарился и преставился,
Тогда попы церковные
Его, Потыка, похоронили,
А его молодую жену Авдотью Лиховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю.

Участие попов в данном мероприятии представляется авторам настоящей книги сомнительным, само же отправление живой жены вслед за мертвым мужем особого сомнения не вызывает (хотя обычай этот был не слишком распространен). Тот, кто не успел обзавестись женой до смерти, мог сделать это за гробом. Вплоть до девятнадцатого века в некоторых славянских деревнях сохранился обычай, по которому похороны незамужних юношей и девушек обставлялись наподобие свадебного поезда. У подолян юноша, исполнявший на похоронах роль «жениха», становился в общественном мнении вдовцом и зятем родителей девушки. У сербов неженатого юношу могла сопровождать к могиле девушка, одетая невестой, ее вели под руки шаферы, несшие два венка — аналог

свадебных венцов. После опускания юноши в могилу один веночек кидали следом, второй надевали на девушку, которая некоторое время носила его и считалась вдовой умершего.

Дети, попавшие в загробный мир, продолжали расти и взрослеть. Правда, в отличие от мира живых, в мире мертвых этому процессу иногда ставили определенную преграду. В русских деревнях вместе с умершим ребенком клали в гроб нитку, отмеренную по росту его отца, для того чтобы он вовремя остановился и не перерос родителя.

Связи мира живых с миром мертвых осуществлялись преимущественно с помощью новых поселенцев. На Русском Севере, когда провожали покойника, соседки в своих ритуальных причитаниях просили его сообщить их ранее почившим мужьям о том, как они по ним тоскуют:

Да как сойдешь ты на иное живленьице,
 Та порасскажи, спорядный мой соседушко,
 Про мое да про несчастное живленьице,
 Про мое да сирот малых возрастаньице...

Загробный мир очень изобилен, там текут молочные реки и растут золотые плоды. Тем не менее живые регулярно передавали умершим различную снедь, для этого ее оставляли на могилах или накрывали на ночь стол в избе. Летописец Нестор сообщает об игрищах, которые устраивались на перекрестках дорог в честь похороненных здесь людей. Традиция хоронить покойников именно на перекрестках была направлена на охрану дорог. Для этого собранные после сожжения тела кости помещали в сосуд и водружали его на столбе на месте, требовавшем присмотра. Кстати, некоторые ученые считают, что традиционный охранитель избы — домовый — тоже когда-то был человеком-предком, а после смерти решил остаться при мире живых.

Информация о географическом положении загробного мира древних славян очень скупа. Лежал он, судя по всему, достаточно далеко, на краю света, за высокими горами и непроходимыми лесами. Проводниками туда часто служили животные, например волки или птицы, или же нечистая сила. Переселенцам приходилось пользоваться мостами, в каче-

стве которых выступали радуга или Млечный Путь. Одна из территорий славянского загробного мира называлась Вырий (Ирий), здесь росло мировое древо. По некоторым данным, напротив, сам Вырий находился в ветвях мирового древа. Но так или иначе, территория эта была заповедной, и ключи от нее находились у птиц — украинцы утверждали, что когда-то ключами владела ворона.

Мир мертвых отделялся от мира живых рекой, которую некоторые славяне называли Забыть-река; возможно, это — один из рукавов Леты. Известно, что Забыть-река входила в единую речную систему с реками Малороссии — здесь существовал обычай на Пасху кидать в воду скорлупки от крашенных яиц, чтобы те, доплыв до царства мертвых, донесли до умерших радостную весть о празднике.

Для того чтобы переправиться на тот берег, древние славяне иногда брали с собой в последний путь корабли или лодки. В «Сказании о святых Борисе и Глебе» говорится, что Бориса похоронили «под насадом» — так называлось речное судно. Некоторые этнографы считают, что и гроб — это модель лодки. Для тех, кто не мог воспользоваться собственным транспортом, видимо, существовала налаженная платная переправа, по крайней мере, археологи не раз находили в славянских могилах монеты, лежащие «под рукой». Впрочем, этот обычай давно исчез. Видимо, как и в западном загробном мире, с победой христианства плата за проезд была отменена.

В царство мертвых можно было добраться и посуху, для этого в русских деревнях вплоть до девятнадцатого века в могилы клали оглобли от саней и ступицу от колеса. А на случай поломки транспорта или бездорожья в гроб часто клали запасную пару обуви: видимо, путь предстоял не близкий. Преодолеть этот путь покойникам помогало солнце — ведь страна мертвых располагалась на западе, и им было «по пути». Это — одна из причин, по которой похороны следовало завершить до заката.

Ведал загробным миром некто Триглав (или Троян), занимался он этим лишь по совместительству, предоставив власть над миром мертвых одной из своих трех голов. Прямое отношение имела к нему и Мара, или Марена, — божество смерти. Впрочем, Марена, видимо, не пользовалась большим

влиянием, славяне относились к ней без особого уважения и ежегодно сжигали или топили ее чучело во время весенних обрядов. Судопроизводство в загробном мире до прихода христиан, видимо, отсутствовало, и никакого воздаяния за свою земную жизнь умершие не получали. Судьба их определялась в значительной мере бывшим прижизненным статусом и теми богатствами, которые они могли с собой захватить.

Впрочем, случались и неожиданные трансформации. Некоторые славяне после смерти таинственным образом становились животными, птицами или насекомыми. Так, крестьяне Курской губернии, давно уже будучи христианами, тем не менее после смерти могли на некоторое время превращаться в птиц; их родственникам вменялось в обязанность в течение шести недель посыпать могилу хлебными зернами. Существует мнение, что некоторые покойники превращались в мышей. В Херсонской губернии покойник, который был недоволен скудной милостыней, розданной на его похоронах, возвращался в родной дом в виде бабочки и начинал виться у огня. Увидев такую бабочку, родственники умершего отправлялись на розыски нищих, дабы их покормить и одарить. На юге России старухи в ночь после похорон оставляли на столе сыту, чтобы душа, принявшая облик мухи, могла вдоволь напиться.

Народные сказки донесли до нас информацию о покойниках, возрождавшихся через ряд трансформаций, в начале которых стояло растение: камыш — сделанная из него дудочка — выскочившая из дудочки девушка. Выросший на могиле цветок, если его приносили домой, тоже мог превратиться в ожившую покойницу. Но чаще всего души, в том числе и мертвые, являлись в мир живых в виде бесплотной тени, называвшейся «навь» или «навье».

Особая судьба была у русалок. Впрочем, русалки тоже бывали разные. Где-то ими становились утопленницы, а где-то и все девушки, умершие до брака. В некоторых местностях русалки были красавицами, а где-то — горбуньями, заросшими черной шерстью. На землю русалки массово приходили летом, в пору цветения ржи, для этого была отведена специальная Русальная неделя. Девушки появлялись в мире живых во плоти, они бегали по полям, качались на ветвях деревьев,

путали сети у рыбаков, ломали жернова водяных мельниц. На Русальной неделе крестьяне старались не ходить в лес и в поле в одиночку, не выпускать скотину и главное — не купаться в реках и озерах, чтобы русалки не утащили купальщика в воду. А если идти все-таки приходилось, смельчак надевал на себя два нательных креста, один спереди и один на спину. Второй крест предназначался для отпугивания русалок, которые, как известно, накидываются на людей сзади. Чтобы задобрить русалок, им делали подарки: развешивали по деревьям холсты, рубахи, платки и лапти. Но в целом, несмотря на приносимый русалками вред, была от них и польза: там, где играли и бегали русалки, лучше росла трава, обильнее рождалась рожь.

Когда Русальная неделя завершалась, крестьяне исполняли обряд, который назывался «проводы русалок», точнее, это было их ритуальное изгнание. Кого-то из девушек, а иногда и из парней наряжали русалкой и сажали верхом на кочергу. Иногда русалку изображало чучело, сделанное из ржаного снопа и тряпок и уложенное в гроб или на носилки. Но чаще всего, как это ни удивительно, «русалку» делали в виде лошади. Для этого двое парней клали себе на плечи жерди, покрывали их тканью и лентами, а впереди закрепляли голову коня, связанную из соломы. Поздно ночью «русалку» с песнями и плясками проводили по всей деревне и с криками «Гони русалок!» выпроваживали в ржаное поле. Иногда чучело топили в реке или сжигали в костре. После чего напуганные таким обращением русалки возвращались к себе, в мир мертвых, и с этого дня граница между мирами закрывалась до следующего года.

От Шеола к Грядущему миру (иудаизм)

У западносемитских народов, населявших во втором тысячелетии до нашей эры Сирию, Финикию и Палестину, было свое загробное царство. Владыкой его был бог смерти Муту, ведавший по совместительству засухой и бесплодием. Муту был существом огромного роста, его пасть раскрывалась от земли до неба, а язык достигал звезд. Мертвые уходили в царство Муту, а иногда он приходил за ними сам, но так или иначе вопрос решался.

Муту погубило коварство. Однажды он пригласил к себе на пир верховного бога местного пантеона Балу и убил гостя. Преступление не осталось безнаказанным: сестра и возлюбленная Балу, богиня Анат, не только уничтожила коварного царя, но и смолотла его останки и рассеяла их по полям, после чего убиенный Балу воскрес. Но через некоторое время воскрес и Муту, и эта история стала повторяться с периодичностью раз в семь лет. Возможно, такое постоянство было связано с семилетним земледельческим циклом местных народов, оставлявших землю под паром каждый седьмой год, но, так или иначе, побежденный Муту регулярно лишался дееспособности. По-видимому, это не могло не сказать-

ся на состоянии его владений. Никаких конкретных сведений о царившем там запустении у нас нет, но показателен тот факт, что, когда Израиль выделился из многочисленных семитских племен, чтобы образовать свой народ и свою, монотеистическую религию, раздела мира мертвых не произошло. Молодой этнос все начал «с нуля», а старое загробное царство безвозмездно оставил финикийцам, угаритянам и прочим местным народам (вероятно, оно большего и не стоило).

Возможно, иудеи собирались основать собственное царство мертвых, но в самом начале своей религиозной истории они оказались в египетском плену. Насмотревшись на общество, одержимое идеей загробной жизни, они решили не уподобляться египтянам. По крайней мере, именно так в своей энциклопедии «Еврейский мир» рабби Иосиф Телушкин объясняет тот факт, что в Торе нет почти ни слова о потустороннем мире. А в тех случаях, когда наличие загробного мира все-таки признавалось, общение с ним было запрещено под страхом смертной казни. Господь сказал Моше (Моисею): «И мужчина или женщина, если окажется среди них вызывающий мертвых или знахарь, смерти да будут они преданы: камнями да забросают их, — кровь их на них». Забегая вперед, надо отметить, что, несмотря на суровость закона, специалисты по связям с загробным миром в народе Израилевом не переводились. О них упоминал Иешайа (Исаия), их истреблял царь Йошийау (Иосия), а до него — Шаул (Саул), первый царь Израиля. Впрочем, когда Саулу потребовался совет покойного пророка Шемуэяля (Самуила)*, «женщина, вызывающая мертвых» была немедленно найдена и обеспечила Саулу встречу с Самуилом, который даже в загробном мире не лишился пророческого дара...

В течение многих столетий иудеи предпочитали ненадежному воздаянию загробного мира воздаяние земное. Согласно Торе, Господь обещал Моисею:

«Если вы по уставам Моим будете поступать и заповеди Мои соблюдать будете и исполнять будете их, то Я дам дож-

---

* В нашей книге «История загробного мира» Самуил ошибочно назван отцом Саула.

ди вам вовремя, и земля даст урожай свой, и деревья полевые дадут плод свой. И сходиться будет у вас молотьба со сбором винограда, а сбор винограда сходиться будет с посевом, и будете есть хлеб свой досыта, и будете жить спокойно на земле вашей. И водворю мир в стране, и когда ляжете, то не будет тревожащего; и изведу лютых зверей из страны, и меч не пройдет по стране вашей».

Что же касается бессмертия, то оно виделось как существование в детях и внуках: «И обращусь Я к вам, и распложу вас и размножу вас...» «И даст тебе Г-сподь изобилие во [всех] благах, в плоде чрева твоего...»

Рай (Ган Эден) был евреям знаком (тот самый земной рай, который потом так долго разыскивали христиане), но к загробному существованию он никакого отношения не имел. Он, как и весь остальной мир, был создан Богом в 3761 году до нашей эры, 1-го числа лунного месяца тишрея, приходящегося на начало осени (вообще говоря, мир был сотворен в течение шести дней, но традиция первые пять дней отдельно не учитывает и называет первое тишрея общей датой творения мира). Сегодня трудно судить о том, какую судьбу, смертную или бессмертную, предназначил Бог первым людям, обитавшим в раю. С одной стороны, Бог предупредил человека: «А от дерева познания добра и зла, — не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Но с другой стороны, из этого совершенно не следует, что, если бы Адам и Хава (Ева) не вкусили запретных плодов, они бы жили вечно. По крайней мере, Иосиф Флавий, пересказывая библейскую историю «для греков», дает свою трактовку событиям. По мнению Флавия, Бог, порицая людей за нарушение первого в мире завета, сказал им:

«Я знал, что вы могли бы прожить жизнью блаженною и свободною от всякого страдания, что душу вашу не мучила бы никакая забота, так как все, что полезно вам и могло бы доставить вам наслаждение, было бы вам дано Мною само собою без всякого с вашей стороны усилия и труда, лишь благодаря Моему [к вам] расположению; при наличности всего этого и старость не так скоро напала бы на вас и вам можно было бы дольше жить...»

Таким образом, с точки зрения Флавия, Адам и Ева при всех условиях должны были узнать старость и умереть, только не так быстро. Конечно, Флавий не был богословом, и нравственные качества человека, участвовавшего в войне со своим народом на стороне римлян, вызывают некоторые сомнения. Но Флавий был образованным иудеем и неплохим историком, поэтому его точку зрения, во всяком случае, следует учесть.

На семнадцать веков позднее знаменитый рабби Моше Хаим Луцатто (известный под аббревиатурой Рамхаль) высказал противоположную точку зрения. Рамхаль считал, что каждый человек (и Адам не исключение) получает от Творца «духовную ясную душу и земное мрачное тело». Если бы Адам не согрешил, то «его душа очищала бы тело все больше и больше, пока оно не достигло бы уровня, необходимого для пребывания в наслаждении вечном». В этом случае очищенному телу уже не было бы надобности умирать. Правда, в рассуждении Рамхалья не совсем понятно, почему Господь, создав человека «по образу Своему, по образу Б-жию», дал ему «мрачное» тело. Тем более, что по завершении творения «увидел Б-г все, что Он создал, и вот, хорошо весьма».

Но мрачное или не мрачное, после грехопадения тело Адама было обречено смерти, а с ним и тела его потомков. И поскольку из рая Адама и Еву, так или иначе, изгнали и амнистии не ожидалось, то евреи никаких прав на Ган Эден не предъявляли и предпочитали строить свой собственный земной рай в Палестине. Он предназначался для живых.

Мертвым (и грешникам, и праведникам) отводилось скромное обиталище под названием «Шеол». Поначалу Шеол мало отличался просто от могилы; Ийов (Иов) называет его «страной мглы, подобной мраку смертной тени, где нет устройства, а свет — как мрак». Попадали туда, как и в могилу, все умершие, независимо от их земных заслуг и подвигов. Ни о каком их воскрешении тогда речь не шла; тот же Иов прямо говорит: «Исчезает облако и уходит; так нисходящий в могилу не поднимется [вновь], не вернется больше в дом свой, и не узнает его больше место его».

Надежды на посмертное существование у Иова нет: «Если жду [чего, так] преисподней, дома своего. Во тьме посте-

лю постель свою. Гробу скажу: “Ты отец мой”. “Ты мать моя и сестра моя” — червям. И где надежда моя? Надежда моя — кто увидит ее? В преисподнюю ли сойдет она, со мною вместе в прах ляжет».

Правда, два человека — Ханох (Енох) и Эйлийа (Илия) — смогли избежать Шеола и были вознесены на небо живыми. Енох — это представитель «седьмого поколения людей». Про него известно, что жил он очень недолго, потому что «Б-г взял его». Куда был взят Енох — это, собственно, не ясно, но в течение многих столетий никто не сомневался в «небесной» версии его переселения, и лишь в равнинистическую эпоху (начиная с шестого века нашей эры) впервые зазвучала мысль о том, что Енох, возможно, был грешником, которого Бог просто «прибрал». Правда, в Послании к евреям апостол Павел утверждает, что «верую Енох переселен был так, что не видел смерти», потому что он «угодил Богу». С одной стороны, словам апостола, конечно, трудно не поверить. Но с другой стороны, апостол этот хотя и был евреем, но пребывал на момент написания Послания уже в лоно другой религии...

Впрочем, грешный или праведный, Енох уже после того, как был «взят» Богом, написал Книгу Еноха (не путать с «Книгой о вознесении Праведного Еноха»; см. о ней в главе «В доме Отца Моего обителей много») и был соавтором «Книги Небесных Дворцов». Поскольку в Шеоле писать невозможно, остается поверить традиции и допустить, что писал он действительно на небе. Впрочем, «Книга Еноха» датируется II—I веками до нашей эры, к этому времени темный Шеол находился в процессе реорганизации, и у евреев, как и у многих других народов, создавались два загробных царства: для праведников и для грешников.

Знаменитая встреча Еноха и палестинского законоучителя рабби Ишмаэля, происшедшая на небе, относится ко второму веку нашей эры. Рабби был вознесен при жизни (ненадолго) и удостоен множества дивных видений и откровений. Довелось ему тесно общаться и с Енохом, который к тому времени стал главою небесных ангелов и носил имя Метатрон. Енох познакомил гостя со строением небесного мира и надиктовал ему значительную часть «Книги Небесных Дворцов» (не-

которые главы написаны самим рабби Ишмаэлем по личным впечатлениям). К этой книге мы еще вернемся, а пока что ограничимся тем фактом, что еще до создания небесного рая на небо можно было подняться, но эта возможность, как мы видим, предоставлялась только некоторым живым праведникам, умершие же ее не имели.

Если по поводу Еноха ходили разные слухи, то вознесение Илии, израильского пророка, жившего в девятом веке до нашей эры, никаких сомнений не вызывает. Его взлет на небо в огненной колеснице подробно описан во Второй книге Мелаким (Четвертой книге Царств). У этого события был внушающий доверие свидетель, пророк Элиша (Елисей). Вещественное доказательство чуда в виде сброшенной на землю милоти (верхней одежды) Илии осталось в руках Елисея, дабы посрамить скептиков. Позднее устами пророка Малахии Бог возвестил: «Вот Я посылаю к вам Эйлийу-пророка перед наступлением дня Г-сподня, великого и страшного». Это лишний раз убеждает в том, что Илия, во всяком случае, не сошел в Шеол, откуда, как известно, не возвращаются.

Но два человека, вознесшиеся на небо, — это еще не население небесного рая. Никакого рая для них, надо думать, не создавали, тем более, что в своей книге Енох тоже рай не описывает, а описывает места, где умершие ждут Судного дня. Но и об этих местах до обнародования Книги Еноха сначала ничего известно не было. Информация о загробном царстве носила самый противоречивый характер. Шломо (Соломон), в Книге Екклесиаста, с одной стороны, пишет: «...живые знают, что умрут, но мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, так как и память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их давно исчезли, и доли нет им более во веки ни в чем, что делается под солнцем».

С другой стороны, тот же Соломон утверждает, что дух человеческий отнюдь не исчезнет в могиле вместе с прахом, но «возвратится к Б-гу, Который дал его». А юноше, которому Соломон предлагает: «...да веселит тебя сердце твое в дни юности твоей, и иди, куда ведут тебя сердце твое и видение очей твоих», он рекомендует все же не забывать, «что за все это Б-г приведет тебя к суду».

Во времена Исаии предвиденная Соломоном идея суда нашла свое полное подтверждение в видениях, ниспосланных пророку и отраженных в Книге пророка Исаии. Более того, позднейшие исследования этого текста показали, что на самом деле пророков было два, что только повышает достоверность их рассказов. Первый Исаия жил в Иерусалиме в восьмом веке до нашей эры, и создал главы 1–39 Книги. Он описал, как «вострубят в великий шофар» (трубу. — *О. И.*) и «Г-сподь выходит из места Своего, чтобы наказать жителя земли за греховность его». Впрочем, как бы строг ни был суд, в конечном итоге должно наступить всеобщее благоденствие: «...волк будет жить [рядом] с агнцем, и леопард будет лежать с козленком; и телец, и молодой лев, и вол [будут] вместе; и маленький мальчик [будет] водить их. И пастись будут корова с медведем; детеныши их лежать будут вместе; и лев будет есть солому, как вол».

Первого Исаию дополняет Исаия второй, или Девтероисаия, живший двумя веками позже. От имени Господа он предрекает: «...вот Я творю небеса новые и землю новую, и не будет упомянуто прежнее, и не придет в сердце. Но радуйтесь и веселитесь вечно тому, что творю Я...».

Правда из откровений обоих пророков еще не следует, что в этом царстве всеобщего веселья люди будут жить вечно. Но те, кто уже успел умереть, восстанут, об этом предупреждал еще первый Исаия: « [Да] оживут мертвецы Твои, восстанут умершие! Пробудитесь и ликуйте, покоящиеся во прахе...» Поскольку мертвым предложено «торжествовать», мало вероятно, что им после этого предстоит умереть вторично. И еще менее вероятно, что тем, кто дожил до Судного дня, предстоит судьба худшая, чем восставшим из мертвых. Таким образом, Книга Пророка Исаии впервые намекает на грядущее бессмертие.

Еще более недвусмысленно идея воскрешения из мертвых звучит в Книге пророка Йехезкеля (Иезекииля), жившего в начале шестого века до нашей эры. Иезекииль удостоился не только видения, он, по повелению Божию, лично свершил чудо: Бог показал ему долину, полную мертвых костей, и приказал произнести слова: «Кости иссохшие, слушайте слово Г-сподне!.. введу в вас дыхание [жизни], и оживете».

Пророк все исполнил в точности, и кости покрылись плотью, а после следующего пророчества в них «вошел дух», и они встали на ноги. Впрочем, оживление конкретных покойников не было самоцелью, это было лишь знамение грядущего массового воскрешения, которое Бог обещал иудеям в лице Иезекииля:

«Так сказал Г-сподь Б-г: вот Я открываю погребения ваши, и подниму Я вас из погребений ваших, народ Мой, и приведу вас в землю Израиля... И вложу дух Мой в вас — и оживете...»

Вскоре после этого обещание жизни вечной для народа Израиля было дано Даниэлю (Даниилу), жившему во времена Вавилонского пленения. Даниил находился на берегу реки Тигр после длительного поста, когда к нему явился «человек, одетый в льняные одежды, и бедра его препоясаны Уфазским золотом. А тело его как хризолит, и лицо подобно молнии, а глаза как факелы горящие, а руки и ноги его будто из меди сверкающей, и голос его подобен гулу множества [людей]». Усомниться в божественном происхождении и правдивости такого мужа было, конечно же, невозможно, тем более, что возвешенные им политические пророчества в дальнейшем сбылись. В «Иудейских древностях» Иосиф Флавий пишет, что осквернение Иерусалимского храма Антиохом IV Эпифаном в 169 году до н.э. — это точное исполнение пророчества, полученного Даниилом за 408 лет до того. Следовательно, и эсхатологические его пророчества должны вызывать полное доверие. Правда, иудейская традиция формально не причисляет Даниила к пророкам, поскольку он разговаривал не с Богом, а лишь с ангелом. Но это лишь вопрос терминологии. Тем более, что тесная связь Даниила с Богом уже была засвидетельствована ранее свершившимися чудесами. И даже закоренелый язычник, персидский царь Дарий, провозгласил Бога, которого почитал Даниил, «живым Богом», после того как пророка отказались есть голодные львы...

Явившийся Даниилу ангел четко сформулировал две основополагающие идеи вечной жизни: идею воскресения из мертвых и идею загробного воздаяния. «И пробудятся многие из спящих во прахе земном: одни — для вечной жизни,

а другие — на поругание и вечный позор. А мудрые будут сиять как сияют небеса, и ведущие многих по пути справедливости — как звезды, во веки веков».

Вечная жизнь была обещана и лично Даниилу: «Ты же иди к концу и упокойся, и встанешь по жребию своему в конце дней».

И если Порфирий в третьем веке нашей эры пытался усомниться в достоверности полученных Даниилом обещаний и даже высказал сомнения в том, что автор Книги Даниила вообще жил в описанное им время, эти сомнения можно оставить на совести Порфирия. Ведь этот неоплатоник, вместо того чтобы исследовать свое, неоплатоническое загробное царство, вторгся со своим уставом в «чужой монастырь», точнее, в почти чужой.

Предтечей неоплатонизма был александрийский иудей Филон, который попытался объединить ветхозаветную традицию с идеями греческой философии. Филон признавал бессмертие души и считал, что эфирные пространства неба (он сравнивал их с многолюдным городом) населены мириадами душ, «одни из которых нисходят в земные тела, а другие, возвращаясь, восходят на небо». Но с точки зрения Филона тело облакает душу как труп, тяжесть которого она должна влачить в течение всей земной жизни; душа находится в нем, как в гробу или в могиле. Последователи Филона Плотин и Порфирий развивали эту идею, но и у них бесчисленные телесные существования перевоплощающихся душ считались безрадостными, а впереди душу ждало воссоединение с Абсолютом, после которого она в значительной мере утрачивала свою индивидуальность. Таким образом, загробный мир неоплатоников был не слишком веселым, и, возможно, Порфирий просто позавидовал Даниилу и его согражданам, которым предстояло возродиться во плоти и «сиять как сияют небеса».

Но во времена Даниила бессмертие ожидало иудеев лишь в далеком будущем, после Судного дня и всеобщего воскресения. Пока же тела, равно как и души умерших пребывали в мрачном Шеоле. Но постепенно в царстве мертвых шли преобразования.

Во втором — первом веках до нашей эры Енох, ранее вознесенный на небеса, создает свою Книгу Еноха, в которой описывает путешествие по небесам и по загробному миру. Путешественнику открылось практически все строение Вселенной, он побывал в «пределах земли, на которых покоится небо, и открытые врата неба», он видел, «как выходят звезды небесные, и сосчитал врата, из которых они выходят, и записал все выходы их». Довелось ему повидать, как ангелы выпускают дождь из его «хранилища», повидать «хранилище духа облака» и «жилище духа росы». Он видел «шесть врат, в которых солнце заходит» и «двенадцать дверных отверстий в кругу солнечных колесниц на небе, из которых пробиваются лучи солнца», видел он даже «то место, где оканчивается небо и земля». Довелось Еноху посетить и дом, который «был выстроен из огненного пламени», а в нем — «возвышенный престол; его вид был как иней, и вокруг него было как бы блистающее солнце и херувимские голоса. И из-под великого престола выходили реки пылающего огня, так что нельзя было смотреть на него. И Тот, Кто велик во славе, сидел на нем... И святые, которые были вблизи Его, не удалялись ни днем, ни ночью и никогда не отходили от Него».

Кто эти святые и являются ли они ранее умершими — не вполне понятно. Если да, то это, во всяком случае, иудейские праведники, поскольку христианских в то время еще не было. Правда, количество их при всех условиях невелико. Основная масса умерших, по Еноху, содержится в четырех «прекрасных местах» на западе, на «высоком горном хребте», судя по всему, в глубоких долинах, отделенных друг от друга высокими скалами. Сопровождавший Еноха ангел Руфаил объяснил ему:

«Эти прекрасные места назначены для того, чтобы на них собирались духи, — души умерших; для них они созданы, чтобы все души сынов человеческих собирались здесь. Места эти созданы для них местами жилища до дня их суда и до определенного для них срока, и срок этот велик: он продолжится до толе, пока не совершится над ними великий суд».

На мрачный Шеол описанные Енохом «прекрасные места» не походят. Вероятно, автор оказался свидетелем переходного периода, когда души праведников еще не были переведе-

ны в рай, но и в Шеол уже не попадали. Енох пишет: «Души праведных отделены таким образом: там есть источник воды, над которым свет. Точно так же сделано такое отделение и для грешников, когда они умирают и погребаются на земле... Здесь отделены их души, в этом великом мучении, пока не наступит великий день суда и наказания...» Создание этой книги примерно совпадает со временем Маккавеев (середина второго века до н.э.), когда вера в загробную жизнь и воздаяние стала принимать у иудеев массовый характер — по-видимому, это было связано с известиями о производимых в загробном царстве реформах.

Во второй половине первого века нашей эры знаменитый законоучитель Йоханан бен Заккай в устной беседе с учениками подтвердил существование ада и рая. Эту беседу сохранила Агада — собрание афоризмов, поучений и исторических преданий. Когда учитель заболел и готовился к смерти, он сказал: «Два пути лежат передо мною — один в рай, другой в ад, и не знаю я, которым из двух путей поведут меня. Как же не плакать мне?»

Интересно, что Йоханан бен Заккай, описывая свою грядущую загробную участь, ни словом не обмолвился о том, что в Судный день приговор может быть пересмотрен. Учитель говорит: «Если Он вознегодует на меня, негодование это будет вечным, и если Он в темницу заключит меня, заключение это будет вечным, казнит меня — казнь моя станет казнью вечною. И словами мне не умилоstitивить Его и подарками не задобрить».

Впрочем, к этому времени в иудейском загробном царстве все было достаточно сложно. Во-первых, там наметился раскол. По свидетельству Иосифа Флавия из трех основных еврейских философских школ (фарисеев, ессеев и саддукеев) бессмертие души признавалось только первыми двумя: «Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть». Ессеи «признают бессмертие душ», по некоторым сведениям они признавали и возможность реинкарнации. А «по учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом».

Кроме того, Иосиф и сам совершенно недвусмысленно говорит о реинкарнации:

«Разве вы не знаете, что те, кто уходит из жизни в соответствии с законами природы... наслаждаются вечной славой; что их дома и потомки в безопасности; что их души чисты и покорны и получают самое священное место на небесах, откуда на переломе эпох их снова посылают... в тела; в то время как душами тех, чьи руки в безумии действовали против них же самих, завладевает самое темное место Гадеса?»

Как будто для того, чтобы еще больше запутать ситуацию, на рубеже 20–30-х годов нашей эры произошло событие, которое в иудейской литературе не отражено, но очень широко известно по литературе христианской. Речь идет о знаменитом сошествии Христа в ад. Как известно, первое, что сделал Христос после своей крестной смерти, — это спустился в ад (Шеол) и вывел оттуда ветхозаветных праведников. С точки зрения христиан, это было дело благое. Но если судить объективно, представитель новой религии вторгся на чужую территорию. Ветхозаветные праведники, как бы они ни были любы христианам, сами себя считали правоверными иудеями, и трудно поверить, чтобы они в массовом порядке согласились на переселение, тем более, что к этому времени уже проводился (или, по крайней мере, намечался) вывод праведников из Шеола силами самих иудеев. Уже упоминавшийся нами рабби Ишмаэль, совершивший путешествие по семи небесам в сопровождении Еноха, пишет: «Я увидел души праотцов мира, Авраама, Исаака и Иакова, и остальных праведников, которые восстали из своих могил и вознеслись на небеса». Рабби Ишмаэль умер незадолго до начала Второй иудейской войны против Рима (132–135 годы н.э.). Значит, его путешествие могло произойти не позже чем через сто лет после сошествия Христа в Ад. Очевидно, что к этому времени в Шеоле иудейских праведников уже не осталось (кто бы их оттуда ни вывел).

Авторы настоящей книги рискуют (в порядке гипотезы) высказать мысль о том, что вывод ветхозаветных праведников из подземного загробного царства, который с точки зрения христиан был осуществлен Христом, а с точки зрения иудеев — властью Бога, — это одно и то же событие. И что, несмо-

тря на все противоречия и споры, которые возникали между земными представителями двух религий, на Божественном уровне их объединение (или, по крайней мере, мирное решение всех вопросов) произошло еще в первом веке. Тогда и небеса, которые описывает рабби Ишмаэль, и христианский небесный рай — это одно и то же царство или, по крайней мере, разные области одного и того же царства. И уже не вызывает удивления, что еврейский путешественник увидел на небесах тех же самых праведников, которых Данте через одиннадцать веков лично встретит в христианском Эмпирее.

Но ценность сведений, принесенных рабби Ишмаэлем из его путешествия, отнюдь не исчерпывается сообщением о спасении праведников (хотя и это бесценно). Он написал книгу, которая по охвату информации может быть соизмерима с Дантовским «Раем». Это Сефер Хехалот — «Книга Небесных Дворцов».

Рабби Ишмаэль подробнейшим образом описывает открывшуюся ему структуру неба, точнее — небес, поскольку их семь. Каждым из небес управляет один из «прекрасных, чудесных и почитаемых» князей: «это Михаэль, Гавриэль, Шаткиэль, Шахакиэль, Барадиэль, Баракиэль и Сидриэль». Каждый из них является князем небесного воинства, и каждого сопровождает 496 000 мириад ангелов-служителей. Кроме того, существует ряд князей, которым подведомственны различные природные явления: снег, дождь, землетрясения... Отдельные князья управляют солнечной орбитой, диском луны, звездами и созвездиями. Так, звездами ведает князь Кохавиэль, а с ним — 365 000 мириад ангелов-служителей, которые двигают звезды по небесной тверди.

Слово «мириада», до того как оно превратилось в понятие «бесчисленного множества», означало у древних 10^4 . То есть количество ангелов, управляющих движением звезд, равно $365\,000 \times 10^4 = 365 \times 10^7$, или чуть больше трех с половиной миллиардов. Эта цифра, возможно, поражала воображение современников рабби Ишмаэля, поскольку почти в пятнадцать раз превосходила тогдашнее население Земли. Но если разобраться, то она крайне невелика. Количество звезд нашей Галактики по самым скромным подсчетам — около 150 мил-

лиардов, и даже если принять, что ангелы занимаются только ими, то на каждого из них приходится не менее сорока звезд. Если же в ведении ангелов находятся звезды всей видимой части Вселенной, то количество объектов, с которыми должен управляться каждый ангел, оказывается не менее $3,5 \times 10^{12}$. Учитывая, что для управления одним только Солнцем, по словам рабби Ишмаэля, требуются 96 ангелов, не вполне понятно, как остальные ангелы справляются со вверенными им небесными телами.

Тем не менее цифры, сообщенные Ишмаэлем, вызывают по ряду причин полное доверие. Проверить количество ангелов, потребных для осуществления астрономических процессов в масштабе Вселенной, современная наука не может. Но она может проверить другие цифры, сообщаемые автором «Книги Небесных Дворцов», и точность их изумляет. Так, по словам Ишмаэля, уже упомянутые 96 ангелов заставляют солнечный диск проходить «365 000 парасангов каждый день». Персидский парасанг (фарсах) — а рабби Ишмаэль, скорее всего, пользовался именно им — равен 5549 м. Несложный подсчет показывает, что ангелы заставляют Солнце преодолевать 2025 385 километров в сутки, или 23,4 километра в секунду. Обратившись к астрономическому справочнику, узнаем, что скорость движения Солнца относительно апекса (условной точки небесной сферы, расположенной в созвездии Геркулеса) равна 19,5 километра в секунду, а относительно межзвездного газа, по разным данным, от 20 до 25 км в секунду. К сожалению, рабби Ишмаэль не сообщает, какую именно скорость он имел в виду, но даже если речь шла о первой из них, ошибка в 17 процентов вполне простительна. Что же касается второй скорости (относительно межзвездного газа), то она названа с потрясающей даже для двадцать первого века точностью. Всякая мысль о подтасовке фактов исключена, и не только потому, что рабби Ишмаэль известен как уважаемый ученый, но уже и потому, что само понятие межзвездного газа было введено в научный оборот В. Я. Струве в 1847 году, а доказано его существование было лишь в тридцатых годах двадцатого века американским астрономом Р. Трамплером и советским Б. А. Воронцовым-Вельяминовым.

Рабби Ишмаэль подробно описывает коренное население небес: огненных шинанимов, пламенных керувимов, горящих офаннимов, вспыхивающих хашмаллимов и сверкающих серафимов. Так, например, серафимы имеют по шесть крыльев и по шестнадцать ликов каждый. Серафимы оказывают огромную помощь как живым, так и умершим. Известно, что Сатана и его помощники ведут записи грехов Израиля на таблицах и передают их серафимам, «дабы те представили их перед Святым, будь Он Благословен, с тем, чтобы Он истребил Израиль из мира. Но серафимы знают секреты Святого, будь Он Благословен, [знают], что Он не желает, чтобы народ Израиля пал. Что же тогда делают серафимы? Каждый день они берут таблицы из руки Сатаны и сжигают их в ярком огне, который горит напротив высокого и возвышенного Трона, так что они не входят в Присутствие Святого, будь Он Благословен, когда Он сидит на Троне Суда и судит весь мир по Истине».

Тем не менее судопроизводство на небесах ведется вполне серьезное. «Каждый день, когда Святой, будь Он Благословен, восседает на Троне Суда и судит весь мир — с Книгами живых и Книгами мертвых, открытыми перед Ним, все сыны высей стоят перед Ним в испуге, страхе, ужасе и трепете... Стражи и Святые стоят перед Ним, как судебные чиновники перед судом; они берут и исследуют каждое отдельное дело, и закрывают каждое дело».

Князь Софериэль «заведует книгами мертвых и записывает в книги мертвых каждого, для кого настал день смерти». Другой ангел, которого также зовут Софериэль, заведует книгами жизни и «записывает в книги жизни каждого, кого Святой, будь Он Благословен, благоволит ввести в жизнь». Рабби Ишмаэль видел души праведников, которые уже были «созданы» (под этим словом он, видимо, имеет в виду соединение с телом) и возвратились на небо после смерти; они летали «над Троном Славы». Видел он и души, которые еще только ожидали вселения в свое будущее тело. Пока что этим телам предстояло быть смертными. Но здесь же автор книги видел и Азбогу — князя, который, когда наступит срок последнего Суда, «облачит праведных и благочестивых мира в одеяния жизни (бессмертные тела. — *О. И.*), дабы, будучи одеты в них,

они смогли насладиться вечной жизнью». Здесь же находились и стражи, которые «освящают тело и душу огненными плетьюми на третий день Суда».

В отличие от христианского, очень часто невнятного загробного судопроизводства (по Данте, грешники без суда попадают в ад, и бес Минос лишь назначает каждому причитающийся ему круг), любой иудей, по свидетельству рабби Ишмаэля, попадает на небеса и подлежит Высшему суду. После чего души нечестивцев низводятся в Шеол двумя ангелами уничтожения, Заафиэлем и Самхиэлем. Первый из них препровождает души в Геином (Геенну), где их наказывают «палками из горящего угля». Второй ангел ведает душами, которые можно наставить на праведный путь надлежащим наказанием. Их воспитывают огнем в той же Геенне, специального чистилища нет; отличить их можно по зеленоватому цвету лица, который по мере очищения души принимает натуральный оттенок. Что же касается закоренелых грешников, их лица «черны, как дно горшка».

Наказанию огнем подлежат не только люди, но и ангелы. Обычная для них провинность — они «рецитируют песнь не вовремя или же не соответствующим и неподходящим образом». Недобросовестных декламаторов сжигают на месте, после чего «штормовой ветер дует на них и сбрасывает их в Огненную реку, и они превращаются там в кучи горящих угольев». Но все не так грустно, ибо их бессмертные души «возвращаются к их Творцу, и все они стоят перед их Создателем».

К завершению периода Талмуда в бессмертии души, грядущем Судном дне и воскрешении из мертвых уже мало кто сомневался. Они были включены в древнейшую часть Талмуда, Мишну, в качестве одного из догматов веры. Не было только до конца понятно, что именно будут делать люди в загробном мире. В третьем веке выдающийся ученый Рав, один из создателей Талмуда, считал, что праведники будут пребывать там в венцах, наслаждаясь светом Божественного присутствия; никакими земными делами, в том числе едой или питьем, по его мнению, там заниматься не должно. В «Вознесении Моисея» — известном памятнике иудейской апокалиптической

литературы (сохранившемся только в латинском переводе) — праведники в раю в числе прочих удовольствий заглядывают в Геенну и любуются на мучения грешников. Бытовала и точка зрения, что в лучшей жизни праведники преимущественно изучают Тору. В тринадцатом веке Рамбан, ссылаясь на предшествовавших ему учителей, говорил, что «в грядущем Святой, благословен Он, устроит праведникам трапезу и танцы в Ган Эдене».

Непонятно было не только то, чем надлежит заниматься в загробном, а потом и в Грядущем мире (Олам а-ба), но и что такое этот самый Грядущий мир. Знаменитый Маймонид, живший в двенадцатом веке, высказывался по этому поводу самым противоречивым образом. В конечном итоге его взгляды, сформулированные в «Свитке о воскрешении мертвых», свелись к тому, что праведная душа получает немедленное загробное воздаяние: «она существует, подобно ангелу, созерцая свет того, Будущего мира, и наслаждаясь им». После прихода Мессии и наступления мессианской эры души воссоединятся с телами, однако потом снова умрут, чтобы окончательно вступить в жизнь вечную уже вне тела. Маймонид изрядно запутал своих последователей, упорно называя Будущим миром тот мир, в который душа переходит сразу после смерти тела. Он писал: «...жизнь в нем наступает для человека после завершения его жизни в этом мире, где наши души пребывают вместе с телами. Но сам “Будущий” мир существует для каждого человека изначально».

Живший в тринадцатом веке последователь Маймонида рабби Моше бен Нахман (Рамбан) потратил немало сил и чернил, чтобы разобраться в сложных эсхатологических построениях своего предшественника и объяснить их простыми словами. Кроме того, он создал великолепный труд «Врата Воздаяния», где подробно изложил структуру иудейского загробного мира. Сам Рамбан, в отличие от Еноха, рабби Ишмаэля, Данте, Сведенборга и прочих знаменитых путешественников, на тот момент в загробном мире еще не бывал, но обработал множество текстов, созданных учителями прошлого.

Согласно Рамбану, каждый человек сразу после его смерти подлежит суду первой инстанции; при этом его определяют

в одну из трех групп. Праведникам, чья святость никаких сомнений не вызывает, даруется жизнь вечная, и они направляются в рай (Ган Эден). Закоренелых грешников, чья абсолютная виновность также сомнений не вызывает, направляют в Геином на вечные муки (приговор им, как и праведникам, выносится в письменном виде и скрепляется печатью).

Что же касается тех, чьи деяния не столь однозначны, они ввергаются в Геином вместе с грешниками. Продолжительность наказания варьируется в зависимости от вины: некоторых выпускают из Геинома, как только они взмолятся о пощаде, некоторых держат здесь до года. Но, как правило, дольше двенадцати месяцев в Геиноме остаются только те, кто ввергнут в него навечно.

Грешники, чье пребывание в Геиноме подошло к концу, в свою очередь, разделяются на категории. Те, кто недостойн блаженства, но и вечных мук не заслуживает, уничтожаются: «тела истребляются, души сжигаются». Сожжение душ происходит прямо в Геиноме: пылающий здесь огонь, в отличие от обычного земного огня, был сотворен не на шестой день творения, а на второй, поэтому его силы достаточно для уничтожения такой, казалось бы, неуничтожимой субстанции, как душа. Души, для которых существует надежда на пересмотр дела, «передаются ангелу Думе, поставленному над мертвыми, и нет им успокоения». Впрочем, наиболее достойные «поднимаются по завершению кары на уровень, где вкушают покой и наслаждение, но не так, как праведники». Окончательно их судьба будет решена после того, как в Рош а-Шана (День трубления) труба Всевышнего призовет их на суд, а в Йом Кипур (Судный день) им будет вынесен окончательный приговор.

Рамбан подробно останавливается на географии как Геинома, так и Ган Эдена. Ссылаясь на древних мудрецов, которые «измерили Геином — его длину и ширину», он пишет: «Земля — одна шестидесятая от размера Гана. А Ган — одна шестидесятая от Эдена. А Эден — одна шестидесятая от размера Геинома. Получается, что вся Земля по сравнению с Геиномом, как крышка по сравнению с кастрюлей».

К вопросу о размерах Ган Эдена мы еще вернемся, что же касается соотношения Земли и Геинома, то образ кастрю-

ли хотя и выразителен, но не вполне точен. Дело в том, что, исходя из цифр, приведенных Рамбаном, Земля составляет $1/216000$, или $0,000463$ процента от Геинома. Археологически и этнографически такие кастрюли ни в одной культуре мира не обнаружены. И независимо от того, имеется в виду сравнение линейных размеров или объемов, цифра эта наводит на мысль, что Геином находится не просто в недрах земли, но в некоем особом пространстве (или измерении?). Впрочем, топология его сама по себе вполне может быть описана в рамках обычной евклидовой геометрии.

В Геином ведут как минимум три входа: один находится в пустыне Синай, второй — в море и третий — в Иерусалиме. Входы узки, «чтобы его дым собирался внутри», но сам Геином «глубок и просторен». «И чтобы не подумали, что нет там дров... пылает его костер и дров много». Геином расположен на семи уровнях, которые носят названия: «Врата тьмы, Врата смерти, Трясина, Гибельная яма, Авадон, Шеол, а ниже всех — Арка». Под Аркой протекает река огня, берущая начало на небесах и вытекающая из-под Небесного Трона. Судя по всему, Геином сильно расширяется книзу, поскольку рабби Йеошуа бен Леви, на которого ссылается Рамбан, сообщает, что верхний его уровень имеет всего лишь сто миль в длину и пятьдесят миль в ширину. Он же указывает, что там имеется «множество ям, в которых находятся огненные львы. И когда нечестивцы падают в ямы, львы их съедают. Но после того, как огонь пожирал их, они возвращаются в прежнее состояние». Здесь же находятся ангелы, которые стегают нечестивцев огненными бичами. Когда же их «побиение и сожжение» заканчивается, они выходят из пламени, «как будто и не горели», и все начинается сначала. Рамбан сообщает, что этот цикл повторяется «семь раз в день и три раза за ночь». И это наводит на мысль, что в Геиноме существует смена дня и ночи, причем ночь заметно короче дня. Впрочем, возможно, что такой режим связан с особенностями трудового распорядка ангелов.

Интересно, что в отличие от многоярусных адов других конфессий в Геиноме принципиальной разницы между ярусами не существует: на всех уровнях грешников «карают тем же путем». «И во всех семи тысячах мест каждого уровня кара-

ют нечестивцев такими карами». Единственное различие состоит в том, что «огонь Шеола в шестьдесят раз сильнее, чем огонь Авадона, расположенного над ним. И так же огонь каждого уровня по отношению к расположенному над ним».

Ган Эден описан Рамбаном менее подробно. Но интересно, что автор «Врат Воздаяния», подобно Данте (но на полвека раньше), сообщает о наличии двух мест наслаждения праведных душ, земного и небесного. Он пишет, что есть «земной Ган Эден» и «высший Ган Эден». Относительные размеры их указаны в главе «О Геиноме», где Рамбан различает «Ган», который в шестьдесят раз больше Земли, и «Эден», который больше Земли в 3600 раз. Видимо, это и есть «земной рай» — Ган (Сад) и «небесный рай» — Эдем. Во всяком случае, ни одна из этих территорий не может находиться на земле, если она описывается евклидовой геометрией. Но в тринадцатом веке других геометрий не было, поэтому математическая модель Ган Эдена еще ждет своих создателей. По крайней мере, Рамбан уверенно помещает земной Ган Эден на поверхности нашей планеты, уточняя, что он «расположен под линией равноденствия, где день не удлиняется и не убывает».

Земной Ган Эден, как и земной рай Данте, является местом первоначального пребывания душ. Согласно Рамбану, в течение первых двенадцати месяцев после смерти тело еще продолжает существовать, поэтому душа не может покинуть его окончательно, она «поднимается и спускается». Для того чтобы душе не пришлось спускаться к своему телу слишком издали, ее сначала поселяют в земном Ган Эдене, «где наслаждения Высшего Мира еще связаны с материальностью». По одной из версий, вход в него находится в Бейт-Шеане, к северу от Иерусалима. А по истечении года, когда тело окончательно разлагается, душа уходит в высший Ган Эден.

Схожую модель двойного рая предлагали эсхатологические учения каббалы. Впрочем, там дело обстояло сложнее: трем мирам загробного воздаяния соответствовали три части души человека. «Нефеш» (низшая часть души) после смерти и суда первой инстанции остается в могиле и прямо здесь несет положенное наказание. «Руах» (дух) тоже терпит наказание (но не дольше года), после чего отправляется в «нижний» Ган Эден. Что же касается высшей части души, «нешамы», она не

может быть грешной, поэтому «нешама» без всякого суда немедленно направляется в небесный Ган Эден. Кроме того, согласно каббале, души способны к реинкарнации и могут иногда возвращаться в мир живых.

Но что бы ни ждало души в иудейском загробном мире, хочется верить, что прав знаменитый философ и поэт Яаков бен Меир, известный также как Рабейну Там. В середине двенадцатого века он писал в своей книге «а-Сефер а-Яшар»: «Наш мир схож с подземной пещерой в пустынном месте. Житель этой пещеры убежден, что помимо нее ничего нет, хотя, выйдя, увидел бы он большие страны, и небо, и море, и солнце, и звезды. Так человек, пока жив, будет думать, что нет иного мира, хотя, выйдя из него, увидит он грандиозный мир иной во всем его великолепии».

Сведения о загробном мире ислама достоверны и непротиворечивы. В отличие от многих других религий, где теоретики и путешественники спорили друг с другом, предлагая самые невероятные географические версии, в исламе основным источником информации являются Коран и хадисы, восходящие непосредственно к Пророку.

Вселенная ислама состоит из мира живых, из мира душ, в котором умершие ждут Судного дня, из рая и ада. Взаимное расположение миров четко не обозначено и, по-видимому, не может быть постигнуто человеческим разумом. Так, например, ад, который у представителей других конфессий традиционно расположен в глубинах Земли, у мусульман не может помешаться в Земле уже по той причине, что он для этого слишком велик. Известно, что после Судного дня в адский огонь будут брошены не только сами грешники, но и те идолы, которым они поклонялись, в том числе «Солнце и Луна будут скручены в Огне». По этому поводу один из крупнейших мусульманских богословов одиннадцатого века Аль-Куртуби писал: «...они будут брошены в Геенну вместе потому, что им поклонялись наряду с Аллахом. Огонь не причинит им стра-

даний, потому что они — безжизненные существа. С ними поступают так, чтобы унижить неверующих и приумножить их горе. Так говорили некоторые ученые».

Но есть свидетельства, позволяющие допустить, что ад расположен в глубочайших недрах земли. Сподвижник Пророка Абу Хурейра рассказывал: «Как-то мы сидели около посланника Аллаха и услышали грохот падающего камня. Пророк спросил: “Знаете ли вы, что это?” Мы ответили: “Аллаху и Его посланнику это ведомо лучше”. Он сказал: “Это — камень, брошенный в Ад семьдесят лет назад, и лишь сейчас он упал на его дно»». Известно и другое высказывание Пророка: «Если камень величиной с беременную верблюдицу будет брошен с края Ада, он будет лететь семьдесят лет и не достигнет дна».

Мусульманский ученый Умар Сулейман Абдуллах аль-Ашкар в книге «Рай и ад» пишет, что богословы разошлись во мнениях относительно того, где располагается Ад сейчас. Одни утверждали, что он находится на «нижайшей земле». Другие полагали, что он находится на небесах. Третьи воздерживались от конкретного суждения. Умар Сулейман Абдуллах аль-Ашкар считает последнее самым правильным, «так как по этому поводу нет ни одного ясного достоверного текста». Он ссылается на мнение хафиза ас-Суйути: «Следует воздерживаться от высказывания суждений относительно местонахождения Ада, потому что этого не знает никто, кроме Аллаха, и на эту тему нет ни одного хадиса, которому я бы доверял».

Шейх Валиуллах ад-Дахлави в своем трактате, посвященном вероучению, писал: «Нет ни одного ясного текста, конкретизирующего местонахождение Рая и Ада. Они находятся там, где угодно Всевышнему Аллаху. Мы же не способны объять своим знанием творение Аллаха и Его миры». Но где бы ни находился мусульманский ад сегодня, есть основания думать, что он претерпит радикальные преобразования после Судного дня, который будет сопровождаться катаклизмами космического масштаба.

Известно, что ад, как и рай, были созданы изначально, в процессе сотворения мира, и пребудут вечно. Пророк сказал: «Обитатели Рая войдут в Рай, а обитатели Огня — в Огонь, а потом глашатай встанет между ними и скажет: “Обитате-

ли Рая, смерти не будет — будет вечность! Обитатели Огня, смерти не будет — будет вечность!”». Но и рай, и ад существуют в определенной динамике и подвержены изменениям. Так, например, «адский огонь разводили тысячу лет, пока он не стал белым, затем его разводили еще тысячу лет, пока он не стал красным, а затем его разводили еще тысячу лет, пока он не стал черным. Он — черный, подобно темной ночи». По версии некоторых мусульманских ученых, при наступлении Судного дня «Земля расстелится по всему пространству, что огибает, крутясь вокруг Солнца». Таким образом, можно допустить, что физическая сущность ада тоже претерпит преобразования.

Рай в исламе — это прежде всего не место упокоения душ; в нем будут пребывать праведники, воскресшие телесно после Судного дня. Поэтому было бы не вполне корректно отождествлять рай с небесами. Тем не менее до телесного воскресения праведники могут пребывать на небесах, что Пророк засвидетельствовал во время своего чудесного путешествия из Мекки в Иерусалим и оттуда — к престолу Аллаха. В память об этом путешествии мусульмане ежегодно отмечают праздник «мирадж» — это слово, по мнению богословов, означает лестницу, по которой Мухаммед совершил восхождение на небо из Иерусалима. По этой же лестнице спускаются и поднимаются ангелы. Хадисы, посвященные восхождению Пророка, описывают его путешествие в сопровождении архангела Джабраила на волшебном животном по имени ал-Бурак.

Существует семь небес, расположенных над землей на разных уровнях. На нижнем, первом из них, пребывает Исмаил, легендарный предок арабов. Под его началом находится воинство ангелов, которые защищают небеса от джиннов. На втором небе Пророк встретил пророка Ису (Иисуса), на третьем — Йусуфа (Иосифа), на четвертом — Идриса (Еноха), на пятом — Харуна (Аарона) и на шестом — Мусу (Моисея). На седьмом небе пребывает пророк Ибрахим (Авраам), который и показал Мухаммеду рай. Дальше лежит море, над которым расположен Трон Всевышнего.

Все путешествие Мухаммеда заняло столь малый промежуток времени, что, вернувшись, он успел подхватить кувшин с водой, опрокинутый перед отбытием. Тем не менее Пророк

сообщает, что расстояние от земли до первого неба — пятьсот лет, «а от каждого неба до следующего — также пятьсот лет. Каждое же небо также простирается на расстояние в пятьсот лет. Между седьмым небом и Троном лежит море, расстояние от дна до поверхности которого такое же, как между небом и землей. Всевышний Аллах же находится над всем этим...». Если принять дневной переход за двадцать пять километров, то расстояние до первого неба составит чуть больше четырех с половиной миллионов километров, что примерно в десять раз превышает расстояние от Земли до Луны, но в тридцать с лишним раз меньше, чем до Солнца.

Впрочем, как мы уже говорили, космология мира, в том числе и рая, и ада, претерпит значительные изменения в день Страшного суда. Все обитатели земли и неба, которые доживут до этого дня, должны будут умереть (в том числе джинны и ангелы), после чего ангелы и джинны воскреснут, а человечество возродится из праха, чтобы занять места в раю и в аду.

В Коране сказано: «Вострубит трубач и падут в прах все, что на Небесах и на Земле, кроме тех, которых пожелал сохранить Аллах. И еще раз вострубит труба и все восстанут из могил в ожидании. Осветится Земля светом Господа ее, и возложат Книгу Деяний, и приведут пророков и свидетелей. И рассудят меж людьми по справедливости, и ни в чем они не будут обижены. Каждой душе сполна воздастся за ее поступки — ведь Он лучше знает о ее деяниях. И погонят неверных в Геенну толпами... И скажут им: “Войдите во врата Геенны и пребывайте там вечно”. Как ужасно возгордившихся местопребывание!.. А тех, что убоялись Господа своего, приведут в сады райские толпами, и когда они подойдут к ним, откроются все врата и скажут хранители рая: “Мир вам, добрые. Навеки пребывайте здесь, блаженные!”».

А теперь рассмотрим, как устроен каждый из названных загробных миров.

Ад охраняют девятнадцать ангелов-стражников, «сила великая у каждого». У ада семь врат, каждым из которых соответствует один из его уровней. Грешник попадает в тот слой, который он заслужил своими деяниями, «одних Огонь охватит до шиколоток, других — до их колен, третьих — до пояса,

а четвертых — до шеи». Причем, по словам Пророка, «лицемеры — в самом нижнем слое Ада». Грешники в аду закованы в ошейники и цепи, в частности, упоминается «цепь длиною в семьдесят локтей» (впрочем, эта длина относительно невелика по сравнению с размерами адских жителей, о чем будет сказано ниже).

Ад очень велик, и это следует не только из того, что он (в перспективе) вместит Солнце и Луну. Он сможет без труда вместить неисчислимые толпы грешников, и переполнить его невозможно: «В тот день Мы спросим у Геенны: “Наполнилась ли ты?” Она скажет: “Нет ли добавки?”». И это при том, что каждый грешник, вступая в ад, многократно увеличится в размерах. Произойдет это для того, чтобы его тело могло испытывать соответственно и большие терзания. Так, зубы грешника станут размером «с небольшую гору», а расстояние между плечами вырастет до «трех дней пути» — около 60–80 километров. Кроме людей, в ад попадут также и джинны, чьи души тоже обретут новые тела.

Интересно отметить, что мусульманский ад в какой-то мере предстает живым существом, своего рода демоном. Соратник и родственник Мухаммеда Ибн Аббас писал о звуках, издаваемых адом навстречу человеку, которого туда волокут: «...и тот зарычит на него так, как мулица рычит, увидев ячмень. А потом он вздохнет так, что всех вокруг охватит страх». Пророк сказал о Судном дне: «В день Воскресения приведут Огонь, у которого семьдесят тысяч поводов. За каждый повод его будут волочить семьдесят тысяч ангелов». Последнее высказывание позволяет составить представление не только о невероятных размерах Геенны, но и о ее мощи, для обуздания которой требуются такие силы.

Источником адского огня будут «люди и камень». Мусульманские ученые высказывали разные точки зрения по поводу того, какие камни имеются в виду, возможно, что это слитки серы. Кроме того, «растопкой для Геенны» будут и языческие идолы. Пророк оставил сообщения по поводу температуры адского пламени. Он сказал: «Огонь ваш этот, который разводит сын Адама, является лишь семидесятой частью жары Адского пламени... Поистине, жара Адского огня превосходит жару этого огня на шестьдесят девять

раз, каждая из частей которого равна жаре этого пламени». Известно, что температура горения дерева в обычном костре составляет от 800 до 1000° С. Температура горения каменного угля в обычной печи не превышает 1200°. Таким образом, можно допустить, что температура адского пламени достигает 70 000° С (для сравнения: температура поверхности Солнца — около 6000° С).

Грешники не только горят в огне, они и «питаются» им: «Поистине, кто несправедливо пожирает сирот имущество, пожирают огонь в свои утробы». Кроме того, «...для неверующих из огня одежды скроены».

Впрочем, истязание огнем является лишь одной из многочисленных пыток мусульманского ада. Самым легким считается наказание, при котором на подошвах ног человека будут помещены горящие угли. Мозги грешников закипят при этом от жара, как котел с водой. Другим провинившимся на головы будет литься кипяток, пока их внутренности не закипят, выходя из пяток. Их кожа будет обгорать в огне. Когда же тела грешников будут разрушены до такой степени, что пытка станет бессмысленной, они будут восстановлены, кожа заменена новой, и все начнется сначала. «...А если они воззовут о помощи, то им помогут водой, подобной расплавленному металлу, которая опалает лица. Скверно это питье, и плохо убежище!» Кроме того, обитателям ада предстоит пить «отвратительный гной», а тем, кто в земной жизни употреблял спиртное, предложат «тину сумасшествия» — «это пот обитателей Ада и сок обитателей Ада».

Из пищи обитателей ада можно отметить «горький терн, который не дает дородства, как и от голода не избавляет», и плоды растущего здесь же, в аду, дерева заккум. «Это — дерево, растущее из Ада глубины, плоды его подобны дьявольским главам». Они «кипят... во чревах, подобно кипятку».

Грешники будут взывать к главному стражу ада, ангелу Малику, умоляя его: «О, Малик! Пускай Господь покончит с нами!» Но он ответит им: «Поистине, навеки останетесь в Геенне огненной».

Показательно, что мужчины попадают в Геенну значительно реже, чем их жены. Описывая ад, Пророк говорит: «Я увидел, что большая часть его обитателей — женщины». Его спро-

силы: «Из-за чего, Посланник Аллаха?» Он сказал: «Из-за их неблагодарности». Его спросили: «Они неблагодарны Аллаху?» Он ответил: «Они неблагодарны своим мужьям, неблагодарны за доброе отношение».

Обитатели рая и ада могут общаться между собой. В Коране приводится следующий диалог: «Обитатели рая воззовут к обитателям ада, говоря: “Мы нашли награду, которую обещал нам Господь, истиной. Нашли ли вы то наказание, что обещал вам Господь, истиной?” Обитатели ада им ответят: “Да!”»... «Обитатели ада обратятся к обитателям рая, говоря: “Дайте нам воды или что-нибудь из того, чем наделил вас Аллах из доброй пищи, одежды и других благ!” Тогда обитатели рая им ответят: “Мы не можем этого сделать, потому что Аллах запретил это всё для неверных, нечестивых людей, которые не уверовали в Него и не были благодарны Ему за блага, дарованные Им, в ближайшей жизни”».

Между раем и адом находится преграда — Аль-Араф (некоторые переводчики Корана называют ее чистилищем, хотя это место и не вполне соответствует католическому чистилищу). Здесь находятся люди, которые еще не знают о своей посмертной судьбе, и они молят Всевышнего: «Господи наш! Не помещай нас с этими грешными и неправедными!»

Знаменитый составитель свода хадисов Муслим, живший в девятом веке, упоминает «длинный мост, пересекающий Адский огонь и охваченный темнотой», отделяющий ад от рая. Впрочем, сообщение между этими двумя регионами после Страшного суда станет невозможным, ибо ворота ада закроются навсегда.

Картины рая в исламе проработаны столь же, если не более подробно. Пророк упоминал, что «рай имеет сто ступеней, между которыми есть расстояние в сто лет». Это, кстати, косвенно говорит о том, что рай не равнозначен небесам, структура которых отличается от райской. Впрочем, все обитатели рая независимо от того, на какой ступени они находятся, могут пользоваться любыми наслаждениями, которые они только пожелают.

Рай — это прекрасный сад, где земля состоит из шафрана и мускуса и усыпана галькой из жемчуга и рубинов. Здесь

протекают реки искрящейся воды, молока, меда и вина, причем вода из этих рек никогда не портится, молоко никогда не кисает, а вино не дурманит разум. В воздухе разливаются дивные ароматы. Из множества растений можно особо отметить лотосы, финиковые пальмы, гранатовые деревья и деревья акации со стволами из золота. Пророк говорил, что, если бы Он взял из рая одну лишь кисть винограда, люди земли «ели бы его, пока существует этот мир».

В раю воздвигнуты дворцы и особняки; кирпичи, из которых они построены, отлиты из золота и серебра. «Поистине, в раю у верующего будет шатер из одной полой жемчужины, высота которой шестьдесят миль. В нем живет семья верующего». Здесь стоят шатры, сделанные из драгоценных камней. Повсюду разостланы великолепные ковры, на них возлежат праведники, одетые в зеленый шелк, атлас, парчу и золото. Им прислуживают прекрасные юноши. «Кто бы ни вступил в рай, благословляется жизнью, полной радости; он никогда не будет чувствовать себя несчастным, его одежда никогда не будет портиться, и он всегда будет молод».

Обитатели рая после того, как воскреснут, отнюдь не будут бесплотными душами, они смогут получать радости от еды, питья и физической любви. Но при этом тела их будут чисты и выделять станут лишь некий пот, подобный мускусу. Не будет и физических неудобств от холода или жары, невозможны станут ни болезни, ни старость.

Супруги сохранят свое сожителство, если пожелают. Кроме того, к услугам праведников будет множество прекрасных черноглазых гурий. И это отнюдь не лишнее, ибо, как писал Аль-Куртуби: «Женщины составят меньшую часть обитателей Рая, потому что они легко поддаются соблазнам и склоняются к тленным земным красотам. Причина этого в том, что они недостаточно благоразумны, чтобы устремить свои взоры к будущей жизни. Им не хватает сил, чтобы трудиться во благо Последней жизни, и они тяготеют к земному миру и его прелестям».

Но будь обитатели рая мужчинами или женщинами, они не станут предаваться пустой болтовне и сплетням. Люди в раю «не встретят душу злословящую... Там не услышат ни пустых речей, и ни преступных слов. Звучать лишь будет: “Мир вам! Мир!”».

Таковы ад и рай ислама. Но души попадают туда не сразу. Когда умирает грешник, то злая душа с трудом оставляет тело, ангелы вытягивают ее «подобно переполненному вертелу, протянутому через влажную шерсть». Потом Ангел Смерти помещает душу в мешок, сотканный из вонючих волос, и относит ее на самое нижнее небо, но врата не открываются перед грешником. В книге его жизни делается соответствующая запись (с ней он предстанет перед Последним судом), и душа низвергается обратно и возвращается в мертвое тело. Ангелы прямо в могиле допрашивают грешника с тем, чтобы окончательно убедиться в его виновности. «Дно его могилы воспламеняется жестоким огнем Ада, и его могила делается узкой и сжимается до того, что его ребра переплетаются, поскольку его тело сокрушено». Злые дела, совершенные им, являются перед его взором. Кроме того, ему показывают место, которое было предназначено для него в раю и которое теперь ему не достанется. Показывают грешнику и место, уготованное для него в аду.

Умиравший праведник, напротив, с самого начала опекается белолицыми ангелами, и душа его мирно выходит из тела. Ангелы успокаивают умирающих: «Не бойтесь и не печальтесь, примите радостную весть о Рае, что обещан вам. Мы — ваши опекуны в этой жизни и в будущей; вы там найдете все, что ваши души пожелают, и все, о чем попросите, — благодать от Всепрощающего и Милосердного». Ангелы оборачивают душу благоуханным саваном и возносят на небо. Небесные врата открываются перед праведником, и в книге его жизни делаются похвальные записи. После этого душа вновь возвращается в могилу, но могила эта просторна и наполнена светом. Ангелы задают умершему ряд вопросов (как задавали и грешнику), но праведная душа отвечает на них без запинки. Впрочем, современные таджики на всякий случай кладут в могилу небольшой листок с правильными ответами — благо вопросы ангелов известны заранее. Потом праведнику показывают уготованное для него в раю место; правда, раю надо еще дожидаться, сразу в него не пускают.

Что касается душ в основном праведных, но все же запятнавших себя незначительными грехами, они в этот период

подвергаются очистительным наказаниям, а окончательно их участь будет решена на Страшном суде.

Мусульманские богословы высказывают разные точки зрения на то, когда души попадают в рай или в ад. В полной мере эти два мира откроются перед своими будущими жителями только после Страшного суда. Лишь тогда воскресшие тела смогут по-настоящему вкусить мучения ада и наслаждения рая. Сначала умершие пребывают в «мире душ», и главная радость праведников — предвкушение будущего блаженства. Но существует и такая точка зрения, что, во-первых, время ожидания Судного дня для каждой души свое (конечно, объективно Суд наступит для всех сразу, но субъективно ожидание будет воспринято каждой душой по-разному), а во-вторых, души все-таки попадают в рай и ад раньше, чем наступит конец света. Недаром ведь Пророк говорил, что врата ада закрываются в месяц рамадан. Это значит, что в остальное время они открыты и ад уже функционирует.

Что же касается рая, Пророк говорил: «Поистине, дух верующего — птица, сидящая на ветвях райских деревьев, пока Аллах не вернет его в его тело в Судный день». И это дает некоторым ученым основания думать, что душам праведников не приходится дожидаться рая слишком долго.

«В доме Отца Моего обителей много»
(христианство)

История христианского загробного мира начинается с сотворения рая. Рай был создан значительно раньше ада и чистилища: по расчетам Отцов Церкви — в 5508 году до н.э., как часть изначально сотворенного мира (эта дата стала общепринятой в VII веке, хотя предлагались и другие). Сначала христианский рай строился для живых, поэтому Бог выбрал для него место на земле. Благодаря Моисею, оставившему нам Книгу Бытие, мы имеем некоторое представление о том, где же он находился:

«И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке... Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной реки Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото... Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат».

До сих пор неясно, какие современные реки имелись в виду под названиями Фисон и Гихон. Существуют различные гипотезы, и о них мы поговорим чуть позже. Но Хиддекель — это древнее название Тигра. Сейчас Тигр и Евфрат имеют разные истоки, но можно допустить, что семь с половиной ты-

сяч лет тому назад в Божественном раю они имели общий исток. Поэтому, хотя точные границы рая и неизвестны, можно вслед за большинством богословов принять, что находился он в междуречье Тигра и Евфрата.

Некоторые исследователи отождествляют Фисон с рекой Аракс в Армении. В этом случае северо-западная граница рая могла проходить достаточно высоко в горах. Причем рай, по-видимому, имел и морские границы, ибо Господь, предложив Адаму и Еве властвовать над животными, особо оговорил владычество «над рыбами морскими». В древности Тигр и Евфрат впадали в Персидский залив двумя отдельными устьями, и расположенный между ними рай вполне мог доходить до берегов залива, который тогда вдавался в сушу примерно на четыреста километров северо-западнее, чем сейчас. Во всяком случае, большая часть рая располагалась на низкой равнине между двумя великими реками.

На рай в нашем современном понимании эти места похожи не были. Если бы не грехопадение, то Адаму, Еве и их потомству предстояло жить в Эдемском саду примерно так, как чуть позднее жили там древние шумеры. Очевидно, дела с земледелием у Адама и Евы обстояли бы несколько лучше, ибо Господь, без сомнения, не допускал бы в раю природных катаклизмов, изрядно отравлявших жизнь шумеров, например сокрушительных разливов рек. Но с другой стороны, шумеры могли есть мясо и рыбу, а населению рая Господом предлагались лишь плоды и травы: «Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу».

Тигр и Евфрат стекали с Армянского нагорья, пересекали горные хребты и выходили на огромную глинистую равнину. Ближе к устьям между реками простирались заросшие камышом болота. Ветер нес из пустыни песчаные бури, а из залива — воду. В сочетании с мощнейшими разливами, происходившими в результате весеннего таяния снегов, это приводило к опустошающим наводнениям. Причем, в отличие от разливов Нила, сроки разливов Тигра и Евфрата не были известны заранее. Климат в раю был исключительно жарким, температура в тени местами доходила до 50° С. Дожди были

редкостью и выпадали лишь на севере Междуречья, на юге естественного орошения почти не было. В Книге Бытие так говорится о раннем этапе существования земли и рая: «Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли». Но когда человек появился, дожди в Междуречье, видимо, не стали выпадать чаще, и даже на севере приходилось прибегать к искусственному орошению.

Флора этих мест была скудной. Деревья росли в основном в предгорьях, а на юге лишь по берегам рек встречались ивы, да кое-где виднелись небольшие финиковые рощицы. Правда, реки кишели рыбой, прибрежные заросли — птицами: цаплями, фламинго, пеликанами. А на равнине обитали и быки, и ослы, и свиньи, и газели, и зайцы, и страусы, и леопарды, и даже львы. Но Господь предписал первым жителям рая сугубо вегетарианский рацион, а значит, и свиньи, и зайцы, и страусы представляли для Адама и Евы лишь эстетическую или познавательную ценность. Водились здесь и змеи. В Библии не говорится, к какому виду принадлежал змей, соблазнивший Еву, но мы знаем, что в числе прочих пресмыкающихся в Междуречье встречалась ядовитая гюрза. Кроме того, здесь было немало неприятных насекомых: саранча, фаланги, скорпионы.

Возникает законный вопрос: почему для рая было выбрано столь «нерайское» на первый взгляд место? Но если вдуматься, то именно это место оказалось чрезвычайно удачным, что позднее подтвердилось блистательным расцветом цивилизации Междуречья. Рай в те далекие годы предназначался Богом не для бесплотных праведников с арфами в руках, а для живых людей, которым уже была дана заповедь «плодитесь и размножайтесь», причем для людей-тружеников. Моисей пишет, что Адам был поселен в саду Эдемском для того, «чтобы возделывать его и хранить его». Ева же была сотворена как «помощник» Адама. О праздности речь отнюдь не шла, речь шла о труде. И древняя Месопотамия подходила для этого как нельзя лучше: земля здесь отличалась исключительной плодородностью. Несмотря на суровые условия, именно в Двуречье человеческий труд мог вознаграждаться сторицей, что позднее и произошло. Разливы двух рек покрывали землю слоем ила — великолепного натурального удобрения. Доста-

точно было построить систему дамб, каналов, плотин и цистерн для хранения воды, чтобы Месопотамия превратилась в житницу Передней Азии. В пятом веке до нашей эры Геродот писал об этих местах:

«Из всех стран на свете, насколько я знаю, эта земля производит безусловно самые лучшие плоды Деметры... Урожай здесь вообще сам-двести, а [в хорошие годы] даже сам-триста. Листья пшеницы и ячменя достигают там целых четырех пальцев в ширину. Что просо и сесам бывают там высотой с дерево, мне хорошо известно, но я не стану рассказывать об этом. Я знаю ведь, сколь большое недоверие встретит мой рассказ о плодородии разных хлебных злаков у тех, кто сам не побывал в Вавилонии... Повсюду на равнине растут там финиковые пальмы, в большинстве плодоносные. Из плодов пальм готовят хлеб, вино и мед».

Из других деревьев, произраставших в раю, надо отметить смоковницы, ибо именно из их листьев, согласно Библии, Адам и Ева сделали себе первую в мире одежду. Кстати, Геродот особо отмечает, что смоковницы в Двуречье не растут. Но мы знаем, что «отец истории» иногда пользовался непроверенными сведениями, а богооткровенную книгу в этом подозревать не должно... Впрочем, возможно, это разногласие было вызвано изменившимся за пять тысяч лет климатом. Не исключено также, что рощи смоковниц были уничтожены потопом.

Наконец, говоря о растительном мире, безусловно следует упомянуть описанные в Библии «дерево жизни посреди рая» и «дерево познания добра и зла». Второе из них было, с точки зрения Евы, «хорошо для пищи... и приятно для глаз». Что касается дерева жизни, то его плоды были, судя по всему, малоаппетитны. Во всяком случае, Господь, запретив людям вкушать от дерева познания, по поводу дерева жизни никаких запретов не оставлял. Более того, он прямо разрешил есть его плоды в числе прочих райских деревьев: «...от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».

При этом Господь отнюдь не хотел, чтобы люди ели от дерева жизни: «...Сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один

из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

Таким образом, можно предположить, что плоды дерева жизни, в отличие от плодов дерева познания, были настолько непривлекательны, что польститься на них мог только человек осведомленный.

О том, принадлежали ли эти деревья к какому-то из ныне известных видов, в Библии ничего не говорится. Иудейская традиция (равно как и позднее — мусульманская) предполагает, что плодом «дерева познания добра и зла», которым злокозненный змей соблазнил Еву, была смоква (она же фи́га, или инжир). Впрочем, в Талмуде, кроме того, высказаны мнения, что запретный плод был пшеничным зерном (каковые в раю могли чудесным образом расти на деревьях), виноградом или citronом. Ранние христиане обычно считали, что это был гранат — символ брака в античном мире. Но позднее многие византийские и итальянские художники (в их числе Микеланджело) изображали дерево познания в виде смородины. Живописцы французские и немецкие чаще склонялись к версии яблони — по-латыни слова «яблоко» и «зло» пишутся одинаково: «malum». В конце концов в массовом сознании победило яблоко, которое еще со времен Париса, присудившего спорный плод Афродите, считалось символом раздора и прелюбодеяния сразу. Версий много, и вопрос о подлинной природе замечательных деревьев еще ждет своего решения.

Из полезных ископаемых рая можно отметить огромные запасы нефти, газа, твердых битумов и асфальта и некоторое количество поваренной соли, медной руды и серы. В Книге Бытие, кроме того, отмечены золото, оникс и неведомый бдолах, которые встречаются в течении реки Фисон. Но возможно, эти ископаемые были расположены за границами рая.

Приблизительно так выглядел рай, в котором суждено было жить и размножаться грядущему человечеству. Но грехопадение Адама и Евы и их изгнание привели к тому, что рай полностью обезлюдел. У его ворот был поставлен херувим с пламенным мечом, и люди здесь более не появлялись. А через несколько поколений райский сад, который так и не был возделан, смыли с лица земли воды потопа.

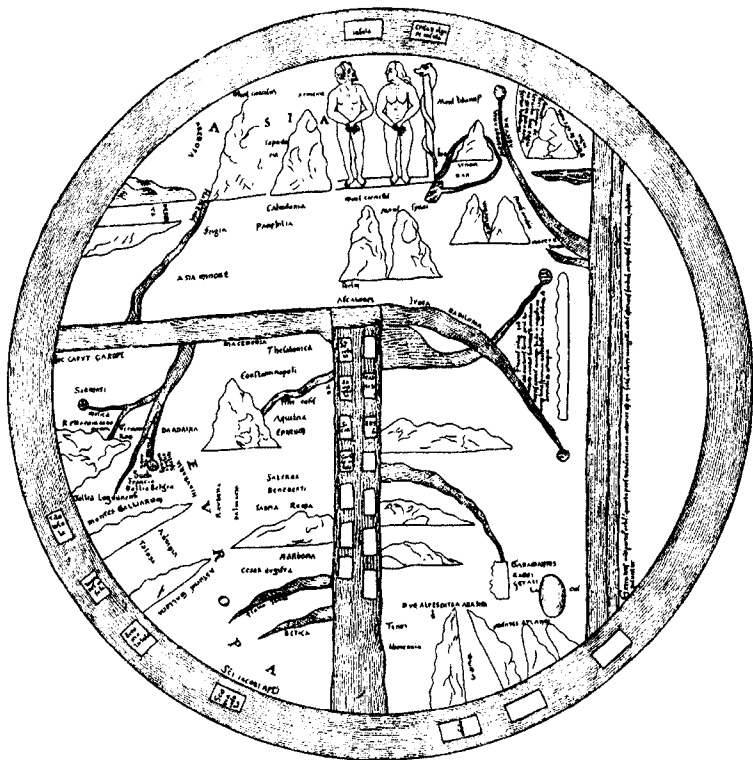
Существовали и другие версии расположения земного рая. Но они в основном бытовали в те времена, когда люди, уже зная, что Земля круглая, не представляли ни ее размеров, ни ее общей географии. Согласно одной из них, далеко на востоке, за Индией, существовала река, разделяющаяся на четыре русла. Одно из них — река Ганг, которая отождествлялась с Фисоном. Вторая река, названная в Библии Гихоном, отождествлялась с Нилом, поскольку «она обтекает всю землю Куш...», а землей Куш в древности называли Нубию (север современного Судана). Истоки Нила были открыты только в девятнадцатом веке. В те времена, когда Индийский океан считали замкнутым морем, а о Тихом океане и южной оконечности Африки ничего известно не было, казалось вполне логичным, что Нил, беря начало на Дальнем Востоке, течет в сторону экватора, возможно, пересекает его, затем поворачивает на север и вливается в Нубию с юга. Ну, а Тигр и Евфрат каким-то образом доходили до Армянского нагорья.

Армянский дипломат тринадцатого века Смба́т Спарапет считал Гихоном современную Амударью, через которую он переправлялся на пути в Каракорум, ставку великого хана Монгольского улуса.

Многочисленные средневековые карты помещают *Paradisus* далеко на востоке Азии, на некоторых из них показаны и четыре райские реки, а иногда и знаменитые деревья.

В анонимном географическом трактате «Полное описание вселенной и народов», созданном в Византии в четвертом веке, подробно рассказывается об Эдеме и его населении. «Говорят, что племена камаринов обитают в восточных пределах, описанных Моисеем под именем Эдема; отсюда же берет начало величайшая река, разделяющаяся затем на четыре русла, имена которым Геон (Гихон. — *О. И.*), Фисон, Тигр и Евфрат. Люди, которые населяют упомянутую землю, весьма благочестивы и кротки; им чужды всякие пороки как телесные, так и душевные... Камарины не питаются хлебом и другой подобной пищей, как все народы, не разводят, как мы, огня, но, как они сами утверждают, получают ежедневно хлеб, дождем падающий с неба, и питаются диким медом и перцем...»

Примерно тогда же был написан и другой географический трактат, «Дорожник от Эдема». Здесь тоже упоминают-

Карта мира Беата из Лиébаны. VIII век
 (Туринская копия. XII век).
 Восток и райский сад наверху

ся загадочные жители рая — макарины. «В Эдеме у макаринов один храм — гора из цельного рубина длиной в семь и шириной в три мили. В храме семь алтарей, и в него ведет лестница, насчитывающая семьдесят две ступени. У подножия горы протекает райская река и разделяется здесь на четыре потока: Геон и Фисон текут к югу, а Тигр и Евфрат — на север. Пища тамошних людей — плоды, дикий мед, весенняя пшеница и манна. Манна падает с неба семь дней, начиная с великой субботы. Из рая, словно туман, нисходит также и пшеница, и ими люди живут всегда и вовеки. Здесь они не снимают урожая, не сеют и не жнут, а только славословят Творца».

Автор «Дорожника» добросовестно просчитывает расстояние от земного рая до «римских земель» и приходит к выводу, что оно составляет «тысяча четыреста двадцать пять переходов; каждый равен шестидесяти милям». Итого он насчитывает 630 900 миль. Цифра эта вызывает множество недоуменных вопросов. Во-первых, непонятно, в каких милях он считает. Расстояние от Рима до Константинополя он определяет в 86 переходов, то есть в 5160 миль; отсюда ясно, что речь идет не о римских милях (1481,5 м): исходя из сухопутного маршрута между Римом и Стамбулом, который не превышает трех тысяч километров, миля автора оказывается не больше 600 м. Во-вторых, даже при такой, неведомой истории мини-миле расстояние до рая получается равным почти десяти экваторам... И наконец, даже если принять цифры автора, то после перемножения количества миль и переходов расстояние все равно получится другим.

Но такие противоречия отнюдь не смущали путешественников, которые стремились лично увидеть Эдемский сад. И паломники шли на восток, неся в котомках копии «Дорожников» и в свою очередь составляя свои. Впрочем, порой их вели не богоугодные стремления, а простое любопытство.

В «Житии Макария Римского» рассказывается о трех монахах, которые решили посмотреть, «где кончается небо, ибо говорят, что оно кончается у железного столпа». И странники отправились на восток. Дело происходило в пятом веке, за Индией ойкумена заканчивалась, и начинались места малоисследованные. Любопытные монахи миновали страну ан-

дрогинов, страну песиглавцев и страну обезьян. В пути они встречали таких редких зверей, как единороги и онокентавры. Потом начались земли, где разнообразным мучениям подвергались грешники. Мучения эти происходили не в подземном аду, а прямо на земле, один из грешников был даже привязан между двух высоких гор. Это, кстати, едва ли не единственный филиал христианского ада, расположенный столь высоко. Грешники здесь были терзаемы в основном змеями, кишасими в специальном озере и в ямах. Часть грешников терзаниям не подвергалась, но обитала в листве гигантской смоковницы, приняв облик воробьев. Воробьи эти вопили человеческими голосами и были крайне недовольны своим существованием, хотя на фоне остальных их участь выглядела вполне завидной.

Вызывает удивление тот факт, что, по словам автора, монаха Феофила, ад находился сравнительно недалеко отрая. Миновав восточную границу ада, монахи шли еще сорок дней, но поскольку они все это время «не вкушали ничего, кроме воды», трудно представить, чтобы они проходили больше двадцати километров в день. Таким образом, место, которое монахи сначала приняли за рай, находилось не дальше чем в восьмистах километрах от ада. Здесь стоял «храм великий из хрусталя и в середине его престол и источник, струящий как бы молоко». Вокруг разносился запах мирра, и «мужи страшные и досточудные... пели ангельские песнопения и херувимские напевы». Молочный родник оказался «источником бессмертия для праведников». Неподалеку протекала река, и «от реки этой исходил свет вдвое сильнее земного». Воды ее насыщали, и монахи, уже и так постившиеся сорок дней, напившись из реки, еще сто дней «оставались тут, не вкусив, видит Бог, ничего, кроме воды той».

Описывая природу края, монахи сообщили, что «там дули ветры не такие, как дуют здесь. Ибо ветры имели иное дуновение; западный был зелен, восточный подобен цвету желудя, ветер от полуночи золот, как чистая кровь, а полуденный снежно-бел. И звезды небесные были светлее, и солнце то было седмицею жарче этого, и деревья те больше, краше и густолиственнее — одни приносили плоды, другие были бесплодные, — и горы те выше и краше, и вся земля та двуобразна:

частью огневидна, частью бела как молоко. И всякий род птиц там особый по облику».

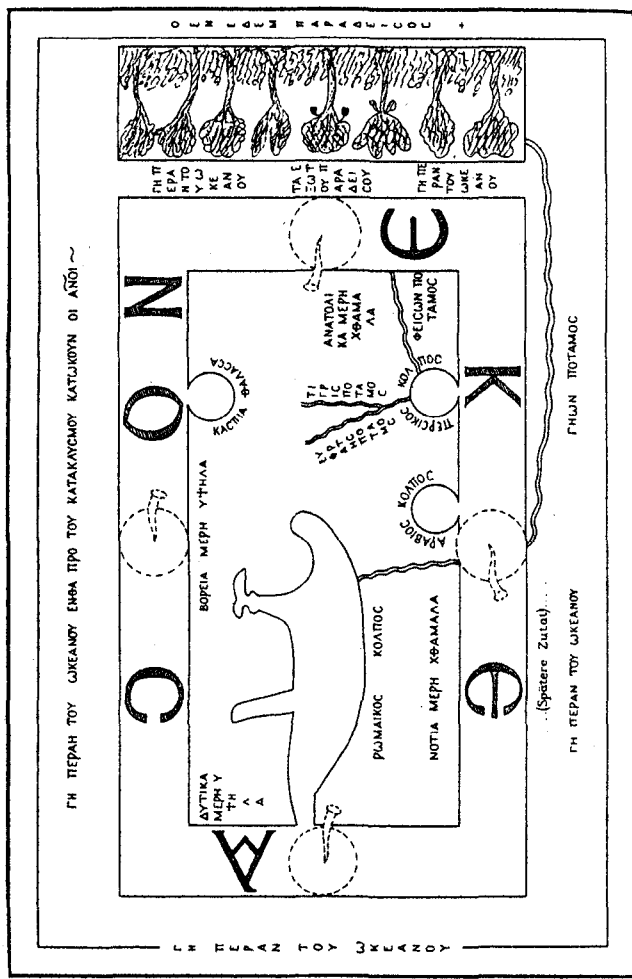
Свидетельству монахов, людей праведных и аскетичных, трудно не поверить, и мы вынуждены были бы признать, что рай земной и впрямь находился на востоке, за Индией. Но, описав сии чудесные места, монах Феофил сообщает, что они оказались вовсе не раем, а лишь его преддверием. Об этом поведал странникам встреченный ими вскорости святой Макарий. Отшельник, давно уже проживавший в этих местах, рассказал монахам:

«В двадцати примерно милях оттуда стоят две стены, железная и медная, а внутри рай, где когда-то пребывали Адам и Ева, а выше рая на востоке кончается Небо. Подле рая Господь нарядил херувимов и пламенный меч, обращающийся охранять дорогу к древу жизни. Херувимы видом таковы: с ног до пупка — люди, грудь у них львиная, а голова не львиная, руки из кристалла держат пламенные мечи, и херувимы охраняют путь туда, чтобы никто не смел взглянуть далее из-за сил, пребывающих там. Ибо все страшные силы и могучие ангелы, которые за пределами Неба обитают там, и Небесные пояса стоят там, где Небо кончается».

Таким образом, при всем уважении к источнику информации надо признать, что монахи в земной рай не попали и даже заглянуть туда не смогли. И сам святой Макарий видел рай только снаружи. Что, кстати, характерно для всех авторов «дальневосточной» теории земного рая.

Знаменитая Эбсторфская карта, созданная в тринадцатом веке и снабженная многочисленными комментариями, тоже помещает рай на востоке и так повествует о нем:

«...На востоке расположен Рай; место это преобильное и известно своими наслаждениями, но для людей недоступно. Место это окружено огненной стеной до самого неба. В Раю есть Древо жизни, а кто отведаёт плодов с того дерева, тот станет бессмертным и тому не страшна старость. Здесь берет свое начало источник, который разделяется на четыре рукава, в Эдеме они текут под землю, но за пределами Парадиза вытекают на поверхность... Фисон вытекает в Индии с горы Орнобара... и впадает в Восточный Океан».

Византийская карта мира. IX век.
 Райский сад (на востоке, за пределами обитаемого мира)
 соединен рекой Гихон (Нил?) со Средиземным морем

Что касается Гихона, то авторы Эбсторфской карты отождествляют его с Нилом и считают, что он дважды уходит под землю, чтобы в конце концов появиться на поверхности земли в районе Красного моря. С точки зрения современных географических представлений это немыслимо. Гораздо легче допустить, что Тигр, Евфрат и еще две неведомые ныне реки семь с половиной тысячелетий тому назад имели общий исток в горах Кавказа.

В начале четырнадцатого века некий сэр Джон де Мондевиль совершил путешествие на восток, в Индию. Сэр Джон честно признается: «О рае я не могу говорить с точностью — я там не был». Но он охотно передает слова побывавших там местных жителей:

«Земной рай, как они говорят, есть высочайшая точка Земли, такая высокая, что почти касается Луны, совершающей свои круги по небу. И она так высока, что ее не достигли воды потопа времен Ноя, покрывшие весь мир вверху и внизу, за исключением рая. Этот рай обнесен стеной, и людям неизвестно, из чего она сделана, так как эта стена вся покрыта мхом. И даже кажется, что она сделана не из натурального камня. Эта стена тянется с юга на север, и в ней есть лишь один проход, скрываемый пылающим пламенем, так что ни один смертный не может туда проникнуть. А в самой высокой точке этого рая, в самой его середине, есть колодец, извергающий четыре реки, текущие по разным землям. Первая из них называется Фисон, или Ганг, и она течет по Индии, или Емлаку, и в ней содержится много драгоценных камней, много железного дерева, алоэ и много золотого песка. А другая река называется Нил, или Гихон, и течет она по Эфиопии, а затем по Египту. Еще одна называется Тигр и течет по Ассирии и Великой Армении. И другая еще называется Евфрат и течет по Мидии, Армении и Персии. Люди сказали, что самая пресная в мире вода в верхних и нижних землях порождается райским колодезем, и даже все воды появляются из этого колодца».

Сэр Джон, по-видимому, был плохо знаком с Библией (что естественно, ибо на рубеже двенадцатого и тринадцатого веков папа Иннокентий III запретил мирянам-католикам чте-

ние священной книги), а ведь в ней совершенно однозначно говорится о потопе: «И усилилась вода на земле чрезвычайно, так, что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом». Так что гора рая должна была пострадать от потопа не меньше, чем все остальные горы.

В немецкой «народной книге» о докторе Фаусте, созданной в шестнадцатом веке, описывается, как знаменитый чернокнижник, стоя на вершине Кавказа, видел на востоке «огненный поток, поднимающийся подобно пламени от земли до неба, опоясывая пространство величиною с маленький остров». Видел он и четыре реки, вытекающие из этой долины: одна из них бежала в Индию, одна — в Египет, и две — в Армению. Фауст был теологом, но в географии оказался не силен и спросил у сопровождающего его Мефистофеля, что это такое.

«Дух же дал ему добрый ответ и сказал: “Это рай, расположенный на восходе солнца, сад, который взрастил и украсил Господь всяческим веселием, а те огненные потоки — стены, которые воздвиг Господь, чтобы охранить и оградить сад”».

Доктор Фауст и вслед за ним авторы «Народной книги» поверили духу зла, который их, конечно же, обманул: Мефистофель, в отличие от Фауста, не мог не знать об экспедиции Васко да Гамы, который в 1498 году морским путем вокруг Африки добрался до Индии и тем самым доказал, что истоки Нила никак не могут быть в Азии. Впрочем, Фауста обманул не только Мефистофель, его подвело и зрение: видеть реку, которая текла из Азии в Африку, он не мог и, по-видимому, принял за реку расстилающийся вдали Индийский океан.

Большинство христиан, озадаченных поисками земного рая, верили, что он находится на юго-востоке Евразии. В отличие от них, святой Брендан предпринял попытку найти рай в Северо-Западной Атлантике. Интересно, что попытка эта увенчалась полным успехом. Впрочем, святой шел по уже проторенному пути. В раннесредневековой повести «Плавание святого Брендана» рассказывается, как его племянник, монах по имени Баринт, поведал своему дяде, что ему вместе с другими монахами довелось побывать на острове, называемом «Земля, святым обетованная». Остров этот был затерян дале-

ко в море, чтобы попасть туда, надо было преодолеть полосу густого тумана. По выходе из тумана мореплавателей «осиял вышний свет», и перед ними показалась «плодородная земля, где росло множество трав и плодов». «И не видели мы ни одной травы, которая не цвела б, и ни одного дерева, которое не плодоносило бы. Камни же там — только драгоценные», — рассказывал Баринт.

Остров оказался очень большим — мореплаватели «ходили по этому острову пятнадцать дней, но не смогли обнаружить его предела». Впрочем, как позднее выяснилось, монахи находились на удивительном острове не пятнадцать дней, а целый год, но не замечали течения времени. Встреченный ими ангел сказал Баринту: «Разве ты нуждаешься [здесь] в какой-нибудь еде, питье или одежде? Ты уже год находишься в этом месте и не вкушал ни еды, ни питья. И никогда не клонило тебя в сон, и ночь не являлась пред тобой. Ибо день здесь постоянен и не прерывается темнотой».

Не вполне понятно, как монахи насчитали, хотя бы и ошибочно, пятнадцать суток своего пребывания на острове в условиях полного отсутствия смены дня и ночи, ведь механических часов тогда еще не изобрели, а водяные были большой редкостью. Впрочем, нельзя исключить, что солнце совершало над замечательным островом свое обычное движение, а ночная тьма рассеивалась с помощью дополнительного освещения. По крайней мере, ангел сообщил Баринту, что сияющий над островом свет — «это свет Господа нашего Иисуса Христа».

С востока на запад остров пересекала река. Возможно, что за ней таились еще более удивительные чудеса, но ангел категорически запретил монахам пересекать ее, и они вернулись обратно, на один из расположенных на их пути островов. Здесь путники провели две недели, в течение которых они не испытывали потребности ни в еде, ни в пище. «Мы пребывали в таком телесном пресыщении, что я, как казалось остальным, наполнился молодым вином, словно мех», — вспоминал Баринт. И даже одежды людей, посетивших остров земного рая, в течение сорока дней издавали замечательное благоухание.

Услышав о том, что земной рай не только достижим, но и находится в сравнительной близости от его родной Ирлан-

дии, святой Брендан решил повторить путь своего племянника. Он отобрал из монашеской общины нескольких братьев, они построили корабль, обтянутый бычьими кожами, и пустились в путь. По прошествии нескольких лет мореходы пересекли искомую полосу тумана, затем «осиял их яркий свет, и корабль пристал к берегу».

«Когда они сошли с корабля, то увидели широкую равнину, полную деревьев, плодоносящих, словно в осеннюю пору. Пока они обходили эту землю, их ни разу не заставала ночь. Они ели плоды, сколько хотели, и пили из источников, и так шли в течение сорока дней, но не смогли обнаружить предела земли. Однажды днем они увидели большую реку, текущую посреди острова. Тогда святой Брендан сказал братьям: “Эту реку мы не можем перейти, вот почему не измерим величину этого острова”. Когда они стали обсуждать это между собой, вдруг перед ними появился отрок, расцеловавший их с великой радостью и приветствовавший каждого по имени. Он сказал: “Блаженны живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя” (Пс. 83, 5). Сказав это, он обратился к святому Брендану со словами: “Вот земля, которую ты искал долгое время”».

Путешествие знаменитого святого длилось значительно дольше, чем плавание его предшественников. Ему довелось провести в море несколько лет и по дороге узреть немало замечательных чудес, не имевших прямого отношения к земному раю. Впрочем, объяснялось это не меньшей, по сравнению с Баринтом, святостью Брендана, а, напротив, его особой избранностью. Ангел сообщил, что Бог специально не давал Брендану достичь рая, ибо желал открыть ему «множество тайн в великом Океане». Тот же ангел поведал святому, хотя и достаточно скупое, некоторые подробности из истории и географии замечательного острова:

«По прошествии многих лет эта земля откроется наследникам твоим, когда начнется гонение христиан. Река, которую вы видите, разделяет этот остров пополам. А плоды такие зрелые потому, что все время они остаются на дневном свете и ночь здесь не наступает. Свет же этот есть Христос».

Ниже авторы настоящей книги выскажут гипотезу, согласно которой земной рай христиан после воскресения Христа

был перенесен на новое место. Однако райский остров, на котором побывали святой Брендан и его племянник, был и оставался блаженной обителью с начала времен и по крайней мере до шестого века н.э. Ангел, встреченный Баринтом на этом острове, прямо сказал ему: «Разве ты не видишь, все здесь сохранилось [неизменным] со времен сотворения мира?»

Свою точку зрения о местонахождении земного рая имел Христофор Колумб. До конца своих дней великий мореплаватель так и не узнал, что он открыл новый континент, считая, что, обогнув Землю с запада, он приплыл к восточным берегам Индии. Но это скромное открытие с лихвой искупалось его уверенностью, что он достиг берегов земного рая. В «Письме католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия» Колумб пишет, что не разделяет распространенного мнения, согласно которому земной рай расположен на вершине крутой горы. Он же считает, что рай должен скорее находиться «в той части Земли, которая имеет вид выступа, подобного выпуклости у черенка груши; и, направляясь туда, уже издали начинаешь постепенное восхождение на эту вершину... Оттуда, вероятно, исходят воды, которые, следуя издали, текут в места, где я нахожусь». На самом деле великий мореплаватель находился в океане, около устья реки Ориноко. Но мысль о рае была слишком соблазнительна.

Колумб сообщает: «Мне еще никогда не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы такие огромные потоки пресной воды находились в соленой воде и текли вместе с ней. Равно и мягчайший климат подкрепляет мои соображения. Если же не из рая вытекает эта пресная вода, то это представляется мне еще большим чудом... В глубине души я вполне убежден, что именно в тех местах находится земной рай...»

Трудно представить землепроходца, который отказался бы от соблазнительной возможности исследовать Эдем. И теперь уже не известно, какие именно мотивы заставили Колумба отказаться от высадки на побережье и от экспедиции внутрь материка. Но в своем послании в Испанию он пишет: «Я направляюсь туда не потому, что невозможно было бы добраться до наиболее возвышенного места на Земле, не потому, что здесь непроходимы моря, а поскольку я верю — имен-

но там находится Рай земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения».

Мысли Колумба о нахождении земного рая в Америке нашли горячую поддержку уже в семнадцатом веке. Антонио де Леон Пинело — юрист и историк — посвятил этой теме гигантский труд, называвшийся «Рай в Новом Свете, апологетический комментарий, естественная и чудесная история Западных Индий». Пинело был испанским эмигрантом, он провел отрочество и юность в Южной Америке, здесь получил образование и, вернувшись в Испанию, стал сотрудником королевского Совета по делам Индий. Это человек прекрасно знал и богословие, и самое Америку, поэтому к его выводам следует отнестись с безусловным вниманием.

«Эдем, — сообщает Пинело, — располагался в самом центре Южной Америки и представлял собой круг девяти градусов в диаметре, что составляет сто шестьдесят лиг...» — то есть чуть менее 900 километров. Это означает, что латиноамериканский рай по размерам сильно превосходил возможный рай в Месопотамии.

Логика Пинело в основном сводилась к тому, что рай должен находиться там, где природа особенно «щедро расточила свои сокровища» и «наглядно явила свою мощь», это место должно быть «средоточием всего самого лучшего, ценного и чудесного на Земле». Автор убедительно описывает великолепную природу Латинской Америки, в том числе, например, реку, вода которой, застывая, превращается в «камень шафранового цвета». Воды другой реки имели еще более замечательные свойства: достаточно было опустить в них любой камень, как на нем отображался знак креста, причем «на сколько частей ни расколи эти камни, на каждой отобразится святой знак».

Четырьмя реками, истекающими из земного рая, Пинело считал Амазонку, Магдалену, Ориноко и эстуарий Ла-Плата (устье слившихся рек Уругвай и Парана). Тот факт, что в Библии говорится о Тигре и Евфрате, нимало не смутил испанца — по его мнению, реки, вытекающие из американского рая, подземными каналами попадают в Старый Свет и здесь дают начало: Ла-Плата — Нилу, Магдалена — Гангу, Ориноко — Тигру и Амазонка — Евфрату.

Пинело нанес рай на карту Латинской Америки, не забыл он обозначить и расположение знаменитых райских деревьев. Древом познания, с точки зрения Пинело, была гранадилла, которая хотя и не является в полном смысле слова деревом (это древовидная лиана), но дает очень вкусные сладкие плоды.

«Телесное и подлинное место рая — в амазонской сельве», — писал Пинело. «Где еще на Земле найдется место, более подходящее для рая — столь красивое и чудесное во всех отношениях, с таким ровным и благоприятным климатом?» Надо отметить, что в своем последнем утверждении испанец ошибся. Хотя Пинело и считался признанным знатоком Южной Америки, в сельве он, вероятно, не бывал. Во всяком случае, если здесь когда-то и находился земной рай, то ко времени прихода европейцев природа этих мест сильно изменилась, и колонизаторы с полным основанием называли сельву «зеленым адом».

Нельзя не упомянуть еще об одной возможной версии расположения земного рая. О ней пишет (в порядке гипотезы) диакон Александр Филиппов; согласно его предположению, земной рай существовал на территории единого праматерика Гондваны. Инд и Нил были одной рекой, которая и фигурирует в Писании как Гихон, Фисон же отождествляется с Гангом. Эта версия позволяет примирить мнения Отцов Церкви, считавших Гихоном то Нил, то Инд; она же предлагает ответ на вопрос: как Ганг (который оные Отцы отождествляют с Фисоном) мог оказаться вблизи от Тигра и Евфрата?

Авторам настоящей книги наиболее обоснованной представляется версия о том, что земной рай был расположен в междуречье Тигра и Евфрата и что Фисон и Гихон — это небольшие реки, которые сегодня уже невозможно идентифицировать. А «Землю Куш» в Библии называется не та страна Куш, о которой мы знаем от древних египтян, а какой-то район на севере Междуречья. Хотя нельзя исключить, что в качестве райских земель использовались сразу несколько территорий — тогда легко объясняется тот факт, что, например, святой Брендан, чей авторитет и добросовестность не вызы-

вают сомнений, встретил земной рай в Северо-Западной Атлантике. Это допущение позволяет принять и версию Колумба о нахождении рая в Америке. При этом метрополия — сад, в котором обитали Адам и Ева, — видимо, все-таки располагалась в Месопотамии.

Но где бы ни находился Эдемский сад (или сады), воды потопа покрыли Землю, и рай со всей своей фауной и флорой, включая оба знаменитых дерева, не избег всеобщей участи (поэтому позднейшие попытки искать его, опираясь на «допотопные» источники, представляются не слишком резонными).

Когда воды схлынули, то восстанавливать рай не стали: христианство еще не возникло, а значит, не было и христиан, чьи праведные души требовалось куда-то направлять после смерти. Ветхозаветные праведники, увы, пребывали в аду, расплачиваясь за грехи своих прародителей, вкусивших от дерева познания. Видимо, отдельного ада для них не существовало (возможно, их было для этого слишком мало), и они отправлялись в греческий Аид. По крайней мере, Данте Алигьери, совершивший путешествие по аду и рассказавший о нем в «Божественной комедии», встречал здесь многочисленные тени древнегреческих и древнеримских граждан, мирно сосуществующих с христианами. Это дает основание думать, что греческий Аид понемногу заселялся библейскими персонажами, а после победы христианства в Европе был попросту освоен представителями новой религии.

Теория заселения Аида ветхозаветными праведниками и позднейшего превращения его в ад подтверждается и Евангелием от Никодима — апокрифом, который хотя и не является богооткровенной книгой, но признается Церковью в качестве источника информации. Согласно этому евангелию, сыновья блаженного Симеона Харий и Лентий, умершие до распятия Христа, впоследствии воскресли. Перед своим воскрешением они были свидетелями сошествия Христа в ад и подробно описали это событие. Особую ценность представляет их свидетельство о том, что правителем в царстве мертвых был некто Ад (вариант произношения имени «Аид»); «главный царь смерти диавол», по имени Сатана, пребывал там в качестве гостя и поставщика душ. Ад, узнав о со-

Но если стоять на той точке зрения, что он тем не менее существует, то остается предположить, что ад был создан другими богами, судя по всему — древнегреческими.

В то же время некоторые раннехристианские документы упоминают, что души ветхозаветных праведников пребывали в Шеоле — иудейском загробном мире. Об этом говорит, к примеру, преподобный Ефрем Сирийский. Это дает основания считать Шеол подразделением или пограничной областью Аида. Не исключено, что после того, как Палестина попала под власть римлян, загробный мир евреев тоже оказался провинцией Аида, который к тому времени был давно колонизован римлянами и потерял свой греческий статус.

Таким образом, можно считать доказанным, что до распятия Христа ветхозаветные праведники жили в греко-римском Аиде (или, возможно, в совмещенном греко-римско-иудейском Аиде-Шеоле), и жили, судя по всему, неплохо. Они не были беспомощными тенями, блуждающими в полутьме, и «айдским» мукам их тоже не подвергали. Христос рассказывает притчу о нищем Лазаре, который после смерти «отнесен был Ангелами на лоно Авраама». Некий богач, попавший в ад, «поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его». Богач позавидовал Лазарю и попросил его о помощи, но в ответ услышал от Авраама следующую отповедь: «Ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь». Из этого следует, что, хотя ветхозаветные праведники и находились после смерти совсем недалеко от грешников (в пределах видимости), судьба их была тем не менее вполне завидной. Не известно, существовал ли в те годы Лимб — специальное отделение ада, предназначенное для праведных душ, не познавших таинства крещения. Но во всяком случае, как-то этот вопрос решался. Возможно, Лимб совпадал с «лоном Авраама», что бы ни имелось в виду под этим понятием. Борхес совершенно однозначно утверждает, что Лимб патриархов и лоно Авраама — это одно и то же место.

Гервасий Тильсберийский, один из авторов упомянутой Эбсторфской карты, писал, что «существуют и две Преисподние: Земная, та, что расположена в отдалении от мест, где совершаются казни. Она чем-то напоминает морской залив,

или гавань, и из-за своей отдаленности и царящего там покоя называется лоном, а в притче о богаче и Лазаре — лоно Авраамово, потому что там пребывал Авраам вплоть до того дня, когда Христос принял смерть».

Надо отметить, что с этой точкой зрения не согласен блаженный Августин: «...Я не знаю такого случая, чтобы место, где почивают души праведников, называлось адом...»

Августин склонен считать, что «лоно Авраамово» находится на третьем небе, в небесном раю. Но он достаточно одинок в своем мнении. Да и сама мысль о том, что житель ада и жители рая могут напрямую переговариваться, как это делали богач, Лазарь и Авраам, не находит подтверждения в других текстах.

С приходом на землю Христа и с появлением первых христиан вопрос о необходимости рая вновь стал актуальным. Помимо собственно христианских душ в рай было решено поместить и души ветхозаветных праведников. Первое, что сделал Христос после своей смерти, — спустился в ад (или по-гречески — Аид) и вывел оттуда души Адама, Евы, Авеля, Ноя, Давида, Авраама, Иакова, Рахили и многих других, дабы переселить их в рай. Вопрос о том, кого именно и скольких он вывел, служит темой многочисленных богословских дискуссий. Точки зрения существуют полярные: от вывода только патриархов (списки спасенных предлагаются самые разные) до вывода абсолютно всех или, возможно, всех желающих. Тот факт, что желающими могли оказаться не все, не должен удивлять: ведь душа, погрязшая во грехе, не видит всей мерзости ада, рай же представляется ей скучным и малопривлекательным. В целом представители западной церкви чаще склоняются к мысли, что освобождение из ада некрещеной души являлось скорее редчайшим исключением и что спасены были единицы. А восточные церкви (православные, но эта традиция появилась еще до окончательного раскола на православие и католицизм) чаще допускают мысль о массовом освобождении, но избегают категорических выводов.

Так или иначе, души праведников, сколько бы их ни было, оказались освобождены из ада. Но территория прежнего рая, разрушенного Потопом, была давно и плотно заселена. Здесь,

в долине двух великих рек, жили миллионы людей. В центре Двуречья располагался мегаполис Вавилон, периметр городских стен которого превышал девяносто километров. Кроме того, жители Двуречья были язычниками и соблюдали совершенно небогоугодные, по христианским меркам, обычаи. Посреди Вавилона, на верхушке зиккурата, посвященного богу Мардуку, жрецы творили блуд, называя его священным браком. А неподалеку, в ограде храма Иштар, вавилонянки столь же добросовестно блудили с чужеземцами, отдавая вырученные деньги на содержание капища. Недаром цивилизацию Двуречья ранние христиане именовали не иначе как Вавилонской блудницей — «матерью мерзостей земных». Иоанн писал, что Вавилон «стался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу...». В общем, вся территория Эдемского сада была приведена в совершенно нерайское состояние.

Для рая это место теперь явно не годилось, и новый рай земной был основан в местах, далеких от цивилизации и грешных соблазнов. Известно, что в первой половине второго тысячелетия таких территорий было уже по крайней мере две. Одна была предназначена для праведных душ, живших и умерших в лоне Восточной церкви, другая — для душ, принадлежавших к церкви Западной. Они не только не граничили, но и располагались, возможно, в разных полушариях.

Православный земной рай достаточно подробно описан в четырнадцатом веке новгородским архиепископом Василием в его «Послании владыке тверскому Феодору». Василий укоряет Феодора в том, что его адресат сомневается в существовании рая на земле, и убедительно доказывает свою точку зрения: «Когда приблизилось успение владычицы нашей Богородицы, ангел цветущие финиковые ветви из рая принес, знаменуя этим, где она теперь будет. А если рай существует только в воображении, то зачем ангел ветвь эту — видимую, а не воображаемую — принес? Апостолы видели, и множество неверных иудеев ветвь эту видело».

Василий апеллирует к авторитету святого Ефросима, который «был в раю, и три яблока принес из рая, и дал игумену своему Василию, от них же много исцелений было».

Но наиболее подробную информацию о православном земном рае архиепископ черпает из свидетельств своих земля-

ков, новгородских мореходов, которые посетили его совсем недавно: «...дети и внучата этих мореходов и теперь, брат, живы-здоровы». Ссылаясь на них, Василий пишет: «А то место святого рая находил Моислав-новгородец и сын его Иаков. И всех их было три юмы (тип корабля. — *О. И.*), и одна из них погибла после долгих скитаний, а две других еще долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам. И увидели на горе той изображение деисуса, написанное лазорем чудесным и сверх меры украшенное, как будто не человеческими руками созданное, но божиею благодатью. И свет был в месте том самосветящийся, даже невозможно человеку рассказать о нем. И долго оставались на месте том, а солнца не видели, но свет был многообразно светящийся, сияющий ярче солнца. А на горах тех слышали они пение, ликованья и веселья исполненное».

Василий неоднократно подчеркивает, что рай находится на востоке. Судя по тому, что мореходы находились под ограждающими рай высокими горами очень долго и «солнца не видели, но свет был многообразно светящийся», можно предположить, что православный рай располагался за Полярным кругом, в зоне северного сияния (это мог быть, например, архипелаг Северная Земля).

Местонахождение католического земного рая с огромной точностью дает Данте: это вершина горы, выступающей из океанских вод в противоположной Иерусалиму точке земного шара — иначе говоря, с координатами 31°47' южной широты и 144°46' западной долготы. Именно сюда некогда рухнул с небес низвергнутый Люцифер, пробив Землю до центра. В результате этого катаклизма в Северном полушарии возникла воронка ада, а на месте падения в океане образовалась гора... (может показаться странным, что не наоборот, но таким образом земная твердь пыталась отстраниться от падшего ангела). Теперь на ее вершине был устроен рай, а на склонах позднее возникло чистилище для тех католических душ, которым рай предстояло еще заслужить.

Не известно, какой из двух новых земных раев — православный или католический — существовал на земле до церковного раскола. Возможно, их сразу было создано два. Кроме то-

го, в связи со стремительным ростом числа христиан рай был сразу же расширен за счет неба — там был создан так называемый «рай небесный».

У католиков рай земной использовался, видимо, как перевалочный пункт для тех душ, которые поступали в рай из чистилища. А души, в очищении не нуждавшиеся, отправлялись в небесный рай напрямую. Что же касается православных, то у них разделение функций между земным и небесным раем не вполне явственно.

Существует множество описаний небесного рая, в том числе лицами, непосредственно там побывавшими. Что же касается земного рая, то сегодня он, судя по всему, упразднен и окончательно перенесен на небо. Места, описанные новгородскими мореходами, давно исследованы полярными экспедициями. А что касается координат, указанных Данте для горы рая и чистилища, — сейчас там плещутся волны Тихого океана. Ближайшая к этому месту суша — остров Рапа-Ити, расположенный в 400 километрах от указанной Данте точки. Возможно, Данте имел в виду именно его: юг Тихого океана был в те времена неведом европейцам, и Данте, попавший в эти места лишь Божиим промыслом, пройдя с помощью Вергилия через центр земного шара, вполне мог ошибиться на 400 километров — погрешность, простительная для четырнадцатого века.

Хотя остров и демонстрирует некоторое сходство с описанием Данте (он вулканический и, несмотря на изрезанную береговую линию, в целом округлой формы), но сегодня там ни чистилища, ни рая не наблюдается. Рапа-Ити — обычный тихоокеанский островок. В 2002 году численность населения острова составляла 497 человек. На берегу крупной островной бухты расположены две деревни — Ахуреи и Ареа. Основное занятие жителей — выращивание кокосовых пальм. В горах острова обитают дикие козлы...

Все это дает основание думать, что католическое отделение земного рая было ликвидировано с началом колонизации островов Тихого океана предками полинезийцев. Древнейшие следы человеческой жизнедеятельности, найденные там археологами, радиоуглеродным методом датируются рубежом XIII—XIV веков. Эта дата не только не противоречит сведениям великого флорентийца, но и позволяет с точностью до не-

скольких лет определить дату упразднения земного рая и чистилища: не ранее 1300 года, когда там побывал Данте, и не позднее 1325–1330-го — крайнего, с учетом погрешности датирования, возможного времени заселения.

По-видимому, та же судьба постигла и православный земной рай.

Сегодня рай полностью перенесен в небесные сферы. Первым обитателем небесного рая стал разбойник, распятый на Голгофе одновременно с Христом и уверовавший в Его проповедь. Об этом повествует Евангелие от Никодима, в этом же убежден и Иоанн Златоуст. До сих пор не ясно, куда отправлялись души христиан в течение предыдущих трех лет. Ведь кто-то из тех, кому Христос проповедовал и кто принял Его учение, мог умереть еще до распятия. По-видимому, они ожидали сошествия Христа в ад, пребывая на «лоне Авраама» вместе с ветхозаветными праведниками. Во всяком случае, заслуживающими доверия источниками распятый разбойник назван первым райским жителем.

Правда, задолго до него на небеса вознеслись Енох и Илия. О вознесении Еноха повествуют три книги, записанные предположительно с его слов, но отличающиеся друг от друга. Древнейшая из них, Книга Еноха, была записана во II–I веках до н.э., в ней Енох о рае не упоминает. Он побывал на небесах и видел там «дом из кристалловых камней» с «возвышенным престолом», видел «хранилища всех ветров», видел «темницу для звезд небесных», которые «преступили повеление Божие», и «шесть врат, в которых солнце заходит», и много других чудес. Но Енох ничего не пишет о том, что на небе были отведены территории для усопших праведников. Ему во время его странствий действительно довелось повидать «горный хребет, твердые скалы и четыре прекрасных места», назначенные «для того, чтобы на них собирались духи — души умерших». Однако здесь содержались не только праведные, но и грешные души, все вместе они ожидали Страшного суда, и эти «прекрасные места» явно находились не на небе и скорее напоминали ад и Лимб. Енох отдельно описывает участок, «где ангелы взяли веревки, чтобы измерить около меня место для избранных и праведных. И там я видел первых отцов пра-

ведных, от древнейшего времени живущих в том месте». Но и это было на земле или под землей, потому что, как говорит Енох, «после того случилось, что мой дух был... вознесен на небеса». Про Еноха известно, что он «переселен был так, что не видел смерти», то есть на небо он был взят живым. Но нет никаких оснований думать, что он после этого попал именно в рай, предназначенный для душ умерших, а не на какое-то из многочисленных небес, населенных ангелами. То же самое касается и Илии, который был вознесен на небо в огненной колеснице, причем вполне «телесно», потеряв при этом свою «милоть» — верхнюю одежду, которую поднял пророк Елисей. В те времена небесного рая, по-видимому, еще не существовало.

Ученик преподобного Василия, инок Григорий, в своем знаменитом «Видении Страшного суда» пишет о рае, что «создал его Господь наш Иисус Христос по окончании Своей земной жизни и после Своей чудесной смерти и Воскресения». Это сообщение вступает в некоторое противоречие со словами самого Христа, который обещал распятому разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю». Ведь воскресение произошло лишь на третий день. Да и ветхозаветные праведники были выведены из ада в рай еще до воскресения Христа, в период его телесного пребывания во гробе. Но так или иначе, разногласие между источниками очень невелико, речь идет об одном-двух днях.

Однако это еще не дает нам точной даты, поскольку касательно года распятия и учеными, и богословами ведутся споры, как и по поводу года рождения Христа. В 525 году римский монах, папский архивариус Дионисий Малый провел расчеты, согласно которым Иисус Христос родился в 754 году от основания Рима по принятому тогда летосчислению. Эта цифра и было положена в основу летосчисления нового. Сегодня мы знаем, что Дионисий ошибся. Древние христианские авторы, жившие до Дионисия, называли разные цифры, но, как правило, все они относили рождение Христа на год, а то и на несколько лет назад. Расчет архивариуса был ничуть не лучше прочих, но это был расчет *папского* архивариуса. Впрочем, его погрешности настолько бросались в глаза, что позднее и богословы, и историки, и астрономы предлага-

ли свое решение спорного вопроса. Даты назывались разные, но в основном все сходились на мысли, что Спаситель должен был родиться на несколько лет раньше указанного Дионисием срока, скорее всего, в шестом или пятом году до нашей эры и, видимо, не ранее восьмого (когда мы говорим «наша эра», мы имеем в виду отсчет времени не от реального Рождества Христова, а от того самого 754-го римского года, к которому привязана вся современная хронология).

Поскольку известно, что Христос был распят на тридцать четвертом году жизни, то соответственно и дата его смерти является спорной. Весьма обоснованными представляются, в числе прочих, и астрономические соображения. Христос был казнен в пятницу, в канун еврейской Пасхи, которая наступает в полнолуние. Астрономы подсчитали, что в весеннем месяце нисане пятница совпала с полнолунием в 29 году.

Таким образом, дата создания небесного рая, совпадающая с датой распятия, предположительно приходится на период между 25 и 34 годом нашей эры.

Красочную картину небесного рая рисует уже упоминавшийся выше Енох в своей следующей книге. Через несколько веков после своего вознесения он, очевидно, принял христианство и переработал описание небес с учетом произошедших там изменений; этот вариант известен как «Книга о вознесении Праведного Еноха» и, вероятно, был записан в десятом — одиннадцатом веках: «Место то несказанно прекрасно видом: всякое дерево благоцветно, и всякий плод зрел, и всевозможные яства изобилуют, всякое дуновение благовонно. И четыре реки протекают там покойным течением. И все, что рождается в пищу, прекрасно. И древо жизни на месте том, и на нем почивает Господь, когда приходит в рай, и древо это невыразимо прекрасно благоуханием. И рядом другое дерево — масличное, источающее постоянно масло. И всякое дерево благоплодно, и нет там дерева бесплодного. И все место благовонно. Ангелы, охраняющие рай, прекрасные весьма, благим пением своим служат Богу непрестанно все дни. И сказал я: “Сколь чудесно это место!”».

Небесный рай, по-видимому, общий для католиков и православных. Он подробно описан у разных авторов, побывавших

там в разные периоды его существования, и свидетельства представителей разных конфессий не противоречат друг другу. Правда, у одних авторов рай более похож на сад, а у других он весьма урбанистичен. У одних он «одноуровневый», у других — расположен на нескольких уровнях небес. Но это лишь кажущиеся противоречия. Небесный рай огромен, поэтому естественно предположить, что посетившие его праведники просто побывали в разных его частях.

Демографическую картину небесного рая можно без труда просчитать, используя цифры, оставленные нам первыми христианами. Богослов М. Э. Поснов считал, что на момент вознесения в мире было около 620 христиан: «По вознесении Господа Христа, в Галилее было уверовавших в Него более 500 человек (1 Кор. 15, 6) и во Иерусалиме с апостолами 120 душ (Деян. 1, 13—16)». Но Поснов называет лишь христиан, которым Христос явился после вознесения, и тех, кто присутствовал на общем собрании в Иерусалиме. Эти цифры явно не учитывают младенцев, которые были слишком малы, чтобы сообщить о божественном явлении, а также детей и больных, отсутствовавших на собрании. Поэтому количество первых христиан можно увеличить примерно до тысячи человек.

Запомним эту цифру и обратимся к свидетельству святого Варфоломея. В «Вопрошаниях Варфоломея» он приводит свой разговор с Христом, состоявшийся на момент выхода ветхозаветных праведников из ада, то есть не позднее трех дней после распятия: «Варфоломей же... сказал: “Господи, сколько душ ежедневно выходит из мира?” Говорит ему Иисус: “Тридцать тысяч”».

Во-первых, хочется отметить, что названная Варфоломеем со слов Христа цифра удивительно точна. По оценкам демографов, население Земли тогда составляло порядка 280 миллионов человек. Средняя продолжительность жизни в Римской империи была на рубеже эр по разным источникам от 25 до 27 лет (конечно, в 25 лет мало кто умирал, цифра низка за счет детской смертности). Соответственно, если принять, что смертность по миру была такой же, как и по империи, в год на Земле должно было умирать немногим меньше 11 млн. человек, что составляло около 30 000 в день. Подавляющее их количество приходилось на страны и даже кон-

тиненты, лежащие вне ойкумены. Поэтому фантастическую точность цифры, названной Варфоломеем, нельзя объяснить иначе чем божественным откровением. После этого уже невозможно сомневаться во второй цифре, приведенной апостолом: он говорит, что из этого числа умерших в рай ежедневно идут 53 праведника. Правда, он разделяет их на тех, кто попадает в собственно рай, и тех, кто отправляется в «место воскресения», но, по-видимому, речь просто идет о разных отделениях рая (недаром ведь Христос говорит: «В доме Отца Моего обителей много»). Итого в год получалось более 19 тысяч человек, что значительно больше общего количества христиан, живших в тот момент на Земле (если помните, их было всего около тысячи). Это наводит на утешительные мысли о том, что милость Господня простирается много дальше, чем иногда утверждают Отцы Церкви. Согласно свидетельству св. Варфоломея, получается, что даже в те времена, когда мир практически был не крещен, в рай сразу после его основания стало попадать около 0,17 процента умерших. Если принять, что общее количество умерших на Земле составляет по разным подсчетам от 60 до 100 миллиардов человек, можно допустить, что в рай из этого количества попало никак не меньше ста миллионов (это не значит, что участь остальных была печальна, по-видимому, большинство из них попадали в свои загробные царства в соответствии с конфессиональной принадлежностью). Если же сделать поправку на то, что среди лиц, принявших крещение, процент попавших в христианский рай должен быть значительно выше, а количество христиан в мире давно уже составляет около трети населения, то можно себе представить грандиозную картину небесного Иерусалима. И уже не вызывает удивления тот факт, что лица, посетившие его, не могли обзреть небесный рай в целом и до нас дошли лишь фрагментарные описания.

Очень подробное описание рая оставил Иоанн Богослов. Небесный рай по Иоанну — крупный город, называемый Новым Иерусалимом, имеющий форму квадрата и окруженный высокой стеной. Высота оборонительной стены — сто сорок четыре локтя (приблизительно 75 метров). Сторона квадрата равна 12 000 стадиям, то есть 2220 километрам (если Иоанн

пользовался римским стадием) или 2304 (если олимпийским), что превышает расстояние от Москвы до Урала. Иоанн утверждает, что такова же высота города (очевидно, он вытянут вверх, будучи расположен на склонах высокой горы). Это крупнейший из известных нам городов (для сравнения: диаметр Москвы составляет около 30 километров). Поскольку силы гравитации, судя по описанию Иоанна, там действуют так же, как и на Земле (течет река, растут деревья, значит, есть атмосфера), напрашивается вывод, что город расположен на террасах, иначе крутизна склона сделала бы его заселение невозможным. Исходя из российских нормативов плотности жилой городской застройки, «емкость» рая может составить почти сто десять миллиардов. Это пока что больше общего количества умерших на Земле. Если же для заселения используется не только наружная поверхность террас, но и внутренний объем горы, то эта цифра возрастет во много раз.

Тем не менее есть основания думать, что рай уже заселен достаточно плотно. Ведь еще в шестом веке побывавший в небесном раю галльский иерарх святой Сальвий Альбийский рассказывал своему другу Григорию Турскому: «Жилище было наполнено таким множеством людей обоюбого пола, что совершенно нельзя было объять взглядом толпу ни в ширину, ни в длину». Святой вспоминает, что сопровождавшим его ангелам пришлось прокладывать путь «среди сомкнутых рядов». «Место это было наполнено людьми и простиралось так далеко во все стороны, что конца ему не было видно. Ангелы расчистили передо мною путь сквозь эту толпу...»

Согласно Иоанну, стена Небесного Иерусалима построена из яшмы, сапфира, халцедона, топаза, аметиста и прочих драгоценных камней. Сам город выстроен из золота и стекла. Ночи в обычном понимании нет: здесь царит вечный день, ибо «слава Божия осветила его». Здесь протекает «река воды жизни, чистая как кристалл». Среди улиц города по обе стороны реки растут деревья жизни. Они плодоносят двенадцать раз в году, причем разными плодами, а их листья служат «для исцеления народов».

Схожее описание Небесного Иерусалима мы находим в уже упомянутом «Видении Страшного суда» инока Григория: «Затем увидел я какой-то город, чудный и обширный, от которого

го пришел в умиление и простоял несколько часов, как будто в забытии. Я спросил своего проводника: “Господин, что это за город, такой обширный и странный, при виде которого ум мой помрачился?” Он ответил мне: “Это Вышний Иерусалим, это есть Сион нерукотворенный; он так же велик в ширину и длину, как свод небесный; построен он не из смолы, не из мрамора, не из дерева или стекла, так как всё это тленные вещи; ты же видишь, что он чист и блестящ, как золото, а построен он из двенадцати камней”. Красота и благолепие этого города таковы, каковых глаз человеческий не видел, и ухо не слышало, и мысль не может представить, и ум не в состоянии постигнуть — ни человеческий, ни ангельский. Высота стены его, мне кажется, не менее трехсот локтей или даже более, но никак не меньше этого. В нем двенадцать ворот, весьма прочных и крепко запертых; все они одинаковы и блестят, как лучи солнечные».

В «Откровении Петра» — апокрифе, созданном во втором веке, описывается, видимо, пригород Небесного Иерусалима: «И показал мне Господь обширное место вне мира сего, которое все сияло светом, и воздух там пронизывали солнечные лучи, и сама земля цвела неувядающими цветами и была полна пряностей и растений, превосходно цветущих и не увядающих и дающих благословенные плоды. Столь сильным был аромат цветов, что он доносился оттуда даже до нас. Жители того места были облачены в светящиеся ангельские одежды, и одежда их была подобна месту, где пребывали они. И ангелы ходили среди них».

В девятом веке в раю побывал юродивый Андрей, живший в Константинополе. Он описал чудесные благоухающие сады, где «одни из деревьев непрестанно цвели, другие украшались златовидными листьями, иные имели на себе различные плоды несказанной красоты и приятности». Андрей видел множество птиц: «...иные из них были с златовидными крыльями, другие — белые как снег, а иные — разнообразно испещренные; они сидели на ветвях райских деревьев и пели прекрасно...» Стоит отметить, что Андрей попал в часть райского сада, имеющую регулярную планировку: «Стояли те прекрасные сады рядами, как бы полк против полка». Здесь, как в самом Небесном Иерусалиме, тоже протекала река, но

росли по ее берегам не деревья жизни, а «виноградник, которого лозы, украшенные золатыми листьями и златовидными гроздьями, широко раскидывались», что вполне резонно для пригорода.

Похожие места, покрытые лесами и садами и источающие «неземное сияние», видел и описал в двенадцатом веке Агапий (его впечатления сохранились в «Хождении Агапия в Рай»).

На рубеже IX–X веков инок Григорий, ученик преподобного Василия, во время одного из своих знаменитых видений посетил райский сад в сопровождении преподобной Феодоры. Его восхитили красота и благоухание сада, но, по словам Феодоры, ныне существующий на небе рай сильно уступает раю земному: «...Если бы ты видел сад, называемый раем, который насадил Сам Господь на востоке, как бы ты тогда удивился!»

В описании рая, оставленном иноком Григорием, обращает на себя внимание факт, что райские жители едят пищу, близкую к земной: «Здесь был большой трапезный стол, на котором стояли золотые сосуды, весьма дорогие. В сосудах этих находились овощи разных сортов, от которых исходили чудные благоухания». Забегая вперед, отметим, что известный духовидец Сведенборг, неоднократно посещавший рай, утверждает, что его жители не только едят и пьют, но и посещают рынки. Но об этом мы подробнее поговорим в главе, посвященной путешествиям Сведенборга.

Многие посетители небесного рая отмечали, что он расположен на разных уровнях, так называемых «небесах». Андрей посетил три «неба», причем словом «рай» он называет только первое из них. Аналогичной терминологии придерживается преподобный Григорий Синаит, который называет раем низшее небо, «преисполненное благовонными садами». Апостол Павел в приписываемом ему «Апокалипсисе» насчитывает десять «небес». Не исключено, что под «небесами» имеются в виду террасы Нового Иерусалима.

Существует множество версий того, где же именно расположен небесный рай. Разного рода источники называют разные участки видимой Вселенной от Луны до Магеллановых Облаков. Но эти версии малообоснованны и не встречают поддержки ни у науки, ни у Церкви.

Ближе всего к Земле помещают небесный рай испанские физики Хорхе Мира Перес и Хосе Винья: приняв за основу информацию пророка Исаии (Ис.30, 26): «Свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро, как свет семи дней», они определили, что небесный рай находится на высоте примерно 200 километров над поверхностью Земли (авторы настоящей книги не вполне согласны с выводами физиков — с нашей точки зрения, пророк описывал не Царство небесное, а сугубо земное воздаяние Господа Своему народу за послушание).

Впрочем, где бы ни находился небесный рай, в конце концов он будет спущен на землю. Иоанн в своем Откровении пишет, что он увидел «святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба». Инок Григорий, ученик преподобного Василия, в своем видении Страшного суда наблюдал, как ангелы, «сойдя с небес, несли великий нерукотворенный град — Иерусалим» и «поставили град на востоке; посреди его был рай Едемский».

Что касается чистилища, его нынешнее расположение тоже не известно (напомним, что координаты, указанные Данте, сегодня не соответствуют истине). Не известна и дата его возникновения — ранние письменные сведения о нем относятся к VI—VIII векам. Одним из первых, кто познакомил с этим учреждением широкие массы христиан, был святой Патрик (V век). Позднее, уже в тринадцатом веке, монах-доминиканец Яков Ворагинский подробно рассказал о том, как Патрик проделал вход в чистилище с территории Ирландии и как этим входом позднее воспользовался некий Николай, поведавший согражданам обо всем, что открылось ему под землей. И если к сведениям самого Николая можно было бы отнестись с некоторой долей недоверия, ибо это был «много грешивший муж», то авторитет и добросовестность Якова Ворагинского, канонизированного в лике блаженных, полностью устраняют любые сомнения на этот счет. Ворагинский сообщает:

«Когда святой Патрик проповедовал в Ирландии и собрал там немалый урожай, он обратился к Господу с просьбой дать какое-нибудь знамение, которое вселяло бы страх и обращало к покаянию. И вот по велению Господа он нарисовал на

поляне посохом круг, и тут же земля внутри этого круга разверзлась, и появился большой, преглубокий колодец. И было открыто святому Патрику, что там внизу расположено чистилище и спустившийся туда принимает покаяние за свои грехи, очищаясь от всего, что совершил в жизни.

Вход этот, существовавший в виде пещеры, представлял постоянный соблазн для ирландцев: «Многие туда входили, но не возвращались обратно». Вероятно, поэтому чистилище пришлось оградить воротами, ключи от которых были переданы в близлежащее аббатство. Впрочем, монахи позволяли желающим ими пользоваться.

По прошествии многих лет после кончины святого Патрика некто Николай, грешный, но благородный муж, решил отправиться в чистилище, «дабы искупить свои прегрешения». Он взял у монахов ключи и спустился в пещеру. Там он действительно обнаружил множество демонов, которые подвергали умерших грешников самым разнообразным пыткам. Они жгли их в огне, варили в кипящем металле, «секли их тела раскаленными огненными клинками до самых внутренностей»... Николай повидел людей, «у которых члены пожирали змеи, а жабы огненными жалами вырывали наружу внутренности». Видел он и место, где людей поджаривали на чертовом вертеле: «...в огромное колесо были воткнуты железные раскаленные крючья, на которые за различные члены подвешивались люди, и оно крутилось так быстро, что было похоже на огненный шар».

Николаю довелось лично испробовать на себе многие из перечисленных мук. Впрочем, его судьба оказалась достаточно завидной по сравнению с судьбами других наказуемых. Некие монахи, обитавшие в преддверии чистилища, предупредили паломника: «Когда почувствуешь, что казни сокрушают тебя, тут же воскликни: “Иисус Христос, Сын Божий, помилуй меня, грешника!”» Эта формула действительно работала, и демоны, услышав ее, немедленно избавляли Николая от мук. Под конец они познакомили любознательного путешественника не только с чистилищем, но и с адом (где он, впрочем, пробыл очень недолго и откуда не вынес никаких значимых впечатлений). А потом Николай, тоже очень поверхностно, познакомился с раем — в самый рай его, по-

сколько он еще был жив, не пустили, но он побывал на лугу у райских врат и видел город, сиявший золотом и драгоценными камнями. «...Из врат этого города исходил изумительный аромат, и тот, кто его вдыхал, избавлялся от горести и усталости».

Интересно, что недолгих и скорее ознакомительных мук, которые Николай испытал в чистилище, оказалось вполне достаточно, чтобы искупить все его грехи. По крайней мере, ангелы пообещали паломнику, что после смерти (каковая ему был обещана через тридцать дней) «он упокоится с миром и тогда вступит в этот град, став на вечные времена его обитателем».

Во времена Николая (даты его жизни авторы настоящей книги выяснить не смогли) служителями чистилища были злокозненные демоны. Позднее штат этого учреждения полностью сменился. Есть мнение, что поначалу чистилище было подразделением ада, но постепенно оно отделилось от него, перешло на самоуправление и, наконец, попало под протекторат рая. Еще в тринадцатом веке Фома Аквинский, описывая ад, разделяет его на четыре части, одну из которых именуется чистилищем. Но уже в начале четырнадцатого века Данте, путешествуя по чистилищу, однозначно дает понять, что оно и географически, и административно стоит гораздо ближе к раю, чем к аду. Чистилище у Данте расположено на той же горе, что и земной рай, а все службы в нем исполняют ангелы (в отличие от ада, где служителями являются бесы).

У православных христиан чистилища нет и не было, но его роль в какой-то мере исполняют небесные мытарства. Известно, что в воздушном пространстве между землей и небом обитает огромное количество зловредных бесов. Когда ангелы несут душу усопшего в рай, бесы пытаются помешать им, и даже праведная душа может поверить в реальность бесовских угроз и испугаться. Конечно, никакие бесы не мешают ангелам Господним исполнить их намерения, если душа в достаточной мере праведна. Но чем больше грехов висит на душе, тем более реальными представляются ей угрозы бесов, тем страшнее видится опасность. Этот испуг и есть, собственно, «небесные мытарства», которые по традиции продолжа-

ются сорок дней. Если же душа недостаточно праведна и обличения бесов оказываются убедительны, то ангелы и впрямь отступаются от грешника, после чего он ввергается в ад.

Очень подробно мытарства описаны уже упоминавшимся иноком Григорием. Во сне ему явилась почившая незадолго до этого преподобная Феодора и подробно рассказала обо всех кознях бесов. Приняв облик эфиопов, бесы обступили ложе Феодоры еще до ее кончины. «Всевозможные вещи проделывали злые духи, чтобы утратить меня: и похитить собирались, и присвоить себе, и большие книги приносили, в которых были записаны все мои грехи, какие я только совершила со дня своей юности; пересматривали эти книги, как будто ожидая с минуты на минуту прихода какого-то судьи. Видя все это, я волновалась от страха».

На помощь Феодоре пришли ангелы, но бесы не только не смутились, но и пытались оклеветать святую перед посланцами Господа. То же самое продолжалось и по пути на небо. Двадцать «мытарств» преодолела Феодора — двадцать раз подступались к ней бесы, пытаясь обвинить ее в двадцати разнообразных грехах. «Правда, что многое они и ложно показывали, но во всяком случае мне было удивительно, как они могли помнить все действительно бывшее с такою подробностью и точностью, о какой я сама забыла».

Феодора признает, что не преодолела бы бесовский заслон, если бы не ковчежец, который вручил ее ангелам-хранителям преподобный Василий. Что именно содержалось в ковчежце, Феодора умалчивает, но, видимо, это было что-то весьма ценное для бесов. Заминки возникали часто, но каждый раз Феодора сообщает: «Здесь тоже немного дали злым духам и прошли свободно» или: «На все это Ангелы ответили тем, что дали из ковчежца, и мы отправились выше»...

Феодора утверждала, что к ней бесы были особо пристрастны: «...Не всех так испытывают в мытарствах, но только подобных мне, не исповедавшихся чистосердечно перед смертью. Если бы я исповедала отцу духовному без всякого стыда и страха все греховное и если бы получила от духовного отца прощение, то я перешла бы беспрепятственно все эти мытарства».

Вызывает удивление, что не только грешные души страдают во время мытарств, но и сами бесы. Описывая двадцатое

по счету мытарство, Феодора едва ли не с жалостью говорит: «Когда мы пришли сюда, князь сего мытарства показался мне весьма и весьма жестоким, суровым и даже унылым, как будто от продолжительной болезни. Он плакал и рыдал...»

Но в конце концов все закончилось хорошо, по крайней мере для самой Феодоры: «И вот мы приблизились к вратам небесным и вошли в них, радуясь, что благополучно прошли горькие испытания в мытарствах».

В отличие от рая и чистилища, местонахождение христианского ада известно довольно точно. Ад, хотя он и заселен народом беспокойным и склонным к перемещению, оказался, как ни странно, наиболее статичной частью загробного мира христиан. Католический ад находится на месте прежнего Аида, хотя границы, возможно, и не вполне совпадают. Его приблизительные координаты дает Данте. Ад расположен в жерле гигантской воронки, образованной в толще земли падением Люцифера. Причем падший ангел застрял в середине земного шара, но земля с отвращением отпрянула от Люцифера, образовав воронку, ось которой проходит в районе Иерусалима.

Топография православного ада подробно описана в русском средневековом тексте «Хождение Богородицы по мукам», который восходит к греческим рукописям девятого века. Расположение самого ада дается очень приблизительно, ясно лишь, что он находится под землей, в том числе непосредственно под горой Елеонской (в Иерусалиме), потому что именно там разверзлась земля, пропуская Богоматерь в ад. Глубина залегания ада не обозначена, но, поскольку в нем, наряду с территориями полной тьмы, есть и облака пламени, и горящие реки, православный ад, как и католический, имеет значительную протяженность по вертикали.

Сходство их топографии дает основание предположить, что и католический, и православный ад суть одна и та же территория.

Несколько иной точки зрения придерживается уже упоминавшийся архиепископ Новгородский Василий, который уверенно помещает ад на западе, в Ледовитом океане. Он пишет: «К тому же, брат, не дано Богом видеть людям святой рай,

а муки — и теперь находятся на западе. Многие из детей моих духовных, новгородцев, видели это на Дышащем море (Ледовитый океан и северные моря. — *О. И.*): червь неусыпающий, и скрежет зубовный, и река кипящая Морг, и вода уходит там в преисподнюю и вновь выходит наверх трижды за день».

Но не исключено, что новгородцы видели лишь один из входов в ад, который может находиться достаточно далеко от центра самой преисподней.

Согласно Данте Алигьери, в аду имеются зоны вечной мерзлоты. Этой точки зрения придерживался и святой великомученик Патрикий Прусский. Во время допроса он отказался принести жертвы языческим богам и сказал римскому наместнику: «На некоторых местах бездны имеются самые холодные воды, обратившиеся в лед, как отстоящие весьма далеко от огня. Подземный огонь устроен для мучения нечестивых душ. Преисподняя вода, обратившаяся в лед, именуется тартаром. В тартаре подвергаются бесконечной муке ваши боги и поклонники их... Тартар глубже всех прочих бездн, находящихся под землею. В том, что под землею находится огонь, уготованный на нечестивых, пусть удостоверит тебя по крайней мере тот огонь, который извергается из недр земных в Сицилии».

Некоторое противоречие, связанное с тем, что в аду одновременно имеются и огненные озера, и участки вечной мерзлоты, разрешил в начале семнадцатого века известный богослов, профессор Миланского университета Антонио Руски. В своей книге, посвященной строению ада, он написал: «Бог, который создал огонь, в силах получить из него и мороз».

Впрочем, Суинден, англиканский священник из графства Кент, издал книгу, в которой, игнорируя свидетельства о ледяных озерах ада, рассматривал сущность адского огня и утверждал, что ад следует искать на Солнце.

Современные ученые достаточно точно вычислили глубину залегания некоторых регионов ада, а именно — упомянутого в Откровении Иоанна Богослова «озера огненного и серного». Поскольку сера горит в газообразном состоянии, температура огненного озера должна быть близка к температуре кипения серы (445° Цельсия), что, по мнению профес-

сора геологии Геро Хилмера, соответствует глубине примерно в 14 километров.

По поводу расположения ада есть мудрое высказывание святого Иоанна Златоуста: «В каком месте, спрашиваешь, будет Геенна?.. Станем искать не того, где она находится, но средств избежать ее».

Самое подробное из ныне существующих описаний ада принадлежит Данте, ему посвящена следующая глава. Из других источников можно назвать упоминавшееся уже апокрифическое «Хождение Богородицы по мукам». Здесь подробно описывается и огненная река, в которую грешники погружены «одни до пояса, другие до подмышек, третьи по шею, а иные с головой», и смоляная река с огненными волнами, а в ней «грешники, словно семена горчичные». Видела Богородица и «мужа, висящего за ноги, поедаемого червями», и «жену, подвешенную за зубы, разные змеи выползали из ее рта и поедали ее». Сопровождавший Марию архангел Михаил объяснил: «Эта женщина, госпожа, ходила к своим близким и к соседям, слушала, что про них говорят, и ссорилась с ними, распуская сплетни».

Были здесь и раскаленные скамьи для тех, кто ленится в святое воскресение ходить к заутрене, и огненные столы для тех, «кто попов не почитает». Специальная мука была приготовлена попадьям, которые «не почитали своих попов и после их смерти выходили замуж»: они были подвешены за ноги, и «пламя выходило у них изо рта и опаляло их, а змея выползала из пламени того и обвивала их». На железном дереве висели клеветники, подвешенные за язык...

Впрочем, православное население ада регулярно получает кратковременный отдых от мук. По молитве Пресвятой Богородицы Господь сжалился над грешниками и даровал им «покой от Великого четверга до Троицына дня» — пятьдесят три дня ежегодно.

Очень близкая картина ада нарисована в апокрифическом «Откровении Петра». Петр тоже наблюдал клеветников, подвешенных за языки, видел озера, наполненные кипящим илом, ущелья, кишашие ядовитыми червями, мужей и жен-

щин, которых жарили и пекли на вертелах... Интересно наблюдение Петра о том, что «и те, кого казнили там, и ангелы казнящие носили мрачные одежды, будучи одеты соответственно воздуху в этом месте».

Большинство авторов, описывая ад, приводят достаточно однотипный список физических мучений, которым подвергаются грешники. Но существуют, по-видимому, области ада, где грешникам предлагаются и мучения нравственные. В начале семнадцатого века каноник Франсуа Арну в своей книге «Чудеса потустороннего мира: страшные муки ада и дивные наслаждения рая» описал, какому наказанию подвергаются в аду прелюбодейки. Черти раздевают их догола и под гром труб водят по площадям ада. При этом черти громко выкрикивают имя и адрес грешницы и подробно рассказывают, где, с кем и как она грешила. Дополнительные муки несчастная терпит, если выясняется, что в адской толпе находятся ее родственники, которые узнают о ее позоре.

Разнообразные коренные жители ада подробно описаны в начале девятнадцатого века в «Инфернальном словаре» Коллена де Планси. Автор дает перечень шестидесяти четырех проживающих в аду демонов и рассказывает о деятельности каждого из них. Среди описанных в словаре демонов можно назвать Астарота, который считается Великим герцогом преисподней; Адрамелеха — Великого канцлера ада, Председателя Верховного Совета демонов и по совместительству Главного гардеробщика Сатаны; Бегемота — демона чревоугодия; принца смерти Юринома, питающегося падалью... Надо особо отметить, что, хотя Коллен де Планси и описывает немногим больше полусотни демонов, некоторые из них имеют в подчинении целые армии. Так, один лишь Астарот, которого обычно изображают верхом на драконе с гадюкой в руке, имеет в своем распоряжении сорок легионов демонов (классический римский легион насчитывал 5500 человек).

Верховным правителем ада, по некоторым данным, стал Люцифер. Известно, например, письмо начала XV века, начинающееся, согласно средневековому дипломатическому этикету, перечнем титулов отправителя: «Люцифер, император глубокого Ашерона, король Ада, герцог Эребуса и Хаоса, князь Тьмы, маркиз Бездны и Плутония, граф Геенны,

мастер, регент, защитник и владыка всех дьяволов Ада и тех смертных людей, которые еще пребывают в мире и кто желает противостоять воле и власти нашего противника Иисуса Христа...» Впрочем, подлинность документа вызывает сомнения: по мнению материалистически настроенных историков, письмо является памфлетом на его адресата, бургундского герцога Жана Бесстрашного.

Помимо двух основных царств — католического и православного — загробный мир христиан включает в себя еще ряд территорий, принадлежащих представителям прочих конфессий.

В целом его структура и географическая картина сложились к началу Нового времени. Но, несмотря на то что эти царства населены мертвыми, сами они живут и развиваются. Так, совсем недавно, в 2006 году, ад католиков претерпел значительную перестройку: здесь было ликвидировано детское отделение Лимба.

Посмертная судьба некрещеных младенцев всегда волновала христиан. Восточные теологи решали этот вопрос мягко и с надеждой на лучшее; так, святой Григорий Богослов писал еще в четвертом веке, что умершие некрещеными младенцы «не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны, потому что хотя не запечатлены, однако же и не худы и больше сами потерпели, нежели сделали вреда». Его современник Григорий Нисский считал даже, что души младенцев, «похищаемых смертью», могут достигнуть полной меры блаженства. Ему вторил св. Ефрем Сирин: «Кто умер во чреве матери и не вступил в жизнь, того Судия сделает совершеннолетним в то же мгновение, в которое возвратит жизнь мертвецам. Младенец, которого мать умерла вместе с ним во время чревоношения, при воскрешении предстанет совершенным мужем, и узнает мать свою, а она узнает детище свое. Невидавшие здесь друг друга, увидятся там, и мать узнает, что это ее сын, и сын узнает, что это его мать...»

Григорий, ученик преподобного Василия Нового, в ниспосланном ему видении Страшного суда наблюдал, как некрещеным младенцам было отведено «покойное место на западе и несколько причастное наслаждению вечному, но так, чтобы они не видели лица Господня».

Феофан Затворник, живший в девятнадцатом веке и причисленный Русской православной церковью к лику святых, писал: «А дети — все ангелы Божии суть. Некрещеных, как и всех вне веры суших, надо предоставлять Божию милосердию. Они не пасынки и не падчерицы Богу. Потому Он знает, что и как в отношении к ним учредить. Путей Божиих бездна!»

Православная церковь позволяет молитвы за таких младенцев если не в уверенности, то в надежде, что они могут попасть в рай.

Богословы же западные считали, что умершие без крещения младенцы в рай не попадут. Блаженный Августин, несмотря на всю свою кротость и на веру в Божественные справедливость и милосердие, утверждал, что души этих младенцев не могут обрести спасения. Данте в своей картине загробного мира отводит некрещеным младенцам место в Лимбе — преддверии ада. В Лимбе души не особо мучаются, но и не наслаждаются, пребывая в «безбольной скорби». И вот папа Бенедикт XVI поручил специальной комиссии пересмотреть судьбы детей. В 2006 году Ватикан опубликовал документ «Надежда на спасение для некрещеных младенцев». В нем говорится: «Рассмотрев множество факторов, мы пришли к заключению, что есть серьезные богословские и литургические основания надеяться, что младенцы, умирающие некрещеными, будут спасены и смогут наслаждаться блаженным лицезрением Господа».

Впрочем, как бы ни был устроен загробный мир христиан сегодня, какие бы новшества не вводили там Отцы Церкви, главная перестройка впереди. В день Страшного суда загробный мир ожидают радикальные изменения. Поскольку они описаны пророками, можно допустить, что эти события принадлежат истории, а не футурологии, поэтому коснемся их хотя бы вкратце.

Основным и наиболее достоверным источником информации о грядущих изменениях в загробном царстве христиан является Откровение Иоанна. Главные события начнутся с того, что Ангел, сходящий с неба, имеющий «ключ от бездны и большую цепь в руке своей», низвергнет в бездну «змия древнего, который есть диавол и сатана». Змий бу-

дет обезврежен на тысячу лет, после чего «ему должно быть освобожденным на малое время». Но пока сатана будет бездействовать, на земле наступит так называемое Тысячелетнее царство, причем часть наиболее достойных праведников воскреснет, чтобы «царствовать вместе с Христом тысячу лет». Когда же названный срок завершится, «сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы...». Но обольщать их ему предстоит недолго: после завершающей битвы воинство сатаны будет уничтожено ниспавшим с неба огнем, а сам «диавол, прельщавший их» будет «ввержен в озеро огненное и серное», где ему предстоит «мучиться день и ночь во веки веков».

При этом, по словам апостола Павла, «мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся». После чего и воскресшие мертвецы, и «изменившиеся» живые предстанут перед Христом, который будет судить каждого по его делам. Святой апостол Иуда (не путать с предателем!) пишет, что судимы будут также и «ангелы, не сохранившие своего достоинства».

Царства живых и мертвых объединятся под общим управлением. На этом история мира живых завершится. Завершится и история царства мертвых, ибо, во-первых, мертвые воскреснут, а во-вторых, история вообще закончится как явление: мир станет статичным.

Таковы вкратце история (древняя, современная и будущая) и география загробного мира христиан. А теперь познакомимся с заметками крупнейших исследователей, побывавших там при жизни и вернувшихся обратно. Это тем более интересно, что в некоторые из его регионов не так-то легко попасть, и не исключено, что для многих из нас знакомство с раем путешествием «виртуальным» и ограничится.

Путешествие Данте Алигьери

Из всех путевых заметок, оставленных людьми, побывавшими в загробном мире, «Божественная комедия» является, пожалуй, самым подробным и исчерпывающим документом. Данте Алигьери совершил свое путешествие в 1300 году, ему было тогда 35 лет. Точная дата начала путешествия не известна, но мы знаем, что произошло это в конце марта — начале апреля. О том, что со дня католического Рождества прошло около трех месяцев, упоминает друг Данте, Каселла, встреченный поэтом у подножия горы чистилища на третий день путешествия. Разные исследователи, опираясь на упомянутое автором «Комедии» расположение небесных светил, называют разные даты. Хорхе Луис Борхес, считая этот факт очевидным, сообщает: «Утром 13 апреля 1300 г., в предпоследний день путешествия, Данте, завершив свои труды, вступил в земной Рай, увенчавший гору Чистилища». Если принять эту точку зрения, Данте вошел в ворота ада в пятницу, 8 апреля, и завершил свой путь, достигнув Эмпирея, в четверг, 14 апреля 1300 года.

Впрочем, скорее всего, сроки путешествия не могли оказать значительного влияния на дорожные впечатления поэта.

Ад, расположенный в глубинах Земли, навряд ли испытывает влияние смены времен года. То же самое касается и небесного рая, ибо он находится далеко за пределами земной атмосферы. Гора чистилища и земного рая помещается в тропическом поясе, климат смягчен влиянием Тихого океана (о координатах чистилища см. предыдущую главу). Поэтому картины природы, нарисованные путешественником, можно считать не подверженными сезонным изменениям.

Спутником Данте по первым двум регионам загробного мира — аду и чистилищу — стал великий римский поэт Публий Вергилий Марон. Лучшего провожатого трудно было бы пожелать. Вергилий еще при жизни прекрасно изучил топографию греко-римского Аида, поскольку в своей «Энеиде» подробно описал сошествие туда Энея, прародителя римского народа. О том, что христианский ад возник на рубеже 20–30-х годов нашей эры при колонизации Аида представителями новой религии, мы уже писали в предыдущей главе.

Вергилий, умерший в 19 году до н.э., к моменту знакомства с Данте обитал в загробном мире вот уже 1318 лет. В христианские времена его местопребыванием был Лимб, где души праведных язычников не испытывали адских мук и могли общаться между собой, следовательно, за долгое время нахождения в загробном мире Вергилий имел возможность досконально познакомиться с жизнью ада. Более того, однажды ему уже случилось совершить путешествие через весь ад (тогда еще Аид), из Лимба в Джудекку и обратно, повинувшись воле пославшей его фессалийской волшебницы Эрихто. И вот теперь, снова повинувшись приказу женщины, на этот раз — Беатриче, Вергилий становится спутником Данте.

Для Данте такой провожатый был ценен еще и тем, что флорентийский поэт называл Вергилия своим учителем. Кроме того, христиане считали Вергилия, предсказавшего в своих «Буколиках» рождение ребенка, который изменит историю человечества, провозвестником рождения Христа. Сам Вергилий, скорее всего, очень удивился бы такой точке зрения, поскольку в образе божественного ребенка он, по-видимому, верноподданнически воспел Марцелла, сына императора Августа. Но так или иначе, христиане относились к Вер-

гилию с большим пиететом, и для религиозно настроенного Данте такой спутник был, конечно, желаннее, чем грешник либо обычный язычник (а других в аду практически не было: ветхозаветных праведников Христос вывел оттуда за тринадцать веков до описываемых событий).

Загробные регионы (назвать их царствами нельзя, ибо они подчиняются единому властителю) и мир живых сплетены у Данте в цельную и стройную картину мироздания. Земной шар находится в центре Вселенной, а гора Сион и город Иерусалим — в центре Северного полушария. Южное полушарие в основном покрыто океаном, и человеку вход туда возбраняется (об этом предупреждал еще во втором веке известный богослов Климент Александрийский, и Данте придерживался его точки зрения). Прямо под Иерусалимом расположена воронкообразная впадина ада, образованная падением Люцифера (см. главу «В доме Отца Моего обителей много»). А в Южном полушарии, прямо напротив Иерусалима, — гора чистилища. Поскольку дыра, пробитая Люцифером, затянута, а плыть в Южное полушарие было запрещено (о том, что Африка простирается южнее экватора, никто еще не знал), то гора чистилища с расположенным на ее вершине земным раем была недосыгаема для людей. Единственным проходом, соединявшим полушария, была промоина, проточенная в скале водами Леты, которая, беря свой исток в земном раю, стекает вниз по склонам чистилища, уходит под землю и впадает в Коцит недалеко от земного ядра. По ней-то и шел Данте, сопровождаемый Вергилием, когда из ада поднимался к земной поверхности Южного полушария.

Морем к горе чистилища можно было попасть только на ангельской ладье, в которой души, предназначенные к очищению, доставлялись сюда из устья Тибра. Вместимость каждой ладьи, по свидетельству Данте, превышала сто душ. Путь их был не близок, им предстояло пройти Средиземное море, миновать Гибралтарский пролив, выйти в Атлантический океан и проплыть без малого двадцать тысяч километров (даже если бы в Южном полушарии действительно не было другой суши, кроме чистилища, и они могли бы двигаться по прямой). У единственного неангельского корабля, который

на тот момент сумел совершить этот путь, дорога заняла пять месяцев. Смелчаками, добравшимися до подножия знаменитой горы, были Одиссей со спутниками. Это путешествие (совершенное значительно позднее странствий, описанных Гомером), оказалось для них последним: корабль разбился, не успев достигнуть суши, о чем Одиссей, обитающий в восьмом кругу ада, рассказал Данте при встрече.

Одиссей не знал, что достиг чистилища, но в то далекое время (первая половина двенадцатого века до Рождества Христова) ни чистилища, ни рая, по-видимому, просто не существовало, и склоны горы являлись пристанищем диких животных и перелетных птиц; по крайней мере, присутствие людей на острове в ту эпоху археологически не подтверждается. Впрочем, запрета на посещение этой горы тогда, по-видимому, тоже не существовало (не было оснований), да и до рождения Климента Александрийского оставалось почти полторы тысячи лет. Так что у Одиссея была прекрасная возможность обследовать гору, которой еще только предстояло войти в систему загробного мира, а у аэдов во главе с Гомером — возможность воспеть еще одно путешествие царя Итаки. Но гибель корабля (объяснявшаяся естественными причинами или гневом Посейдона, который издавна преследовал героя) оставила первое в европейской истории плавание по Южному полушарию неизвестным. И если бы не встреча знаменитого лжеца и знаменитого поэта в аду, мы бы и по сей день о нем не знали. Правда, именно потому, что Одиссей был известен как лжец (не случайно он оказался в восьмом кругу ада), некоторые комментаторы сомневаются в правдивости его слов. Но других источников у нас нет. Во всяком случае, Борхес в своих «Девяти эссе о Данте» утверждает, что в данном случае Улисс не лжет и что гора в Южном полушарии, о которой он рассказал, — это и есть та самая гора, к подножию которой Вергилий сквозь недра земли вывел великого флорентийца.

Так выглядит дантовская картина земного шара (включая размещенные на нем ад, чистилище и земной рай). Картина небес сложнее, но она, помимо «Божественной комедии», подробно описана в трактате Данте «Пир». Вокруг неподвижной Земли вращаются девять концентрических небесных сфер, на

которых и пребывают души большинства умерших и ангелы; вращение сопровождается гармоничным звучанием. Первые семь сфер соответствуют планетам, к которым Данте относит также Луну и Солнце. Это небеса Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна. Восьмой сфере соответствует небо Неподвижных Звезд, девятой — кристальное небо, называемое также Перводвигателем. Кристальное небо с огромной скоростью вращается «благодаря пламеннейшему желанию воссоединиться с каждой частью божественнейшего покоящегося неба». «Покоящееся» небо — десятое по счету, оно называется Эмпирей, и это — «место, где пребывает высшее Божественное начало, созерцающее собственное совершенство». Здесь же пребывают и «блаженные духи» — высшие святые христианского пантеона. «Это и есть постройка, венчающая Вселенную, в которую она вся и включена и за пределами которой ничего нет».

Таково в целом мироздание по Данте, а для немногих сомневающихся поэт ссылается на «мнение Святой Церкви, которая не может сказать ложное».

С точки зрения сегодняшних представлений о строении мира нарисованная Данте картина, несмотря на отсылку к высшим авторитетам, не вполне точна, особенно в части физики небесных сфер. Но до открытий Коперника оставалось три с половиной столетия, и в ученном мире царила модель Птолемея — с земным шаром в центре Вселенной и вращающимися вокруг него Солнцем и планетами. Что мешало путешественникам пользоваться картами, в том числе картами звездного неба, и прекрасно добираться до места назначения. Поэтому даже сегодня любой из нас может использовать «Божественную комедию» как путеводитель, не делая особых скидок на Птолемея.

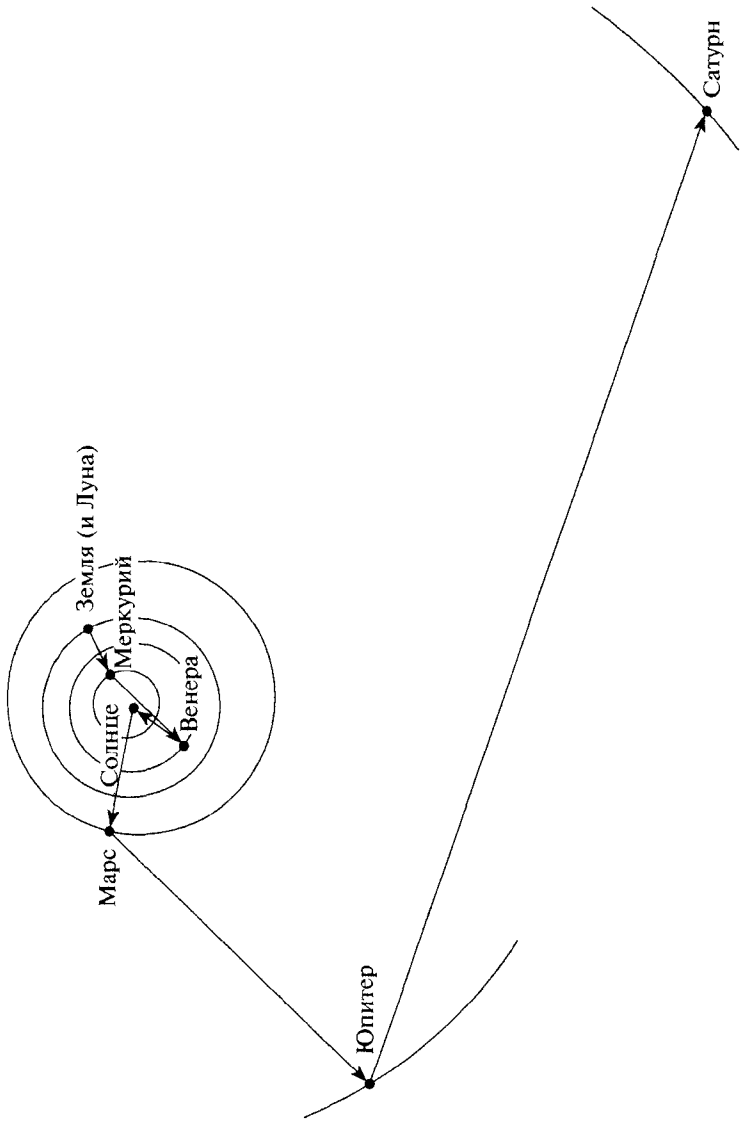
В двадцатом веке неоднократно делались попытки примирить космологию Данте с современными физико-математическими теориями. Так, знаменитый философ отец Павел Флоренский в своей книге «Мнимости в геометрии» пишет о дантовской вселенной: «Картина этой вселенной неизобразима эвклидовскими чертежами...» Флоренский приходит к выводу, что пространство Данте построено «по типу эллиптиче-

ской геометрии». Рассматривая путь поэта, в том числе с момента его выхода на поверхность Южного полушария и далее по небесам до планеты Сатурн и обратно на Землю, он пишет:

«Дант все время движется по прямой и на небе стоит — обращенный ногами к месту своего спуска; взглянув же оттуда, из Эмпирея, на Славу Божию, в итоге оказывается он, без особого возвращения назад, во Флоренции... Итак: двигаясь все время вперед по прямой и перевернувшись раз на пути (ранее, в центре Земли. — *О. И.*), поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него. Следовательно, если бы он по дороге не перевернулся, то прибыл бы по прямой на место своего отправления уже вверх ногами. Значит, поверхность, по которой двигается Дант, такова, что прямая на ней, с одним перевертом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении; а прямолинейное движение без поворота — возвращает тело к прежней точке перевернутым. Очевидно, это — поверхность: 1) как содержащая замкнутые прямые, есть *римановская* плоскость и 2) как переворачивающая при движении по ней перпендикуляр, есть поверхность *односторонняя*».

При всем уважении к философу авторы данной книги не согласны с его выводами. Авторы готовы обсуждать вариант возвращения Данте «на место своего отправления уже вверх ногами», но дело в том, что, вопреки утверждениям Флоренского, Данте свое возвращение обратно не описывает и выяснить, вернулся ли он во Флоренцию «вверх ногами» или вниз, теперь уже не представляется возможным.

Кроме того, вопреки допущению философа, Данте двигался не только по прямой, но и по окружностям небесных сфер. Ведь «парада планет», когда они все выстраиваются в одну линию, в тот день не наблюдалось, и для того, чтобы посетить семь небесных тел, Данте пришлось описать в небе сложную кривую. В конце концов, оказавшись в созвездии Близнецов, он вращается с этим созвездием вокруг Земли и оказывается в разных точках неба, с которых он может видеть *всю* (Данте это подчеркивает) сушу, причем он смотрит вниз дважды и видит Землю в разных ракурсах. Сушу, которая находится в Северном полушарии и имеет центр в Иерусалиме, невозможно видеть, находясь над Южным полушарием на радиаль-

Маршрут Данте. Схема расположения планет на 13 апреля 1300 года

ной прямой, исходящей из Иерусалима. Это означает, что поэт проделал немалый путь по небу, переместившись к северу. Но точные координаты его пути не известны. Поэтому, ввиду недостаточности информации, авторы рискуют предположить, что эллиптическая геометрия применима к загробному миру Данте не более, а геометрия Эвклида — не менее, чем любая другая.

Швейцарский математик Герман Вейль тоже попытался сопоставить дантовскую космологию с современными математическими моделями мира. К сожалению, у авторов данной книги не было возможности познакомиться с трудами Вейля. Но по свидетельству Г. Ю. Трегера, изложенному в его книге «Эволюция основных физических идей», Вейль считает, что топология дантовского космоса близка к топологии космоса Эйнштейна.

Впрочем, какая бы математическая модель ни описывала ад, чистилище и рай, для их обитателей (настоящих и будущих), а также для большинства читателей нашей книги это представляет, по-видимому, меньший интерес, чем детальный обзор топографии, гидрологии, этнографии, животного и растительного мира каждого из регионов. Следуя за великим флорентийцем, начнем наше описание с Ада.

Ад — это колоссальная воронкообразная пропасть, направленная к центру Земли. Ее склоны опоясаны концентрическими «кругами ада» — уступами, каждый из которых предназначен для грешников определенного рода. Из мира живых в ад ведут врата со знаменитой надписью, которая заканчивается словами «Входящие, оставьте упования». Где находятся эти врата, Данте не указывает, но, видимо, они не единственные; по крайней мере, в греко-римском Аиде входов было множество. Вергилий, описывая сходжение в Аид Энея, утверждает, что знаменитый троянец воспользовался входом, расположенным близ города Кумы в нынешней Кампании (см. главу «Царство Аида»). Возможно, Данте с Вергилием воспользовались тем же путем, тем более что он уже был знаком автору «Энеиды».

Пространство за вратами заполнено душами людей ничтожных и не достойных ни райского блаженства, ни адских

мук. Они бегают вдоль берега Ахерона, терзаемые тучами ос и слепней. Почему они при этом бегают не хаотически, а по кругу, «длинной чредой», и несут перед собой стяг — не объясняется. Души же, обреченные на адские муки, торопятся к ладье Харона, который перевозит их на другую сторону реки (причина спешки тоже не ясна). Харон при христианах сохранил свою должность, но оплата за проезд, существовавшая в языческом Аиде, в христианском аду отменена.

Первый круг ада, или Лимб, хотя и является самым верхним, но расположен в достаточно глубокой пропасти. Здесь, в полной тьме, обитают души тех, «кто жил до христианского ученья»: они предаются «безбольной скорби» и лишены надежды на лучшее. Во времена Данте среди них было множество детей. Сегодня, как мы уже говорили, Папой Римским Бенедиктом XVI опубликован документ, согласно которому некрещеные младенцы переведены в рай. Здесь же, в Лимбе, но в значительно лучших условиях обитают души выдающихся некрещеных деятелей искусства, науки и политики, в том числе и тех, кто родился в христианские времена, но в нехристианских странах. Для них выстроен высокий замок, окруженный мощными укреплениями: семью рядами стен. Внутри светло, зеленеет трава, насажен сад. Население замка преимущественно мужское, но есть и женщины, прославленные своими выдающимися детьми или, как ни странно, воинскими подвигами.

Собственно грешники обитают в аду начиная со второго круга. Именно здесь над ними вершится суд, и они направляются в предназначенный для них круг ада. В качестве судьи выступает Минос, сын Зевса и Европы, в земной жизни бывший царем Крита. Он прославился разнообразными добродетелями (с точки зрения людей своей эпохи), и, когда в загробном царстве греков появилось отделение строгого режима для преступников и Елисейские поля для особо выдающихся душ, Минос был назначен судьей. Эту должность он сохранил и при христианах. Каким образом отправлять христианское правосудие было доверено язычнику, не вполне понятно; тем не менее Данте лично наблюдал, как Минос, окончательно превратившийся в беса, вершит правосудие, взмахами хвоста определяя степень наказания.

Здесь же, во втором круге, терпят наказание прелюбодеи, носимые непрерывным ветром. Интересно отметить, что после прихода к власти христиан приговоры язычникам были пересмотрены (хотя в качестве судьи остался тот же Минос). Поэтому, например, Елена Троянская, попавшая после смерти в Елисейские поля, во времена Данте оказалась мучима во втором круге. В те времена, когда она предавалась прелюбодеяниям, таковые особым грехом не считались, тем более, что у Елены за всю жизнь было только три мужчины (Менелай, Парис, а после гибели Париса — его брат Деифоб) и все три, пусть не всегда сразу, стали законными мужьями. Тесея, похитившего ее еще ребенком, вероятно, можно не считать, а за Ахилла она вышла уже в Елисейских полях. Но с приходом христиан дело пересмотрели, и Елене был вынесен обвинительный приговор. По-видимому, положения о том, что закон обратной силы не имеет, тогда не существовало.

Третий круг предназначен для чревоугодников: они вязнут в топкой грязи, под вечным дождем и градом. Их терзает трехглавый Цербер, который тоже живет в аду с античных времен.

В четвертом круге мучаются скупцы и расточители: они идут навстречу друг другу, толкая грудью тяжелые грузы, сшибаются в драке, отступают и вновь наступают друг на друга. Здесь кончается область «мягких» мучений за сравнительно легкие грехи. Дикие тропы, спускающиеся с горных круч, ведут вниз, к болоту Стикса, или Стигийскому болоту, образованному из падающих сверху вод Ахерона.

В Стигийском болоте казнятся «гневные», терзающие друг друга в мутной воде и в грязи под водой. Это — пятый круг ада. Стоящая на ближнем берегу болота башня имеет систему оповещения: световой сигнал сообщает о прибытии очередной души, после чего из города Дит за ней присылают лодку.

Название «город» Дит носит условно. Городом в нашем понимании он не является, это, скорее, линия укреплений, окружающая пропасть нижнего ада. Здесь можно отметить впервые встреченное поэтом многочисленное коренное население: «много сот» падших ангелов, которые приставлены охранять ворота «города», и Эриний — греческих богинь мщения, задержавшихся с античных времен.

За крепостными стенами вместо домов лежат бесчисленные могилы, полыхающие огнем. Здесь, в шестом круге, казнятся еретики. И отсюда обрывается пропасть, ведущая в нижний ад. Крутой спуск усеян гигантскими глыбами, сорвавшимися в результате последнего землетрясения, случившегося при схождении Христа в ад. Здесь Данте впервые отмечает наличие дикой фауны — кентавров и Минотавра (отмеченного ранее Цербера вернее будет отнести к домашним животным, поскольку в Аиде он охранял вход).

Седьмой круг ада — круг насильников — начинается в кипящей крови потока Флегетон. Здесь, в первом поясе круга, варятся насильники над ближним. Второй пояс этого круга интересен тем, что в нем, впервые после Лимба, снова отмечена растительность: одичалый лес. Он составлен из узловатых бесплодных деревьев с бурными листьями и терновых кустов. Деревья вырастают из семян, в которые превращены души самоубийц — насильников над собой. В лесу обитают многочисленные гарпии, питающиеся листьями и тем самым терзающие грешные деревья. Здесь же обитает множество диких собак, они охотятся на проживающих в лесу игроков и мотов.

За лесом открывается новая природная зона — пустыня, выжженная спадающим с «неба» огненным дождем, под которым терзаются узники третьего пояса: насильники над Божеством (богохульники), насильники над естеством (содомиты) и насильники над искусством (лихоимцы). Они обречены бродить по раскаленной пустыне, но природой предусмотрено (хотя и не для них) некое подобие оазиса: вытекающий из леса Флегетон вдоль своего течения гасит небесный огонь «силой испаренья» и создает зону влажного воздуха. Затем река со страшным грохотом обрушивается в бездну. Здесь, на огромной глубине, лежит восьмой круг ада — Злые Щели.

Злые Щели — это кольцеобразный уступ, по которому проходят десять концентрических рвов, или щелей; они опоясывают воронку ада. Уступ имеет легкий уклон к центру. В центре, внутри десятой щели, находится «Колодец гигантов». Щели отделены друг от друга валами, а вся система пересечена радиально направленными каменными гребнями, которые, проходя над щелями, образуют нечто вроде мостов.

Этот район ада образован скальной породой «цвета чугуна». В Злых Щелях караются те, кто обманывал людей, не связанных с ними узами доверия, причем понятие обмана трактуется очень широко.

По первой щели двумя потоками, навстречу друг другу, идут бичуемые бесами сводники и соблазнитель. Во второй щели сидят влипшие в кал льстецы. В третьей казнятся святокупцы: головы и туловища их погружены в округлые скважины, проделанные в сероватом камне, а торчащие наружу ноги опаливает огонь. Четвертую щель населяют прорицатели, их тела исковерканы и скручены на 180° в верхней части грудной клетки.

В пятой щели казнятся мздоимцы, они погружены в кипящую смолу. Именно этот район ада наиболее широко известен живым, а применяемое здесь наказание является в каком-то смысле «визитной карточкой» ада. Бесы следят за тем, чтобы грешники не слишком высовывались из смолы, и топят их баграми. Интересно, что бесы смертны: на глазах Данте два беса упали в кипящую смолу и немедленно погибли, прежде чем товарищи успели их вытащить. А рядом грешники, которые вот уже сотни лет кипели в той же самой смоле, находились в полном здравии. Данте обходит молчанием вопрос о том, существует ли для бесов загробная жизнь, и если существует, то где.

Бесы в общем антропоморфны (хотя у них есть крылья), они имеют человеческую речь и зовут друг друга по именам. Интересно, что и грешники, принадлежащие к разным национальностям и эпохам, и Данте, и Вергилий прекрасно понимают язык, на котором говорят бесы. Вообще, в аду, по-видимому, не возникает языковых проблем; возможно, это связано с тем, что Аид существовал задолго до Вавилонского столпотворения (подробней см. главу «Царство Аида»). И лишь царь Немврод, виновник и организатор этого самого столпотворения, приговорен никого не понимать и быть непонятым.

В шестой щели обитают лицемеры, обреченные влачить на себе свинцовые одеяния. В седьмой щели Данте снова, впервые после выхода из леса, отмечает богатую фауну: здесь обитает несметное количество змей. Не будучи серпентологом,

Данте тем не менее берется утверждать, что такого видового разнообразия нет даже в Ливийской пустыне, Эфиопии и на берегах Чермного (Красного) моря, вместе взятых. Змеи терзают воров, для которых и предназначена эта щель.

В восьмой щели бродят охваченные огнем лукавые советчики (кстати, именно здесь состоялась беседа Данте с Одиссеем, о которой мы упоминали в начале главы). В девятой щели казнятся зачинщики раздора: дьявол непрерывно рубит их непрерывно восстанавливающиеся тела. И наконец, десятая щель предназначена для поддельщиков металлов: они покрыты струпьями и сами разрывают свое тело, пытаясь унять непрерывный зуд.

Вся территория Щелей хранит следы страшного землетрясения рубежа 20–30-х годов: видны трещины и груды камней, многие мосты разрушены. Вызывает удивление, что новые владельцы ада, пришедшие на смену грекам и римлянам, за почти тринадцать веков не удосужились навести здесь порядок и хотя бы починить мосты.

При описании Щелей мы впервые встречаем у Данте точное указание на размеры территории. Вергилий говорит, что длина окружности девятой щели — 22 мили (Вергилий, очевидно, пользовался римской милей, равной 1481,5 м; при этом он имел в виду внешнюю окружность щели). Это значит, что ее диаметр (с учетом лежащей внутри десятой щели и Колодца) — около 7 миль. Внутри нее лежит десятая щель, о которой один из обитателей сообщил, что ее круговая длина — 11 миль, а ширина кольца — полмили. Внутри этого кольца обрывается в бездну «Колодец гигантов», ведущий в последний круг ада — ледяное озеро Коцит. Несложный расчет показывает, что диаметр Коцита (по крайней мере, той его части, которая совмещается с Колодцем) — не больше трех миль, а скорее всего, меньше, поскольку Колодец, вероятно, сужается книзу. Хотя не исключено, что часть озера уходит в подземные гроты и пещеры.

Колодец — место обитания гигантов. В основном здесь помещены те, кто примерно за два с половиной тысячелетия до Данте участвовал во Флегрейской битве за небо. Гиганты были низвергнуты богами во главе с Зевсом и с тех пор томятся в Тартаре (старое название Колодца). Сюда же непо-

нятно какими судьбами попал побежденный Гераклом Антей. Ну а как умудрился превратиться в гиганта злосчастный виновник Вавилонского столпотворения Немврод — остается загадкой. Единственное, что роднило его с гигантами при жизни, — это наивная попытка взять небо штурмом. Гиганты стоят на дне Колодца, вдоль самых стен, возвышаясь над уровнем десятой щели.

На дне колодца лежит озеро Коцит, гигантов отделяет от него решетка. Озеро разделено на четыре концентрических круга (Кайна, Антенора, Толомея и Джудекка), но это деление условно, видимых границ не существует. В первых трех поясах казнятся вмерзшие в лед предатели родных, предатели родины и единомышленников и предатели друзей и соотрапезников. Интересным свойством Толомеи является то, что сюда нередко попадают души, чьи тела еще живы. Как только человек совершает предательство, его душа немедленно катится вниз, на дно колодца, а в еще живое тело вселяется бес, который и управляет им до самой физической смерти.

В четвертом, центральном круге озера казнятся предатели благодетелей, а также предатели величества Божеского и человеческого. Здесь же можно видеть вмерзшего в лед по грудь павшего ангела Люцифера. Это — средоточие не только ада, но и Вселенной. И тот факт, что самый центр нашей Вселенной является местом пыток и средоточием зла, навел бы на грустные мысли, если бы не упомянутая ранее теория о том, что космос Данте, возможно, близок космосу Эйнштейна, а значит, никакого объективного центра у него нет и быть не может.

Вопреки распространенному мнению, в описании Данте Люцифер отнюдь не похож на владыку и царя ада — скорее он сам находится здесь в заключении. Хотя ад, безусловно, подчинен раю, Данте ни разу не упоминает наместника или представителя метрополии; вообще, вопрос о верховной адской власти Данте не поднимает. Администрация же отдельных кругов состоит преимущественно из разнообразных гуманоидных и полугуманоидных существ, обитавших здесь еще с греко-римских времен, и из бесов, которые ранее были падшими ангелами и которым, разумеется, не могут быть поручены сколько-нибудь ответственные должности.

Скажем теперь несколько слов о гидрологической системе ада. Она образована прежде всего водами, истекающими из глаз «Критского старца», стоящего внутри горы Иды (на Крите; не путать с воспетой Гомером троянской Идой). Сама Ида не имеет к аду прямого отношения. Критский старец, собственно, тоже: Данте его не видел, сведения о нем переданы флорентийскому поэту Вергилием во время их совместного путешествия. Откуда почерпнул их Вергилий, не вполне понятно: они явно восходят ко сну, увиденному вавилонским царем Навуходоносором и истолкованному библейским пророком Даниилом.

Царю привиделся истукан, у которого голова была из золота, грудь и руки — из серебра, чрево и бедра — из меди, голени — из железа, а ноги — частью железные и частью глиняные. Золотая голова истукана, как уверял пророк, символизировала самого Навуходоносора, а остальные части тела — грядущие царства человечества. По поводу месторасположения истукана, равно как и по поводу реальности его существования, ни Навуходоносор, ни Даниил никакой информации не оставили. В те времена (начало шестого века до н.э.) христианского ада еще не было, а к греческому Аиду вавилонский царь никакого отношения иметь не мог. Почему Вергилий, а вслед за ним Данте решили, что вавилонский идол связан с адскими реками, не ясно. Тем не менее Данте со слов Вергилия уверенно размещает златоглавого старца в недрах горы Иды и объявляет его истоком Ахерона.

Интересно, что примерно в этих местах, в недрах Иды, находится знаменитая Идейская пещера, в которой воспитывался маленький Зевс. Здесь издавна существовало святилище в память о том времени, когда божественного младенца прятали от его не менее божественного отца, намеревавшегося сожрать свое дитя. Поток паломников на Иду не иссякал до полной победы христианства, равно как и сегодня не иссякает поток туристов.

Согласно Данте, старец проплакал по крайней мере со времен Навуходоносора до начала четырнадцатого века, а быть может, плачет и по сей день.

Стекая вниз, черные воды Ахерона превращаются в Стигийские болота, омывающие стены города Дит; они окайм-

ляют пропасть нижнего ада. Вытекающая из болота река кипящей крови называется Флегетон. Она пересекает лес самоубийц и пустыню, водопадом свергается вниз и в центре земли превращается в ледяное озеро Коцит. Сюда же впадают воды Леты, вытекающие из рая.

Из Коцита ни одна река не вытекает, водная система ада является «бессточным бассейном». Часто такое наблюдается в областях с высоким испарением, например в пустынях. Кстати, многие авторы, писавшие об аде или Аиде, отмечали поднимающиеся из его глубин испарения. Казалось бы, описание замерзшего Коцита вступает в противоречие с близостью раскаленного земного ядра. Однако не исключено, что именно энергия ядра питает «морозильник» Коцита, поддерживая в нем температуру ниже нуля; а избыток воды просачивается в близлежащие горячие слои и испаряется через трещины в породе.

По аналогии с подобными бессточными бассейнами можно предположить, что покрытые сверху слоем льда воды Коцита внизу являются солеными, причем соленость нарастает с глубиной.

Трещина в породе, по которой в Коцит стекают воды Леты, достаточно велика, и даже в самую ее глубину проникает свет звезд. По этой трещине из центра Земли можно подняться в Южное полушарие, к подножию горы чистилища.

Чистилище — самый «молодой» отдел христианского загробного мира, оно, вероятно, возникло не ранее IV—V веков нашей эры (подробнее о его истории — в главе «В доме Отца Моего обителей много»). Сначала оно входило в систему ада, но позже перешло под непосредственное управление рая, по крайней мере, все административные функции здесь исполняют не бесы, а святые или ангелы. Стражем чистилища является Катон Утический, живший во времена поздней римской республики (правнук знаменитого Катона Цензора). Катон, помимо активной политической деятельности, прославился тем, что на время уступил свою жену Марцию своему другу Гортензию. Он был жрецом Аполлона; в качестве добровольца участвовал в подавлении восстания Спартака. Потерпев поражение в гражданской войне против Гая Юлия Цезаря,

Катон покончил жизнь самоубийством. Несмотря на столь грешную биографию, Катон каким-то образом оказался на равных среди немногочисленных ангелов, обслуживающих чистилище. Кстати, здесь служителей значительно меньше, чем в аду: временные жители чистилища законопослушны в предвкушении скорого райского блаженства и не нуждаются в особом надзоре.

Чистилище — это гора, имеющая форму усеченного конуса. Внизу, вдоль океанского берега, она окаймлена илистыми излучинами, заросшими тростником. Сюда причаливает ладя перевозчика, и души начинают путь наверх. А те, кто умер под церковным отлучением, должны оставаться у подножия горы в течение срока, в тридцать раз превышающего срок их пребывания вне церкви. Конечно, речь идет лишь о душах, которые перед смертью раскаялись в своих грехах. Никаким мукам они здесь не подвергаются и мирно гуляют у океана.

Тропа, ведущая в гору, начинается очень круто, но чем дальше вверх, тем мягче подъем. Нижние ярусы горы отданы предчистилищу. На первых двух уступах пребывают в ожидании «нерадивые», до смертного часа медлившие с покаянием или же не успевшие покаяться, ибо умерли насильственной смертью. Далее простирается «Долина земных властителей»; здесь временно размещаются правители, которые были слишком поглощены государственными делами и потому не в должной мере заботились о душе. Впрочем, условия жизни в долине мало отличаются от райских: произрастают травы и цветы, сияющие изумительными красками и источающие сотни ароматов, а тени, славя Богоматерь, поют «*Salve, Regina*». Здесь начинается вход в самое чистилище, его сторожит ангел с обнаженным мечом в руках. Отсюда по извилистой тропе, идущей между скал, можно попасть в первый круг.

В первом круге чистилища пребывают гордецы, они обречены таскать на себе тяжелые камни и при этом бить самих себя. Но физические мучения гордецов смягчены эстетическими переживаниями: их путь украшен великолепными резными барельефами, изображающими поучительные сцены из мировой истории. Такими же резными плитами вымощена и дорога. А слух грешников услаждается столь же назидательными песнопениями.

Узкий и почти отвесный проход ведет во второй круг, где казнятся завистники. Этот круг не украшен резьбой, его окаймляют скалы сплошного серого цвета. Декор здесь и не нужен, ибо веки у грешников зашиты. Впрочем, они тоже не лишены эстетических впечатлений и могут слушать пролетающих мимо ангелов, которые специально для них цитируют поучительные места из духовной и светской литературы. Завистники одеты во власяницы и стоят тесной толпой, подпирая скалу.

Третий круг чистилища заполнен густым дымом, и царящая здесь темнота превосходит адскую. В этом месте казнятся гневные. Темнота и отсутствие зримого дирижера не мешает им очень слаженно петь хором.

Высокая лестница ведет отсюда в четвертый круг, к обиталищу тех, кто в земной жизни предавался унынию. Здесь унынию предаваться некогда: грешники обязаны непрерывно бежать, огибая склоны, выкрикивая при этом назидательные фразы и вслух вспоминая надлежащие эпизоды всемирной истории.

Выше расположен пятый круг — круг скупцов и расточителей. Грешники лежат, поверженные наземь, лицом вниз; они бездвижны, но могут беседовать. Впрочем, они предпочитают не общаться, а, как и обитатели предыдущего круга, вслух вспоминать приличествующие случаю сцены из мировой истории, обличая скупцов прошлого.

Следующий круг — круг чревоугодников. Сюда снова ведет узкий проход: такие проходы или каменные, вытесанные в скале лестницы соединяют между собой все круги чистилища; сами же уступы «кругов» достаточно широки. В шестом круге Данте наблюдает необыкновенное дерево, по форме напоминающее перевернутую ель. Судя по описанию, эта порода деревьев нигде, кроме чистилища, не встречается. Дерево усеяно плодами, источающими соблазнительный аромат, его листва орошается водой, падающей со скалы, а из глубины ветвей доносятся поучительные рассказы о пользе аскетического образа жизни. Чревоугодники обречены бродить вокруг этого дерева, терзаясь голодом и жаждой, но не имея возможности ни сорвать плод, ни напиться. Неподалеку растет другое дерево, тоже усыпанное плодами. Порода его была

без труда установлена поэтами: они узнали в нем дерево познания добра и зла. Оно произошло от дерева того же вида, растущего выше, в земном раю (о способе размножения райских растений мы скажем ниже).

Вокруг дерева познания тоже тщетно толпятся голодные чревоугодники. Наказание шестого круга очень напоминает то, которому в греческом Аиде был подвергнут Тантал. Такая аналогия лишней раз напоминает, что христиане унаследовали свой загробный мир от греков и что чистилище ранее было подразделением ада, а еще раньше — Аида.

Седьмой круг чистилища — последний, он предназначен для сладострастников. Горный склон здесь охвачен огнем, в котором горят души грешников. Впрочем, их мучения, видимо, терпимы, потому что, в отличие от грешников ада, они не вопят от мук, а поют гимны в честь добродетельных мужей и жен прошлого. Огонь, вырывающийся из недр горы, наводит на мысли о том, что гора эта вулканического происхождения (что никак не противоречит версии о падении Люцифера — ведь падший ангел лишь проделал в земле дыру, а гора образовалась вслед за этим в результате процессов, которые, несмотря на свою изначально сверхъестественную причину, могли носить геологический характер). Кстати, гора Рапа-Ити, которая имеет приблизительно те же координаты, что указаны Данте для чистилища, тоже вулканического происхождения, хотя сегодня активной тектонической деятельности там не наблюдается.

Для того чтобы достигнуть земного рая, необходимо преодолеть стену огня; это условие распространяется не только на грешников, но и на всех, поднимающихся вверх. И наконец, тропа выводит к райскому нагорью.

Теперь, когда мы вкратце описали все круги чистилища, остановимся на некоторых общих для них закономерностях.

В отличие от ада, в чистилище практически нет коренного населения. Данте отмечает лишь немногочисленных ангелов с блистающими крыльями. Они преимущественно стоят в местах перехода от одного круга к другому. Иногда сюда спускаются ангелы небесного рая; двух таких ангелов, имеющих зеленые крылья и облаченных в зеленые одежды, Данте наблюдал в Долине земных властителей.

Растительный мир чистилища не слишком богат, вероятно, потому, что оно расположено преимущественно на скалах. Пышная растительность преобладает в предчистилище. Из животного мира Данте упоминает живущую там же, в предчистилище, змею, похожую на райского змея, соблазнившего Еву. Но это здесь, по-видимому, редкость: еще до появления змеи ее уже караулили два специально направленных для этого ангела.

Одной из причин скудости природы чистилища является то, что здесь практически отсутствуют осадки и какие бы то ни было атмосферные явления. Они наблюдаются только на первых трех уступах, ниже уровня ворот. А собственно в чистилище нет ни дождя, ни инея, ни росы, ни града, ни снега. Над ним не появляются тучи, не бывает грозы и радуги. Из водных источников можно отметить вытекающую из рая Лету и, возможно, Эвною (ее русло Данте не прослеживает).

Гору чистилища периодически сотрясают землетрясения. Что касается нижних ярусов, Данте, опираясь на слова одного из своих собеседников, допускает там возможность колебаний, вызванных природными причинами. Сотрясения верхних ярусов не связаны с вулканической деятельностью и наблюдаются в тот момент, когда очередная душа, очистившись от грехов, начинает путь наверх, в рай. Пересечение границ рая дозволено далеко не всем, и здесь Вергилий вынужден покинуть своего спутника. Вскоре, в раю, к Данте присоединится Беатриче.

Земной рай расположен на плоском нагорье, венчающем гору чистилища. Он, судя по всему, не населен и используется лишь как плацдарм для перехода душ из чистилища в небесный рай. Многочисленная процессия (включая волшебных животных), которую встретил Данте, была, очевидно, послана за ним с неба, как и возглавлявшая ее Беатриче. Никаких сведений о коренном населении и животном мире земного рая «Комедия» не сообщает.

Но зато здесь снова наблюдается пышное разнообразие растительного мира: травы, пестрые цветы (Данте особо отмечает алые и желтые). Растущий в раю лес напомнил поэту взморье Кьясси, к югу от Равенны. Поскольку в тех местах

преобладают сосновые леса, есть основания думать, что леса рая — преимущественно хвойные. Но есть здесь и лиственные деревья (поэт упоминает листву, в которой поет множество птиц). Растения рая размножаются не семенами, но и не вегетативно. Они вверяют «долю сил своих» круговороту воздуха, и тот разносит это бесплотное подобие семян. Интересно, что таким образом райские цветы и травы могут прорасти не только в раю, но и в отдаленных землях.

Земля рая очень плодородна, здесь произрастают в том числе и такие растения, которые более нигде не встречаются или, по крайней мере, не плодоносят: Данте упоминает, что в раю «есть плоды, которых там (в мире живых. — *О. И.*) не рвут». В раю царит «вечный май», однако деревья плодоносят, «как поздним летом».

Из особо примечательных растений земного рая надо, конечно же, отметить дерево познания добра и зла. Сначала Данте увидел его стоящим не только без плодов и цветов, но даже без листвы. Но когда дерево привязали к дышлу колесницы, оно ожило и покрылось цветами, густота которых напоминала розу, а цвет — полевую фиалку. Впрочем, это преобразование носило не столько ботанический, сколько аллегорический характер. Как выяснилось, дерево символизировало империю, а колесница — Церковь. И поскольку вскоре здесь же появилась блудница (нераскаявшаяся), которой в раю явно было не место, и стала на глазах у святых дев целоваться с гигантом, можно предположить, что вся сцена относилась к области аллегорий и ее не стоит использовать ни как источник этнографических, ни как источник ботанических сведений.

Осадков в раю нет, как и в чистилище. Ветер восточный, постоянный; это обусловлено вращением первой небесной тверди с востока на запад, приводящим воздух в движение.

В раю начинается река, разделяющаяся на два русла: Лету и Эвною; ее вода отличается исключительной чистотой. Поскольку рай расположен в верхней части горы, а осадков здесь нет, то в результате естественных причин река возникнуть не может. Данте объясняет происхождение реки тем, что она «черплет от Господних изволений». Воды Леты истребляют память о совершенных грехах, а воды Эвной воскреша-

ют воспоминания о добрых делах. Лета, как уже было сказано, впадает в Коцит. Устья Эвной Данте не называет, но при описании подножия горы чистилища он упоминает заболоченную местность. Это дает основания думать, что воды Эвной стекают (или просачиваются) к подножию горы, образуют илистые лиманы и в конце концов уходят в Тихий океан. Заметные океанические течения мимо острова не проходят, и воды Эвной, судя по всему, растворяются в массе океанской воды. Какая-то их часть неизбежно попадает в проходящее южнее течение Западных Ветров и выносится к южной оконечности Латинской Америки (острова Огненная Земля) и в Атлантический океан. Если допустить, что воды Эвной в сильно разбавленном виде могут тем не менее оказывать влияние на людскую память, то сильнее всего этому влиянию должны быть подвержены жители южной части Чили. Впрочем, поскольку земное отделение рая давно ликвидировано, трудно с уверенностью утверждать, что воды, стекающие со склонов Рапа-Ити, по-прежнему имеют особенные свойства. Но в 1300 году глоток воды из Эвной был обязательным условием для достижения небесного рая.

Небесный рай, как мы писали выше, состоит из концентрических небесных сфер. Как и в аду, каждой душе вменяется пребывание в одной из этих сфер в соответствии с ее характером и земными заслугами. Собственно местом обитания душ являются планеты, в тверди которых (а не на поверхности) они и находятся. Переход душ из одной сферы в другую осуществляется путем полетов с огромной скоростью. Свой перелет с Луны на Меркурий Данте сравнивает с полетом стрелы, которая «спешит коснуться цели скорее, чем затихнет тетива». Расстояние от Луны до Меркурия на 13 апреля 1300 года было приблизительно равно 0,57 а.е. (астрономическая единица; равна среднему расстоянию между центрами Земли и Солнца — около 150 миллионов километров); общая же длина всего маршрута (по Солнечной системе; полет в созвездие Блиźнецов мы рассматриваем отдельно), с учетом возвращения с Сатурна на Землю, составила 28,41 а.е., то есть почти четыре световых часа. Очевидно, что поэт передвигался со скоростью, близкой к световой (иначе все небесное путешествие не

уложилось бы в один день). Согласно принципам теории относительности, время для быстро движущегося наблюдателя течет медленнее, поэтому Данте, передвигавшийся с субсветовой скоростью, действительно мог ощутить эти перелеты как почти мгновенные.

Первая к Земле небесная сфера — сфера Луны. Попадающие сюда души проникают в лунную твердь, и их как будто накрывает облаком — «прозрачным, гладким, крепким и густым». В этой тверди пребывают души дев, давших обет невинности, но потерявших ее против своей воли (куда направляются души сохранивших девственность, Данте умалчивает). Судя по всему, Луна является чем-то вроде женского монастыря и появление Данте внесло некоторое разнообразие в жизнь ее обитательниц. По крайней мере, не успев попасть сюда, он увидел «чреду теней, беседы жаждавших».

Второе небо — сфера планеты Меркурий. На Меркурии обитают души добродетельных земных властителей. Сама планета напоминает «глубины прозрачного пруда», а души — несчетные блики света. Вообще, надо заметить, что «телесность» душ, присущая аду и чистилищу, в небесном раю значительно снижается, уступая место почти бесплотному сиянию и блеску. Внешний облик их унифицируется, и праведники напоминают огоньки или светящиеся жемчужины.

Третье небо — сфера Венеры. В недрах этой планеты обитают «любвеобильные», но лишь те, кого любовь вдохновляла на высоконравственные поступки. Любвеобильные души движутся внутри Светящейся Венеры и при этом сами светятся, подобно другим небесным телам. Скорость их различна, и Данте высказывает предположение, что она зависит от степени их просветленности (хотя, вероятно, даже при полной просветленности она ограничена скоростью света).

Четвертое небо соответствует Солнцу. На Солнце, точнее — в Солнце живут души, прославленные своими богословскими изысканиями. Температура ядра звезды (Данте называет ее планетой), как сегодня известно, не менее тринадцати миллионов градусов Цельсия; правда, к поверхности она снижается «всего» до шести тысяч, но и это явно выше температуры кипящей в аду смолы. Однако такие экстремальные условия

не мешают богословам водить «священные хороводы» и петь хором.

Пятое небо — планета Марс, в недрах которой помещены воители за веру.

На шестом небе — Юпитере — живут ревнители правосудия. Они тоже представлены в виде живых огней. Иногда эти огни, собираясь в группы, составляют различные символические фигуры и при этом поют хором, что производит самое возвышенное впечатление.

Нельзя не отметить, что души, обитающие на всех перечисленных планетах, оказавшись в раю, в какой-то мере утратили смысл своего существования. Девам, давшим обет невинности, не от кого ее сохранять (не говоря о том, что она ими уже утрачена). Властителям, собранным в недрах одной планеты, не над кем властвовать. Богословам, которые теперь, на небе, удостоились созерцания Божественных истин, нечего больше искать. Воителям не с кем воевать, и способствовать распространению христианства в раю им тоже затруднительно, поскольку целевая аудитория здесь напрочь отсутствует. Блюстителям правосудия в раю тоже делать нечего, поскольку нарушения законности здесь невозможны. Лишь жители Венеры в какой-то мере могут сохранить смысл своего существования, заключающийся в любви, поскольку испытывать духовную любовь в раю можно и должно.

В самой выигрышной ситуации оказываются обитатели седьмого неба, населяющие Сатурн. Сюда попадают души людей, предпочитающих жизнь созерцательную, и они могут отдаться любимому занятию, наблюдая движение небесных сфер и различные проявления Божественной премудрости. Созерцательная жизнь, впрочем, не мешает им предаваться мстительным помыслам о каре, которой будут подвергнуты нечестивые служители Церкви. Эти помыслы они, собравшись в группы, сопровождают коллективными криками, в которых «предвозвещается мщение». Мстительные крики здесь заменяют хоровое пение, принятое в других регионах рая.

С Сатурна на восьмое небо ведет лестница — та самая, которую когда-то видел патриарх Иаков; тогда она соединяла землю и небо. Теперь нижняя ее часть разрушена, а по верх-

ней можно подняться в небо Неподвижных Звезд. Это небо включает в себя, естественно, все звезды Вселенной (ибо за его пределами находятся только быстро вращающееся девятое небо и Эмпирей, а дальше, как писал Данте в «Пире», «ничего нет»).

Ближайшей к Солнцу «неподвижной» (в отличие от планет и Солнца) звездой является Проксима Центавра, отстоящая от нас на 40 200 миллиардов километров, или четыре с небольшим световых года. Возможно, на ней тоже обитают блаженные души, но Данте направился не туда: он пишет, что лестница вознесла его в созвездие Близнецов, до ближайшей из звезд которого (Поллукса, или Беты Близнецов) около тридцати пяти световых лет...

Путь Данте и Беатриче, как мы знаем, исчислялся минутами. Впрочем, современная физика позволяет разрешить это противоречие с помощью так называемых «кратовых нор». Это тонкие пространственно-временные трубки, которые могут соединять две далекие друг от друга области пространства. Существование таких «нор» допускал еще Эйнштейн. Поэтому легко предположить, что «лестница Иакова» вела в «кратовую нору», соединяющую седьмое небо с одной из «неподвижных» звезд в Близнецах.

На восьмом небе обитают высшие праведники, в том числе апостолы. Но к сожалению, астрономическую, физико-географическую и природную картину этого круга Данте изображает очень невнятно. Он упоминает розы и лилии, но создается впечатление, что речь идет не о растительном мире этих мест, а о христианских символах. Праведные духи здесь, как и в предыдущих небесах, являют собой сгустки яркого пламени и тоже водят хороводы, сопровождая их песнопениями (Данте, в частности, упоминает гимн «Бога хвалим»). Кроме того, они увлекаются философскими беседами и учинили Данте строгий экзамен по богословию.

Данте в своих странствиях встречался и беседовал с сотнями душ, мы не сочли возможным упоминать их в настоящей книге. Но одного из обитателей этого неба мы все-таки должны отметить, ибо он приходится предком всем нам (по крайней мере, всем иудеям, христианам и мусульманам), — это Адам.

За небом Неподвижных Звезд находится девятое — кристальное небо. Оно с огромной скоростью вращается вокруг сияющей Точки, объятай девятью огненными кругами. «От этой Точки... зависят небеса и естество». Здесь Беатриче, знакомя Данте с основами местной космологии, смутно намекает на относительность движения: «Движение здесь не мерят мерой взятой». Затем она утверждает, что время, погружаясь в Точку корнями, «как в сосуд», в остальных местах «живет вершиной». Этим она наводит на мысль о том, что понятие времени в Точке отличается от времени в других областях пространства.

Можно было бы удивиться тому, что скромная флорентийка, удостоившаяся небес не за подвиги разума, а за подвиги духа, предвосхищая Эйнштейна, познала теорию относительности. Но далее Беатриче углубляется в такие тонкости космологии, астрофизики и схоластической философии, что авторы данной книги за ней следовать не смеют, ибо сие недоступно их скромным умам. Поэтому о сложном устройстве девятого неба мы расскажем, не вдаваясь в непонятные нам самим подробности. Отметим лишь самое простое: что девятое небо, или Перводвигатель, является «наибольшей областью телесной», то есть самым крупным из материальных объектов мира, что в первых двух огненных кругах, вращающихся вокруг Точки, обитают, «объемля Серафимов, Херувимы», что третий круг «сплели Престолы Божьего лица», а в предпоследних двух — «Начала и Архангелы летают; и Ангельская радость, наконец». При этом «отрада каждого кольца — в том, сколько зренье в истину вникает». Сюда, на вершину девятого неба, из лежащего выше Эмпирея падает луч и сообщает ему движение. Все это вместе каким-то образом движет мирозданье.

И наконец, Эмпирей! Он, в отличие от предыдущих небес, является уже невещественным. Это — «чистейший свет небесный». Но, как ни удивительно, именно здесь, впервые после Земли, перед глазами поэта возникает картина живой природы. Здесь бежит поток, вдоль берегов которого растут цветы, из потока вылетают искры и порхают, «как яхонты в оправе огневой». В целом, по мнению Данте, картина соответствует весеннему пейзажу.

Но все это — обман чувств. После того как вновь прибывший внимательно взглянет в реку, природный пейзаж сменяется урбанистическим: водная гладь становится сердцевинной гигантской розы и одновременно — ареной амфитеатра, вверх простираются бесконечные ступени, на которых сидят «цветы», обернувшиеся душами, и «искры», которые оказались ангелами. Все это «воинство небес» имеет «лица из огня живого», наряды их белее снега, а крылья — из золота. Кстати, на ступенях этого амфитеатра Данте вновь встречает Адама.

Здесь собрана элита христианского пантеона. Здесь же Данте удостоился увидеть Божественный Свет Неизреченный и ощутил высшую силу мироздания — «Любовь, что движет солнце и светила».

Экспедиции Эмануэля Сведенборга

До начала эпохи Реформации считалось, что христианский рай, как и ад, примет любое количество душ. Рай, помещенный в небесные сферы и описанный Иоанном в его Откровении, мог вместить, как мы уже писали, более ста миллиардов жителей. Это значительно превышало число не только ранее умерших праведников, но и всех праведников, которые могли родиться и умереть в дальнейшем, ибо конец света ожидался в достаточно близком будущем (хотя и не в таком близком, как это рисовалось первым христианами). Во всяком случае, о том, что человечество когда-нибудь перешагнет рубеж третьего тысячелетия, никто не мог и помыслить. Поначалу предполагалось, что все ограничится в лучшем случае одной тысячей лет от Рождества Христова. Осенью 999 года некоторые крестьяне в Европе не засеивали озимые, поскольку не рассчитывали, что мир доживет до нового урожая. В результате вспыхнувшего голода многие действительно не пережили роковой год... Потом конец света передвинули на год тысячелетия со дня распятия Христа. Назначались новые и новые даты, однако конец света не наступал, и человечество

медленно, но верно размножалось. А в начале шестнадцатого века грянула Реформация.

Трудно предположить, что вожди протестантизма напрямую задумывались о грядущем демографическом взрыве и о том, что в раю попросту может не хватить места для всех. Тем не менее одной из основополагающих идей Реформации стала теория предопределения. Если раньше любая ветвь христианства активно стремилась путем проповеди и крещения обеспечить спасение максимального числа, а в идеале — и всех людей и считала это хотя бы теоретически возможным, то вожди Реформации прямо объявили, что все, как ни старайся, в рай не попадут. Эта мысль звучит уже у основоположника протестантизма Мартина Лютера.

Лютер утверждал, что никакие богоугодные дела не помогут человеку попасть в Царствие Небесное — снискать оное можно только через веру в Христа. Однако и вера объявлялась необходимым, но не достаточным условием: предполагалось, что Господь сам выбирает тех, кто должен спастись, и тех, кто должен быть осужден на муки, независимо от их личных достоинств. Каждому человеку оставалось лишь верить в то, что он войдет в число избранных, а о справедливости или несправедливости Божественного выбора — не нам судить. В своей книге «О рабстве воли» Лютер писал: «...как может быть справедливо то, что Он увенчивает недостойных, — для нас непостижимо, однако мы увидим это, когда придем туда, где уже не верят, а видят лицом к лицу. И еще непостижимее, как может быть справедливо то, что Он осуждает тех, кто не заслужил этого, но поверят и в это, когда явится Сын Человеческий».

Впрочем, Лютер не ограничивался пассивной верой, но имел активную жизненную позицию и даже самолично запустил чернильницей в явившегося к нему черта. Чернильное пятно еще долго сохранялось на стене пристройки Вартбургского замка в Тюрингии, пока его по кусочкам не выскребли паломники, которые, может быть, и верили в предопределение, но надеялись, что священная реликвия все-таки поможет им достигнуть рая.

Если у Лютера идея предопределения выражена не вполне четко, то последователь Лютера, Жан Кальвин, довел эту идею до блестящей логической завершенности. Теперь уже

ни добрые дела, ни чернильные пятна, ни даже вера никакой роли в обретении рая не играли. Кальвин однозначно утверждал, что каждая душа еще до рождения определена Богом к спасению или к гибели и изменить это не во власти человеческой (а кстати, и не во власти Божьей, раз уж Он сделал свой выбор). А человек может лишь догадываться по косвенным признакам, куда ему предстоит попасть. Поскольку богоизбранные люди, безусловно, не только в загробной, но и в мирской жизни пользуются божественным покровительством, то успешный купец вправе надеяться на счастливую посмертную судьбу. А неудачник может считать себя обреченным на адские муки. Ничего несправедливого последователи Кальвина в этом не видели. Ведь человек, с их точки зрения, — существо абсолютно греховное и спасения не заслуживающее. Поэтому даже немногие избранные попадут в рай не благодаря своим делам, а единственно по божественной милости, хотя они ее и не достойны.

Поскольку ни праведные дела, ни грехи не играли особой роли при определении посмертной судьбы человека, то и чистилище у протестантов оказалось не востребованным. Картина мира упростилась, человек еще до рождения оказывался «приписан» к одному из двух загробных царств. Такой, или приблизительно такой, оказывалась посмертная судьба и лютеран, и кальвинистов, и англикан, и пуритан... И даже в рамках католицизма возникла популярная «янсенистская» ересь, настаивавшая на абсолютной греховности человека и на том, что его посмертная судьба предопределена заранее.

Кстати, янсенистом был и Блез Паскаль. Но религиозность не препятствовала ему в его увлечении азартными играми, а вера в предопределение не помешала изобрести так называемое «Пари Паскаля» (которое точнее было бы назвать «Рулеткой Паскаля»). Великий ученый утверждал, что поскольку наличие или отсутствие Бога равно недоказуемо, то умнее поступают те, кто все-таки «делает ставку» на Бога. Если Бог есть, то они после смерти «выигрывают» вечное блаженство (а безбожники получают вечные муки). Если же Бога нет, то и те, и другие оказываются в равном положении... Паскаль «поставил» на Бога, что, впрочем, не мешало ему долгие годы терзаться страхом смерти.

Короче, посмертные судьбы протестантов и янсенистов были неясны, а пути достижения райского блаженства неисповедимы (или же и вовсе закрыты для тех, кто не попал в число предназначенных к спасению). И все было достаточно печально, пока в 1745 году шведский лютеранский богослов и ученый Эмануэль Сведенборг не вошел в сообщение с духами и ангелами и не посетил потусторонний мир, с тем чтобы доподлинно поведать людям, как же все там устроено на самом деле, и успокоить их известием, что места в раю хватит для всех.

Сведенборг отнюдь не был легковверным человеком, который мог принять за действительность сон или галлюцинацию. И тем более его никак нельзя обвинить в том, что он пытался сделать карьеру на ясновидении. Ко времени своих первых опытов общения с духами он уже был серьезным ученым, членом многих европейских академий (в том числе членом-корреспондентом Российской академии наук). Его перу принадлежали многочисленные труды по минералогии, химии, физике, астрономии, гидростатике, кораблестроению, а позднее и по философии. Он прославился переводом с древнееврейского на латынь первых двух книг Моисеевых, Бытие и Исход, и комментариями к ним. Скромность ученого тоже была всем известна: когда в 1747 году Сведенборг оставил государственную службу, король Швеции предложил ему звание барона, но академик отклонил от себя эту почесть, попросив лишь о небольшом пенсионе.

Сам факт общения Эмануэля Сведенборга с духами подтверждается весьма почтенными источниками. Так, шведская королева Ульрика, пригласив ясновидца во дворец, обратилась к нему с просьбой принять от нее поручение к ее недавно умершему брату, принцу Вильгельму. Сведенборг охотно выполнил поручение августейшей особы и во время очередного визита в мир духов повстречался с принцем и все исполнил в точности. А для того, чтобы королева не усомнилась в его добросовестности, он выспросил у покойного и пересказал королеве подробности ее недавнего частного разговора с братом.

Сведенборг вообще был человеком любезным и, отправляясь в потусторонний мир, всегда охотно выполнял прось-

бы жителей мира земного. Так, после кончины графа Мартевиля, голландского посланника в Швеции, вдова покойного обратилась к Сведенборгу с небольшим поручением: она не знала, куда муж положил квитанцию об уплате значительной суммы денег, которую теперь кредиторы пытались вторично взыскать со вдовы. Сведенборг отправился в путь, повидал покойного графа и сообщил ему о затруднениях его супруги. Граф не стал вторично обременять ясновидца — он лично явился к жене в сновидении и сообщил, где искать квитанцию. В результате недобросовестные кредиторы были пострамлены, равно как и скептики.

Таким образом, Эмануэль Сведенборг заслуженно считался своим человеком в потустороннем мире, и его заметки, озаглавленные «О небесах, о мире духов и об аде», написанные исключительно на основе личных впечатлений, можно считать достоверным источником, к тому же принадлежащим перу серьезного ученого. И если «Божественная комедия» Данте иногда наводит на мысли о том, что это записки поэта, а не ученого, любовника, спешащего на свидание, а не трезвого наблюдателя, то Сведенборг — строгий аналитик. В отличие от Данте, в аду он не упивается зрелищем посмертных мук своих врагов и не описывает мелкие политические дразги (недаром пять веков спустя французский поэт и политик Ламартин с раздражением называл «Божественную комедию» «флорентийской газетой»), а в раю не отвлекается на воспевание глаз своей возлюбленной. Он дает объективную картину загробного мира, в которой нет места эмоциям. Правда, иногда этой картине, с точки зрения земного обывателя, не хватает ясности.

Так, стороны света в загробном царстве Сведенборга имеются такие же, как и на земле, но «у ангелов восток всегда впереди, как бы они ни обращались лицом и телом», и это при том, что «ангелы, подобно человеку, обращаются и наклоняются лицом во все стороны». Объясняется такая странность, впрочем, достаточно просто: это — «одно из небесных чудес». «К числу чудес принадлежит и то, что никогда не дозволено на небесах стоять позади другого, ни смотреть ему в затылок, потому что при этом нарушается нисходящее от Господа наитие блага и истины». В аду же, напротив, «стра-

ны света... противоположны странам света на небесах». И эта противоположность относится не только к аду как географическому понятию, но и к его жителям по отдельности. Поэтому «когда какой-нибудь злой дух приходит к добрым, то страны света так перемешиваются, что добрые духи едва знают, где их восток».

Представить это трудно, но, пожалуй, не труднее, чем положения теории относительности или принципы квантовой механики. И если мы сегодня не сомневаемся в том, что время течет по-разному для разных наблюдателей, а электрон «размазан» вокруг ядра, находясь во всех точках одновременно с разной степенью вероятности, то мы не будем обвинять Сведенборга в том, что его картина мира не вполне поддается логическому осмыслению.

Кстати, предвосхищая Эйнштейна, Сведенборг в своих странствиях по загробному миру пришел к идее относительности времени и даже пространства. Он пишет: «Хотя на небесах все идет и движется точно так же последовательно, как и на земле, тем не менее у ангелов нет ни понятия, ни мысли о времени и пространстве...» Поскольку ангелы, в бытность свою людьми, представление о них имели, то нынешнее отсутствие у них этих понятий связано не с тем, что они не могут осмыслить время и пространство, а с тем, «что на небесах нет годов и дней, а вместо них изменения состояний». Например, «ангелы постигают вечность как бесконечное состояние, а не как бесконечное время». Что же касается пространства, то на небесах «длина означает состояние блага, ширина — состояние истины, а высота — разность этих состояний по степеням». Но все это отнюдь не смущает жителей загробного мира, которые, несмотря на отсутствие времени и сложности с пространством, ведут точно такой же образ жизни, как и на земле: обитают в домах, гуляют в садах и даже посещают рынки.

Сведенборг не был бы лютеранином, если бы не признавал, что «человек рождается во зле всякого рода». Тем не менее он категорически утверждает, что «Господь хочет спасения всех и каждого, а не гибели... Никто не рожден для ада, а... всякий рожден для небес, и... если человек идет в ад, то это по собственной его вине». Однако «спасение человека по

непосредственному милосердию было бы противно Божественному порядку». Короче, по Сведенборгу, спасение умирающих — дело рук самих умирающих. Но равные возможности для спасения есть у каждого, а места на небесах хватит для всех. А тем, кто на небеса все-таки не попал, Сведенборг предлагает ад, который, с точки зрения грешников, даже предпочтительнее. Ведь погибшая душа не способна оценить небесные радости, а мерзость ада ей любезна. «Я сам слышал, — пишет Сведенборг, — как один дух гласно вопил от внутренних мук, когда коснулась его струя небесного дыхания, а между тем спокойно и с отрадой дышал испарениями преисподней».

Кто «Божеские истины искажал», тот в загробном мире «любит места, упитанные животной мочой». Скрыги здесь живут в погребках или подвалах, «среди свиного помета и зловоний от дурного пищеварения». Кто в земной жизни искал и находил утеху в разврате, «живет и там в таких же домах, где все грязно, гадко и омерзительно. Такие жилища по ним, а от семей или домов нравственных они бегают...». Духи же добродетельные попадают во дворцы, где «каждая вещь блестит и сияет, как ценные камни». Вся домашняя утварь у них «как бы алмазная», а ряды деревьев «образуют крытые ходы и гульбища».

Таким образом, в загробном мире Сведенборга царит полная гармония и каждый радуется, как умеет. Мир этот делится на три главных царства: мир духов, небеса и ад.

После смерти каждый человек прежде всего попадает в мир духов, Сведенборг называет его «сборным местом для всех». Он представляет собой большую волнистую долину между гор и утесов. Узкий и тесный путь отсюда ведет на небеса, он тщательно охраняется. Путь в ад значительно шире: это скважины, обширные провалы и трещины в скалах, они тоже оберегаются стражей, «чтобы никто без особого дозволения не выходил оттуда, а разрешение это дается только по настоятельной нужде». Впрочем, стража — лишь дань ритуалу, потому что грешники вовсе не желают бежать из ада, они наслаждаются вонючими испарениями, поднимающимися из провалов, а небесный воздух им противен и даже опасен.

«Дух, находящийся в аду, — пишет Сведенборг, — не смеет выступить оттуда на один палец или хоть чуть-чуть выказать голову, ибо как только он это сделает, то мучится и страдает; и я видел это весьма часто». Если же какой-то чрезмерно настойчивый грешник все-таки докажет свою «настоятельную нужду», получит «особое дозволение» и проберется на небеса, то разум его помрачится, он задыхается там, подобно рыбе, вынутой из воды, и торопится обратно в ад к вящему испугу и назиданию сотоварищей. Таким образом, порядок в загробном мире поддерживается автоматически.

В мире духов человек первое время сохраняет свой земной вид, поэтому он очень часто не понимает, что умер, «если только не обратит должного внимания на все встречаемое и на внушения ангелов, сказавших ему, при восстании его, что он теперь дух». Здесь умершие могут общаться с ранее почившими друзьями и родственниками. «Друзья наставляют их о быте вечной жизни и водят их по разным местам и в различные общества». Супруги продолжают свое сожительство. Здесь возможны разводы, которые, по уверению Сведенборга, часто сопровождаются драками. Драки, судя по всему, носят характер вполне физический (иначе они назывались бы ссорами). Что же касается брачного сожительства, то оно в потустороннем мире бывает лишь духовным, однако «с блаженством и наслаждением, превосходящими всякую меру».

Тем временем ангелы «делают дознание над новичками». Впрочем, и без всякого дознания внешность людей, пребывающих в мире духов, начинает меняться сообразно их внутреннему состоянию. Грешники утрачивают контроль над собой и открыто признаются в старых грехах, а заодно, прямо здесь, в присутствии ангелов, бесстыдно совершают новые и даже «замышляют, как бы взять им небеса приступом». Злые духи чувствуют себя в безнаказанности, поскольку здесь нет «страха законов и опасения утраты доброй славы». Однако до штурма небес дело не доходит. «Злой дух сам бросается в преисподнюю, к ровням и товарищам своим. Самое действие это представляется зрителю, будто кто-то падает вниз головой и вверх ногами».

Сведенборг, в отличие от Данте, во время своих странствий не часто встречался с выдающимися людьми. Тем не менее

в мире духов он лично общался с Марком Туллием Цицероном и познакомил его с изречениями христианских пророков и с начатками христианства. Пророки произвели на язычника сильное впечатление, о чем тот и объявил с прямотой римлянина. Что же касается самого учения, выяснилось, что Марк Туллий, находясь в мире духов, уже успел заинтересоваться религией, возникшей после его смерти, и весьма ею проникся.

Интересно отметить, что всего лишь три с половиной века назад Данте встречал Цицерона в аду, точнее, в Лимбе. Тогда никаких перспектив на переселение в рай у знаменитого оратора не было. Теперь же Сведенборг увидел Марка Туллия, активно постигающего христианскую науку и, судя по всему, надеющегося на изменение своего статуса.

По утверждению Сведенборга, духи добродетельных язычников после смерти имеют все возможности для спасения. Один из таких случаев ученый наблюдал лично. Однажды, находясь в мире духов, Сведенборг вслух читал своим новым друзьям главы из Книги Судей о том, как из дома некоего Михи были изъяты «истукан и литый кумир», коим Миха незаконно поклонялся. При этом чтении присутствовал один дух из современных Сведенборгу язычников, который во время своей земной жизни и сам поклонялся идолам. Дух этот проникся крайним сочувствием к несчастному Михе и исполнился печали. Но бывшие при этом духи из христиан объяснили наивному язычнику всю ошибочность его взглядов, и тот немедленно просветлился. Сведенборг пишет, что впоследствии этот дух, в котором сочетались милосердие и невинность, «был принят в число ангелов».

Поскольку в предисловии к своей книге Сведенборг сообщает, что его потусторонние путешествия совершались в течение тринадцати лет (к моменту написания), очевидно, что рост от некрещеного язычника до ангела не только принципиально возможен, но и совершается порою в очень короткий срок, исчисляемый несколькими годами. Ученый отмечает, что путь язычников из мира духов на небеса часто совершается даже быстрее, чем путь христиан, ибо в их неведении есть невинность, а христиане, которые имели возможность постигнуть истину еще в земной жизни, но не сделали этого, с большим трудом поддаются перевоспитанию.

Сведенборг подчеркивает, что «из всех язычников более всего любят на небесах африканцев». Случилось ему познакомиться в мире духов и с группой китайцев. Китайцы пели хором, несли изображение «козла, покрытого шерстью» и, судя по всему, были закоренелыми язычниками; когда же ученый пытался говорить с ними о Христе, он «заметил в них какое-то отвращение». Но даже и для них не закрыт, по утверждению Сведенборга, путь к спасению.

После того как дух определился со своим намерением идти на небеса, он некоторое время пребывает в «местах наставления» (для ада наставление не требуется). После чего «ангела-новичка» (так называет его Сведенборг) облачают в белые ангельские одежды и выводят на дороги, ведущие в небо, которое подразделяется на «Небесное царство» и «Духовное царство» (не путать с миром духов). Дорог этих восемь; те из них, что ведут в «Небесное царство», обсажены масличными и другими плодовыми деревьями, а ведущие к «Духовному царству» усажены виноградом и лавром.

Небеса, как только что было сказано, разделяются на два основных региона. Параллельно с этим существует и троичное деление небес на самые внутренние, средние (духовные) и первые (природные). Каждые небеса, в свою очередь, делятся на внутренние и внешние, а те разделяются на множество ангельских сообществ. «Большие состоят из мириад ангелов, малые — из нескольких сотен тысяч, а меньшие — из нескольких сотен. Есть также ангелы, живущие уединенно, немногими семьями или домами». Между сообществами существуют четкие иерархические связи, и общение ангелов, принадлежащих к разным сообществам, запрещено: «Более всего наблюдается, чтобы никто из ангелов высших небес не смотрел вниз, на общество низших небес и не говорил ни с кем из жителей этих небес». Ангел, поднявшийся в высшее сообщество, чувствует «беспокойство, доходящее до мучения». А тот, кто спускается в низшее сообщество, «лишается своей мудрости, говорит несвязно и приходит в отчаяние». Те же ангелы, которые пребывают между своими, «находятся в полном удовольствии жизни».

Происхождение ангелов исключительно земное, все они — это умершие некогда люди. Сведенборг категорически отри-

цает, что кто-либо из ангелов возник в своем нынешнем состоянии при сотворении мира.

Все небеса представляют собою подобие человеческого тела, и сообщества ангелов играют роль различных органов, что не мешает каждому сообществу тоже являть собой подобие тела. Эти тела также составлены из органов, которые, в свою очередь, состоят из меньших сообществ, и эта структура сохраняется, пока не дойдет до отдельно взятого духа, который имеет облик, полностью схожий с человеческим.

Каждое сообщество совершенствуется при поступлении в него новых членов, а небеса «совершенствуются с приращением числа своих жителей», и из этого видно, «сколь ошибаются те, кои полагают, что небеса от полноты своей замкнутся».

Космография небес своеобразна: «Солнце на небесах есть Господь, свет небесный есть Божественная истина, а тепло небесное — Божественное благо, исходящее от Господа, как от солнца». При этом «Господь является солнцем не в небесах, но высоко над небесами, и не над головой, но перед лицом ангелов, на средней высоте». Высшие небеса находятся ближе всего к Господу-солнцу, они расположены «в высоких местностях, которые кажутся горами». Ангелы следующего ранга обитают на холмах, и, наконец, ангелы низших небес живут «в местностях, которые кажутся как бы каменными скалами». Забегая вперед, скажем, что жители ада обитают на самом дальнем от Господа-солнца расстоянии.

Ангелы, живущие в высших сообществах, пользуются большими благами, чем ангелы низшие. В частности, их жилища значительно богаче. Но даже и самые простые ангелы живут очень комфортно. Сведенборг бывал у них в гостях, заходил в дома и пишет, что «это совершенно такие же дома, как и у нас на земле, но гораздо красивее; в них много различных комнат, отдельных покоев и почивален». Дома эти «не строятся, как дома на земле, но даются... в дар от Господа». Большие ангельские сообщества образуют целые города «с площадями, улицами и рынками». Вокруг простираются сады и поля, на некоторых деревьях можно видеть листья «как бы из серебра, а плоды как бы из золота».

К какому бы высшему обществу ни принадлежал ангел, он, как и все на небесах, должен исполнять определенные служ-

бы и нести гражданские обязанности, «ибо царство Господне есть царство служб». Одни заведуют делами церкви, другие обучают и воспитывают духов-детей, третьи просвещают язычников, четвертые присматривают за духами ада, дабы «удерживать их от крайней жестокости» и следить, «чтобы они не мучили друг друга вне должных пределов». Ангелы любых обществ часто посылаются к людям — внушать им добрые чувства и оберегать от злых намерений.

Существует и система самоуправления, ибо «порядок должен быть соблюден». На руководящие должности назначаются самые достойные ангелы, они «живут на более возвышенном месте, чем другие, и в прекрасных дворцах». Принимают же они эти блага «не для себя, а ради послушания».

В рамках своего сообщества ангелам дозволяется беспрепятственно общаться, что они и делают, беседуя «о делах домашних и гражданских». Язык у всех ангелов один, и они понимают друг друга независимо от национальности. А разговаривая с человеком, ангелы обращаются к нему на известных ему языках. Впрочем, как подчеркивает Сведенборг, людям «ныне редко дозволяется говорить с духами, потому что это опасно».

Есть у ангелов и письменность, причем она у каждого крупного сообщества своя. Сведенборг пишет: «Однажды я получил с небес бумажку, на которой было написано только несколько слов еврейскими буквами; при этом мне было сказано, что каждая буква полна тайн премудрости и что тайны эти заключаются в изгибах и наклонениях букв и также в звуках их».

Вопреки известному утверждению Джонатана Свифта: «Что делают в раю, мы не знаем; зато мы точно знаем, чего там не делают: там не женятся и не выходят замуж» — на небесах, по утверждению Сведенборга, заключаются браки, при этом муж и жена образуют один дух. Ангел, с которым Сведенборгу довелось беседовать на эту тему, немало удивлялся мысли, что люди и духи совершают прелюбодеяния, «коих удовольствие... есть удовольствие адское» и не идет ни в какое сравнение с блаженством и наслаждениями от законного супружества. Браки на небесах разрешены только в рамках одного ангельского сообщества. При заключении брака

«совершается праздник, который празднуется среди многочисленного собрания». Дети от таких браков не рождаются, «а вместо рождения детей есть порождение истины и блага».

Тем не менее детей на небесах множество. Сведенборг категорически утверждает то, что лишь с сомнением, оговорками и далеко не сразу было допущено крупнейшими ветвями христианства: «Да будет же ведомо, что каждый ребенок, где бы он ни родился, внутри или вне церкви, от родителей благочестивых или нечестивых, по смерти своей принимается Господом и воспитывается на небесах... По мере совершенствования своего в разуме и мудрости он вводится в небеса и становится ангелом».

Дети, попадающие на небеса, немедленно передаются ангелам женского пола, которые любили детей при жизни. Они принимают их как своих и воспитывают в соответствии с их наклонностями.

«Мне было дано видеть детей, — пишет Сведенборг, — одетых с величайшим изяществом; вокруг груди их были венки из цветов, блескующих самыми приятными небесными красками; таким же образом были украшены и их нежные руки. В другой раз мне дано было видеть детей с их наставницами и с девицами в райском саду, украшенном не столько деревьями, как лавровыми беседками, образующими портики и аллеи, ведущие внутрь сада; дети были одеты, как было сказано выше, и когда они входили, цветы, осенявшие вход, исполнялись восхитительного блеска».

Сведенборг расспрашивал ангелов, чисты ли дети от зла. Он получил ответ, вполне соответствующий лютеранской традиции: дети «одинаково подвержены злу, и даже сами суть не что иное, как зло». Но они удерживаются Господом от зла и воспитываются таким образом, что зло искореняется, после чего их принимают в сонм ангелов.

Что касается возможности для взрослых попасть на небеса и тем более оказаться в каком-либо высшем сообществе ангелов, Сведенборг имеет на этот счет точку зрения, несколько отличную от общепринятой. Богатство, по его мнению, не препятствует попаданию на небеса, и он встречал там немало людей, которые «в мире были преданы делу торговли и промысла и от него разбогатели». Гораздо реже можно встретить

в раю тех, кто достиг почестей и богатств в служебных должностях, потому что «вследствие предоставленных им выгод и почестей» они «отвратили от небес мысли свои и чувства». Не слишком завидной бывает и судьба отшельников, отказавшихся от мирских радостей. «Когда они возносятся до местопребывания ангелов, они наводят на них тоску...» После чего, дабы они впредь могли наводить тоску только на самих себя, их отправляют в пустынные места, и они ведут там уединенную жизнь, пребывая «в грустном состоянии духа».

Структура ада, по Сведенборгу, близка к структуре небес. Он также является трехчастным (низший, средний и высший) и делится на многочисленные сообщества, симметричные ангельским. При этом как небеса в совокупности изображают одного человека, так и адское сообщество «изображает одного дьявола». Но самоуправление здесь отсутствует, адом руководит «общее влияние Божественного блага и Божественной истины». На практике это значит, что он управляется ангелами, «коим поручено смотреть за адом и умирять его кичение и буйство». Жители ада умирятся страхом наказаний и самими наказаниями. Самые злые духи, превосходящие других коварством и хитростью, содержат в повиновении других, но они не смеют преступать назначенных им свыше границ. Сведенборг развенчивает легенду о Люцифере, утверждая, что ее надо понимать в иносказательном смысле. Все обитающие в аду духи, как главные, так и подчиненные, были когда-то людьми и попали в ад исключительно за свои грехи.

Исследователь описывает жителей ада:

«...Их лица ужасны и, подобно трупам, лишены жизни: у некоторых они черны, у других огненны, подобно факелам; у других безобразны от прыщей, нарывов и язв; у весьма многих лица не видать, а вместо него что-то волосатое и костлявое, у других торчат только одни зубы. Тела их точно так же уродливы, и речь их звучит как бы гневом, ненавистью или мщением...»

Однако сами адские жители не видят собственного безобразия, благодаря Божественному милосердию, позаботившемуся, «чтобы они между собой не казались столь противными, как перед ангелами».

Жители ада, как уже говорилось, поселяются там по собственной воле. Направляясь в преисподнюю, они еще не знают о тех мучениях, которые их ожидают. Сначала их принимают там как друзей, но потом увлекают в глубь ада («чем далее внутрь и вглубь, тем духи злее») и подвергают различным пыткам, «покуда несчастный не станет рабом». Впрочем, обращенные в рабство поднимают восстания и, победив, обрушиваются на своих бывших мучителей, получая полное удовлетворение. Поэтому, даже познав на себе все особенности местной жизни, обитатели ада все-таки предпочитают не покидать его: только здесь они находят применение своим природным склонностям.

Топография ада (точнее, адов, ибо их много), как мы это увидим в дальнейшем, достаточно разнообразна, несмотря на то что в основном он расположен в подземных ходах и пещерах, напоминающих норы и берлоги диких зверей или выработки рудокопов. Верхние ярусы кажутся темными, а в нижних полыхает адский огонь. Впрочем, огонь этот самих жителей никак не уязвляет, он есть «одна только видимость», и грешники «не чувствуют там никакого жжения, а только жар». Но иногда огонь под влиянием небесного тепла переходит в сильный холод, и тогда жители ада «дрожат как бы в ознобе и вместе с тем внутренне мучатся». Впрочем, такое наказание посылается им нечасто, а лишь в том случае, если они выходят из повиновения и требуют немедленного усмирения.

В аду имеется несколько природных зон, здесь встречаются леса, песчаные пустыни и скалистые местности, изрезанные пещерами. Население живет преимущественно в городах, но дома у них «отвратительные на вид, полные всякого рода нечистот и извержений». Здесь очень высок уровень преступности. Некоторые города превращены в развалины, но и в них обитают духи. Часть населения, изгнанная из городов, живет уединенно, в отдельно стоящих хижинах или пещерах, или скитается в лесах.

Стороны света в загробном мире, в том числе и в аду, как мы уже писали, определяются субъективно. Тем не менее «ады на западной стороне самые жестокие и ужасные, и тем более жестоки и ужасны, чем они более удалены от востока».

Кроме того, жестокость адов убывает от севера к югу. На дальнем западе, за жилой адской территорией, простираются темные леса. Есть леса и на дальнем севере. А за адами юга простираются пустыни. В восточной стороне в настоящее время адов нет, они перенесены на ближний запад.

Ады бесчисленны, они находятся «под каждой горой, под каждым холмом, под каждой скалой и также под каждой равниной и долиной духовного мира». Все небеса и весь мир духов буквально «изрыты», и под ними простирается сплошной ад. Несмотря на огромную территорию, отведенную для ада, места в нем не хватает, и большинство адов имеет по три яруса, которые сообщаются друг с другом через проходы и «посредством испарений».

Жители ада часто подвергаются насильственному перемещению: их переселяют из одного ада в другой с целью соединить какие-то сообщества или же отбросить излишек духов в пустыню. Здесь происходят восстания, которые, впрочем, всегда усмиряются.

«Между небесами и адом существует постоянное равновесие, — пишет Сведенборг, — из ада постоянно дышит и возникает усилие делать зло, а с небес постоянно дышит и нисходит усилие делать добро: среди этого равновесия находится мир духов, который занимает середину между небесами и адом».

Судя по всему, за то время, которое прошло между путешествием Данте и путешествиями Сведенборга, в загробном мире христиан произошли значительные изменения. Прежде всего они коснулись той его части, которую ученый называет миром духов и о которой в «Божественной комедии» нет ни слова. Принципиально иной стала загробная судьба язычников. Ликвидированы муки чистилища... О причине этих перемен судить трудно. Не исключено, что Сведенборг в своих частых, но бессистемных визитах в потусторонний мир, к тому же не имея постоянного проводника, не «прочесал» его столь тщательно, как Данте, и некоторые территории, равно как и некоторые подробности быта, остались вне его поля зрения. Нельзя исключить и того, что Сведенборг попал в отделение загробного мира, специально предназначенное для протестантов. Но в таком случае представляется удиви-

тельным, что именно здесь он встретил такое количество некрещеных людей (например, Цицерона), не имевших к протестантизму ни малейшего отношения.

Авторы настоящей книги рискуют высказать, в порядке гипотезы, свою точку зрения на происшедшее. Возможно, загробный мир, являясь в какой-то мере отражением мира земного, тоже был затронут процессами глобализации. Лимб, предназначенный для праведных язычников, попросту объединился с чистилищем, получив новое название «мир духов», и теперь язычники, как и христиане, получили равные возможности спасения. Кроме того, жизнь в мире духов весьма напоминает православные «небесные мытарства». И это сходство наводит на утешительные мысли о том, что пока земные церкви делят между собой человеческие души, царства небесные (католическое, православное и протестантское, а возможно, и царства других, нехристианских конфессий) успели объединиться. Радует и то, что, в отличие как от чистилища, так и от мытарств, никаких особых мук души в «объединенном» мире духов не испытывают, подвергаясь не столько наказанию, сколько перевоспитанию и увещанию со стороны ангелов. Ведь ангелы, по словам Сведенборга, «жаждут служить всем, поучать и возносить каждого к небесам; это их первая услада».

Информация о загробном мире, имеющаяся на сегодняшний день в распоряжении исследователей, крайне противоречива, и сведения разных источников плохо согласуются друг с другом. Даже в рамках каждого из царств общая картина не всегда бывает достаточно четкой, а история и география загробного мира в целом и вовсе трудно представимы. Все это порой приводит исследователей к сомнениям в реальности изучаемых ими государств. Некоторые малодушные и не имеющие твердой жизненной позиции ученые начинают склоняться к малоутешительным мыслям о том, что мир живых — это единственный из обитаемых миров нашей Вселенной и что загробный мир существует лишь в их воображении, а то и вовсе не существует. А как сказал в свое время по поводу страны джиннов, «Джиннистана», Эрнст Теодор Амадей Гофман, «ни для человека, ни для целой страны не может приключиться ничего худшего, как не существовать вовсе».

Не избежали подобных сомнений и авторы данной книги. После чего они впали в некоторую депрессию и, дабы отвлечься от печальных мыслей об иллюзорности потустороннего мира, приступили к изучению мира поюстороннего. Обратившись к письменным источникам, авторы обнаружили, что мир этот, с одной стороны, был создан из тела убитого великана Имира, с другой — вылупился из яйца, а с третьей — возник в результате Большого Взрыва. Весьма уважаемые ученые пишут, что он ограничен обтекающей его рекой Оксан и медным небом, другие, не менее уважаемые, считают, что он замкнут в четвертом измерении, а небо, как это ни стран-

но, не только не медное, но и вовсе не твердое. Однако все эти вопиющие противоречия не мешают авторам данной книги, как, впрочем, и большинству других граждан этого мира (за исключением особо закоренелых солипсистов), верить в его полную и абсолютную реальность. Будь этот мир материальным или идеальным, он есть, и мы в нем живем, что бы там ни писали про него ученые — древние и современные. И звезды над нашими головами сияют абсолютно и несомненно, совершенно независимо от того, является ли небо медным или каменным и опирается ли оно на отрубленные черепаши ноги или, как это утверждали вавилоняне, ни на что не опирается и привязано к земле за колышки.

Осмыслив свое отношение к миру живых, авторы укрепились духом и прониклись верой в отношении мира мертвых. Противоречия источников перестали казаться им непреодолимым препятствием для существования любого из миров. Что же касается скептиков, то авторы надеются обсудить с ними все спорные вопросы позднее, когда смогут опираться не только на источники, но и на личный опыт.

До встречи!

Библиография

Общие источники

- Атлас созвездий. М. — Минск, 2005.
Библия. Синодальный перевод.
Большая советская энциклопедия. 3-е издание.
Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. DVD-издание.
Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988.
Мифологии древнего мира. М., 1977.
Мифы народов мира. В 2 томах. Энциклопедия. М., 1997.
Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1999.
Сычев Н. Книга династий. М., 2006.
Элиаде М. История веры и религиозных идей. Тома 2, 3. М., 2002.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. DVD-издание.

Общий демографический и исторический обзор

- Аугуста Й. Жизнь древнего человека. Пер.: И. Грязнова. Прага, 1960.
Бадер О. Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // Советская археология, 1967, № 3.
Бозински Г. Средний палеолит: 250 000 лет нашей истории // Археологические вести. Вып. 10. СПб., 2003.
Бродянский Д. Л. История первобытного общества. Учебное пособие. Владивосток. 2003.
Вишневский А. Г. Демографическая революция // Интернет-публикация, http://demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund09.html.
Всемирная история. Учебник для вузов // Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М., 1997.
История Европы. Том 1. Древняя Европа. М., 1988.

Каталог окаменелостей homo. Интернет-публикация,
http://www.goldentime.ru/hrs_catalog_homo_0.htm.
Платонов Ю. Народы мира в зеркале геополитики. СПб., 2000.
Материалы сайта <http://антропогенез.ru>.

Дуат (Древний Египет)

- Авдиев В. И. Военная история Древнего Египта. Том 1. Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI—XV вв. до э. М., 1948.
- Бадж Э. А. У. Египетская книга мертвых. СПб., 2008.
- Большаков А. О. Развитие представлений о «загробных мирах» в Древнем Египте // Мероэ. Вып. 5. М., 1999.
- Большаков А. О. Представление о Двойнике в Египте Старого царства // Вестник древней истории, 1987, № 2.
- Дженкинс Н. Ладья под пирамидой. М., 1986.
- Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. СПб., 2005.
- Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000.
- Лаврентьева Н. В. «Книги иного мира»: образ Дуата в искусстве Древнего Египта Среднего и Нового царств. Автореферат дисс. канд. искусствоведения. М., 1998.
- Прусаков Д. Б. Люди и скот в дельте Нила накануне цивилизации: палеоэкология, геоархеология и ценз булавы «Нармера» // Петербургские египтологические чтения 2005. Доклады. СПб., 2006.
- Рак И. В. Египетская мифология. СПб., 2000.
- Тексты пирамид. СПб., 2000.
- Чегодаев М. А. Древнеегипетская «Книга мертвых» // Вопросы истории, 1994, № 8—9.
- Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М., 2004.
- Шеркова Т. А. «Око Хора»: символика глаза в додинастическом Египте // Вестник древней истории, 1996, № 4
- Шолпо Н. А. К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых «ушебти» // Вестник древней истории, 1940, № 2.
- Эмери У. Б. Архаический Египет. СПб., 2001.

Курнуги — «Страна без возврата»

Астапова О. Р. Священный брак в заупокойных чаяниях древних обитателей Междуречья // Вопросы истории, 2008, № 12.

Белицкий М. Шумеры. Забытый мир. М., 2000.

История Древнего Востока. М., 1988.

Цэрэн Э. Библейские холмы. Пер.: Н. В. Шафранская. М., 1966.

Эпос о Гильгамеше. Пер.: И. М. Дьяконов. СПб., 2006.

Так говорил Заратуштра

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Пер.: И. М. Стеблин-Каменский. М., 1988.

Васильев Л. С. История религий Востока. М., 2006.

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М., 1982.

Жарникова С. Где же вы, горы Меру? // Вокруг света, 1989, № 3.

Книга о праведном Виразе (Арда Вираз Намаг). Пер.: А. И. Колесников // НЛО — Связные Вселенной? Альманах-дайджест сообщений средств массовой информации, отдельных изданий. Выпуск 5. Луганск, 1994.

Соколов С. Н. Зороастризм // История таджикского народа. Том 1. С древнейших времен до V в. н.э. М., 1963.

Питрилока — мир предков

Махабхарата. Книга I. Адипарва. Пер.: В. И. Кальянов. СПб., 2006.

Махабхарата. Книга XVIII. О восхождении на небеса. Пер.:

О. Н. Крыловой // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997.

Мифы Древней Индии. Литературное изложение: В. Г. Эрман, Э. Н. Темкин. М., 1975.

Наванидхирама. Гаруда-пурана-сародхара. Л. — Рига, 1991.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды. Пер.:

А. А. Вигасин. М., 1990.

The Garuda Purana. Translated by Ernest Wood and S. V. Subrahmanyam [1911]. Интернет-публикация, <http://www.aryabharati.org/garudpuran/garudpuran.asp>.

Буддисты в колесе сансары

Баркова А. Л. Буддизм: Путь к Просветлению. Интернет-публикация на сайте автора, <http://mith.ru/alb/buddhism/>.

Буддизм. Словарь. М., 1992.

- Джатака о куропатке. Пер.: Б. Захарьин // Будда. Истории о перерождениях. М., 1991.
- Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. Пер.: А. Боченков. М., 2006.
- Тибетская «Книга мертвых» или «Книга великого освобождения» // Наука и религия, 1990, № 10–12; 1991, № 1.
- Торчинов Е. А. Введение в буддизм. СПб., 2000.
- Уотс А. Путь Дзэн. Пер.: Ю. Михайлин. Киев, 1993.
- Чжуан-Цзы. СПб., 2005.

Под властью Нефритового Императора

- Алимов И. А. «Жизнь после смерти» в сюжетной прозе старого Китая // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993.
- Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.
- Волчкова Е. В. Представление о душе в верованиях народов Южного Китая // Ломоносовские чтения. М., 2004.
- Еремеев В. Е. Традиционная наука Китая. Интернет-публикация, <http://www.ligis.ru/librari/3427.htm>.
- Ермаков М. Культ предков в Китае: прошлое — настоящее — будущее // Звезда, 2007, № 5.
- Лин Мэнчу. Путь к Заоблачным Вратам. Пер.: Д. Воскресенский. Интернет-публикация, <http://china.kulichki.com/library/Story/0010.shtml>.
- Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2003.
- Маслов А. А. Миф как упрощение сакрального // Маслов А. А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М., 2003.
- Мясникова Ж. Нравственные ориентиры в китайском обществе в эпоху позднего Средневековья (на материале новелл XIV–XVIII вв.) // Опыт историко-антропологических исследований. 2003. М., 2003.
- Торчинов Е. А. Жизнь, смерть, бессмертие в универсуме китайской культуры. Интернет-публикация [филологический факультет СПбГУ], http://anthropology.ru/ru/texts/torchin/life_0.html.
- Цюй Юань. Призывание души // Ахматова А. Собрание сочинений. Том 8. Переводы. 1950–1960-е годы. М., Элис Лак, 2005.
- Юань Мэй. Новые записи Ци Се. Пер.: О. Л. Фишман. М., 1977.

Царство Аида

- Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинного. М., 1985.
- Аполлодор. Мифологическая библиотека. Пер.: В. Г. Борухович. Л., 1972.
- Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Пер.: Н. А. Чистякова. М., 2001.
- Аристофан. Лягушки. Пер.: А. Пиотровский // Аристофан. Лисистрата. Харьков, 2001.
- Вергилий. Энеида. Пер.: С. Ошеров // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.
- Гесиод. Работы и дни. Пер.: В. В. Вересаев // Эллинские поэты. М., 1999.
- Гесиод. Теогония (Происхождение богов). Пер.: В. В. Вересаев // Эллинские поэты. М., 1999.
- Гомер. Илиада. Пер.: В. В. Вересаев. М.—Л., 1949.
- Гомер. Одиссея. Пер.: В. В. Вересаев. М., 1953.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер.: К. П. Лукьяненко. М., 1992.
- Данте. Божественная комедия. Пер.: М. Лозинский. М., 1981.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1979.
- Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Том 2. Древний мир и мы. Изд. 3-е. СПб., 1911.
- Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005.
- Кипрские сказания. Пер.: О. Цыбенко // Эллинские поэты. М., 1999.
- Клавдиан. Похищение Прозерпины. Пер.: Е. Рабинович // Поздняя латинская поэзия. М., 1982.
- Клавдиан. Против Руфина. Пер.: М. Гаспаров // Поздняя латинская поэзия. М., 1982.
- Ксенофонт. Анабасис. Пер.: М. И. Максимова. М.—Л., 1951.
- Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М., 1990.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Том 1. М., 1963
- Лукан. Фарсалия. Пер.: Л. Е. Остроумов. М., 1993.
- Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1950.
- Овидий. Метаморфозы. Пер.: С. Шервинский. М., 1977.
- Овидий. Фасты. Пер.: Ф. Петровский. // Овидий. Собрание сочинений, том 2. СПб., 1994.
- Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. М., 2001.
- Перельман Я. И. Занимательная физика. Кн. 2. М., 1983.

- Платон. Государство. Пер.: А. Н. Егунов. // Платон. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 3 (1). М., 1971.
- Платон. Кратил. Пер.: Т. Васильева. // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1990.
- Платон. Федр. Пер.: А. Н. Егунов. // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. М., 1993.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 томах. М., 1994.
- Северин Т. Путешествие на «Брендане». По пути Ясона. Экспедиция «Улисс». М.—СПб., 2008.
- Сенека. Геркулес в безумье. Пер.: С. А. Ошеров // Луций Анней Сенека. Трагедии. М., 1991.
- Сонькин В. Об удачной коммерческой сделке, горсти песка, бутылке как месте обитания и самом древнем городе в Италии. Интернет-публикация, <http://ezhe.ru/ib/issue950.html>.
- Софокл. Эдип в Колоне. Пер.: Ф. Зелинский. // Софокл. Драмы. Т. II. М., 1915.
- Страбон. География. Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1964.
- Сударев Н. И., Болдырев С. И. «Обол Харона» как археологический термин // Боспорские чтения Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. СПб., 1998.
- Феофраст. Исследование о растениях. Пер.: М. Е. Сергеенко. М., 1951.
- Чеснок В. Ф. Вначале была легенда. Ростов-на-Дону, 1987.
- Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Эмпедокл. Из поэмы «Очищения». Пер.: Г. Якубанис (переработка: М. Гаспаров) // Эллинские поэты. М., 1999.
- Эсхил. Эвмениды. Пер.: С. Апт. // Эсхил. Трагедии. М., 1971.
- Lactantius. Divine Institutes. Buffalo, NY., 1886.

Вальгалла и ее соседи

- Бондаренко Г. Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007.
- Буров В. А. О семантике каменных лабиринтов Севера // Этнографическое обозрение, 2001, № 1.
- Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
- Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека). Пер.: О. П. Цыбенко. М., 2000.
- Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М., 2010.

- Ирландские саги. Пер.: А. А. Смирнов. Л., 1929.
- Калевала. Пер.: А. И. Бельский. М., 1956.
- Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Пер.: А. П. Ковалевский. Харьков. 1956.
- Кузнецов С. К. Культ умерших и загробные верования луговых черемисов // Этнографическое обозрение, 1904, № 2.
- Лев Диакон. История. Пер.: М. М. Копыленко. М., 1988.
- Лукач. Фарсалия. Пер.: Л. Е. Остроумов. М., 1993.
- О Торстейне Морозе. Пер.: М. И. Стеблин-Каменский // Исландские саги в 2 томах. Т. 2. СПб., 1999.
- Плавание святого Брендана. СПб., 2002.
- Предания и мифы средневековой Ирландии. Пер.: С. В. Шкунаев. М., 1991.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Северин Т. Путешествие на «Брендане». По пути Ясона. Экспедиция «Улисс». М.—СПб., 2008.
- Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). Пер.: А. Я. Гаркави. СПб. 1870.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Соболев А. Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 2000.
- [Снорри Стурлусон.] Младшая Эдда. Пер.: О. А. Смирницкая. Л., 1970.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной. Пер. под общ. ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1980.
- Старшая Эдда. Пер.: А. Корсун. СПб., 2001.
- Стратегикон Маврикия. Пер.: В. В. Кучма. СПб., 2004.
- Цезарь. Записки о Галльской войне. Пер.: М. М. Покровский. М., 2002.
- Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М., 2004.

От Шеола к Грядущему миру

- Агада. Пер.: С. Г. Фруг. СПб., 2007.
- Бен-Нахман М., р. (Рамбан, Нахманид). Врата воздаяния. Иерусалим, 2001.
- Зогар. Т. 2. Пер.: Я. Ратушный, П. Шаповал. М., 2007.
- Иосиф Флавий. Иудейские древности. Пер.: Г. Генкель. М., 2004.

- Книга Небесных Дворцов. Пер.: И. Тантлевский // Книги иудейских мудрецов. СПб., 2005.
- Косидовский З. Библейские сказания. М., 1978.
- Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976—2005.
- Смирнов А. В. Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической Книги Еноха. Казань, 1888.
- Танах. Пер.: издательство «Мосад а-рав Кук». Иерусалим, 1975.
- Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения первого храма. СПб., 2007.
- Телушкин Й., р. Еврейский мир. М., 2005.
- Телушкин Й., р. Еврейский мир: Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. Пер.: Н. Иванов, В. Владимиров. М., 2009.

Семь небес ислама

- Васильев Л. С. История религий Востока. М., 2006.
- Коран. Пер.: Б. Я. Шидфар. М., 2004.
- Максуд Р. Ислам. Пер.: В. Новиков. М., 1999.
- Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Китаб ат-Таухид (Книга Единобожия). Интернет-публикация, <http://tauhid.info>.
- Тафсир Аль-Коран. Аль-Мунтахаб. 2003.
- Умар Сулейман Аль-Ашкар. Рай и ад. Пер.: Э. Р. Кулиев. М., 2007.

«В доме Отца Моего обителей много»

- Александр (Милеант), епископ. Жизнь после смерти. 2004.
- Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». Пер.: С. Полякова // Византийский временник. Т. 8. М., 1956.
- Апокалипсис Павла. Интернет-публикация, http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/apoc_paul.shtml.
- Апокрифические апокалипсисы. Пер.: М. Г. Витковская, В. Е. Витковский. М., 2000.
- Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.
- Геродот. История. Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1999.
- Григорий Турский. История франков. Пер.: В. Д. Сарукова. М., 1987.

- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Давыденко О., иерей. Догматическое богословие. 1997.
- Данте. Божественная комедия. Пер.: М. Лозинский. М., 1981.
- Евангелие от Никодима (славянская версия). Пер.: Е. С. Лазарев // Наука и религия, 1990, № 5–8.
- Евангелие от Петра. Пер.: И. С. Свенцицкая // Апокрифы древних христиан. М., 1989.
- Ефрем Сирин, св. О рае // Ефрем Сирин, св. Творения. Т. 5. М., 1995.
- Жизнь, деяния и предивное сказание о святом отце нашем Макарии Римском... Пер.: С. Полякова // Жития византийских святых. СПб., 1995.
- Житие преподобного Василия Нового и видения ученика его Григория // Посмертные мытарства души и Страшный Суд Божий, М., 2000.
- Ивик О. Еда Древнего мира. М., 2012.
- Игнатий (Брянчанинов), святитель. Слово о смерти // Игнатий (Брянчанинов), святитель. Жизнь и смерть. 2007.
- Из сокровенных книг о вознесении праведного Еноха. Пер.: Л. М. Навтанович // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3: XI–XII века. СПб., 1999.
- Иларион (Алфеев), епископ. Христос победитель ада. СПб., 2005.
- Колумб Х. Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия. Пер.: Я. М. Свет // Хроники открытия Америки. Кн. 1. М., 2000.
- Кофман А. Ф. Америка несбывшихся чудес. М., 2001.
- Народная книга. Пер.: Р. В. Френкель // Легенда о докторе Фаусте. М., 1978.
- О загробной участи младенцев, не сподобившихся почему-либо св. крещения и мертворожденных... Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. 1993.
- Плавание святого Брендана. СПб., 2002.
- Планси Колен де. Инфернальный словарь. Реферат. Интернет-публикация, <http://www.blacmagia.narod.ru/learn/kabinet/056/>.
- Послание архиепископа Новгородского Василия к владыке Тверскому Феодору. Пер.: Н. С. Демкова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб., 1999.
- Поснов М. Э. История христианской церкви. Ч. 1. М., 1990.
- Рат-Вег И. Комедия Книги. М., 1987.

- Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
- Смирнов А. В. Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической Книги Еноха. Казань, 1888.
- Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. Пер.: М. В. Витов, Л. М. Паншечникова. М., 1959.
- Толковая Библия Лопухина. Интернет-публикация, <http://www.lopbible.narod.ru>.
- Уоррен У. Найденный Рай на Северном полюсе. Пер.: Н. Гусева. М., 2003.
- Филиппов А., диакон. Гипотеза о местонахождении рая в свете теории дрейфа материков // «Церковный вестник» [Санкт-Петербургской митрополии], 2003, № 3.
- Фоменко И. Карта мира: эсхатологический ландшафт Средневековья // интернет-публикация, http://www.intelros.ru/2007/02/12/igor_fomenko_karta_mira_jeskhatologicheskij_landshaft_srednevekovja.html.
- Хождение Богородицы по мукам. Пер.: М. В. Рождественская // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3: XI–XII века. СПб., 1999.
- Чекин Л. С. Картография европейского Средневековья. М., 1999.
- Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. СПб., 2006.
- World Christian Encyclopedia. 2nd edition. A comparative survey of churches and religions in the modern world. Oxford University Press. 2001.

Путешествие Данте Алигьери

- Борхес Х. Л. Девять эссе о Данте // Вопросы философии, 1994, № 1.
- Ватсон М. В. Данте. 1902.
- Вергилий. Энеида. Пер.: С. Ошеров // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.
- Данте. Божественная комедия. Пер.: М. Лозинский. М., 1981.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 томах. М., 1994.
- Путятин Д. А. Космос Данте и его движущие силы. Доклад. МГУ, 2006.
- Святский Д. О. Астрономия у Данте Алигьери в его «Божественной комедии» // Известия Русского общества любителей мироведения, № 1 (42), 1922.

Трегер Г. Ю. Эволюция основных физических идей. Киев, 1989.

Флоренский П. Мнимости в геометрии. М., 1991.

Экспедиции Эмануэля Сведенборга

Аугсбургское вероисповедание // Сборник песнопений Евангелическо-лютеранской Церкви. Предварительное издание. СПб., 2005.

Жирмунский В. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972.

Лега В. П. Лекции по истории западной философии. М., 2000.

Лейн Т. Христианские мыслители. М., 1997.

Лютер М. О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1987.

Пикирилли Р. Е. Кальвинизм, арминиаство и богословие спасения. СПб., 2000.

Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев, 1993.

Оглавление

От авторов	5
Общий демографический и исторический обзор	7
Дуат (Древний Египет)	16
Курнуги — «Страна без возврата» (Древняя Месопотамия)	43
Так говорил Заратуштра	61
Питрилока — мир предков (индуизм)	69
Буддисты в колесе сансары	82
Под властью Нефритового Императора (Китай).	93
Царство Аида (Греция и Рим)	116
Вальгалла и ее соседи (языческая Европа)	154
От Шеола к Грядущему миру (иудаизм)	187
Семь небес ислама	208
«В доме Отца Моего обителей много» (христианство)	218
Путешествие Данте Алигьери	264
Экспедиции Эмануэля Сведенборга	291
Послесловие	308
<i>Библиография</i>	310

Ивик О.

- И17 История и география загробного мира / Олег Ивик. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 328 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-177-9

Свои загробные миры создавали все народы, когда-либо населявшие Землю, и ныне в них насчитывается более ста миллиардов жителей. В те времена, когда живые еще не смели мечтать о выходе в космос, умершие уже осваивали — наряду с подземным пространством — небо и далекие звезды. География потустороннего мира сложна, животный и растительный мир разнообразен, а история насыщена войнами, революциями и борьбой за власть. Вот только сношения с ним несколько затруднены, хотя Одиссей и Брендан доплывали до него на своих кораблях, Данте Алигьери, посетив его, оставил отчет в стихах, а некоторые власти-тели отправляли туда послов, и, как утверждается, не без успеха. Авторы, работающие под псевдонимом Олег Ивик, соприкоснулись с изучением мира мертвых, работая в археологических экспедициях; кроме того, они изучили множество текстов разных времен и народов. Результатом их изысканий стало историко-географическое исследование загробного мира с древнейших времен до наших дней.

УДК 94

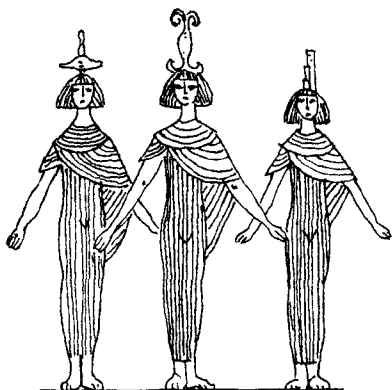
ББК 63.3(0)3

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Олег Ивик

История и география загробного мира

Редактор В. Чижов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 01.08.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1200 экз.
Заказ № 4107.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
Тел/факс: 8(496)726-54-10.

Олег Ивик
История
и география
загробного
мира

Свои загробные миры создавали все народы, когда-либо населявшие Землю, и ныне в них насчитывается более ста миллиардов жителей. В те времена, когда живые еще не смели мечтать о выходе в космос, умершие уже осваивали — наряду с подземным пространством — небо и далекие звезды. География потустороннего мира сложна, животный и растительный мир разнообразен, а история насыщена войнами, революциями и борьбой за власть. Вот только сношения с ним несколько затруднены, хотя Одиссей и Брендан доплывали до него на своих кораблях, Данте Алигьери, посетив его, оставил отчет в стихах, а некоторые властители отправляли туда послов, и, как утверждается, не без успеха. Авторы, работающие под псевдонимом Олег Ивик, соприкоснулись с изучением мира мертвых, работая в археологических экспедициях; кроме того, они изучили множество текстов разных времен и народов. Результатом их изысканий стало историко-географическое исследование загробного мира с древнейших времен до наших дней.

ISBN 978-5-91678-177-9

9 785916 178177 9